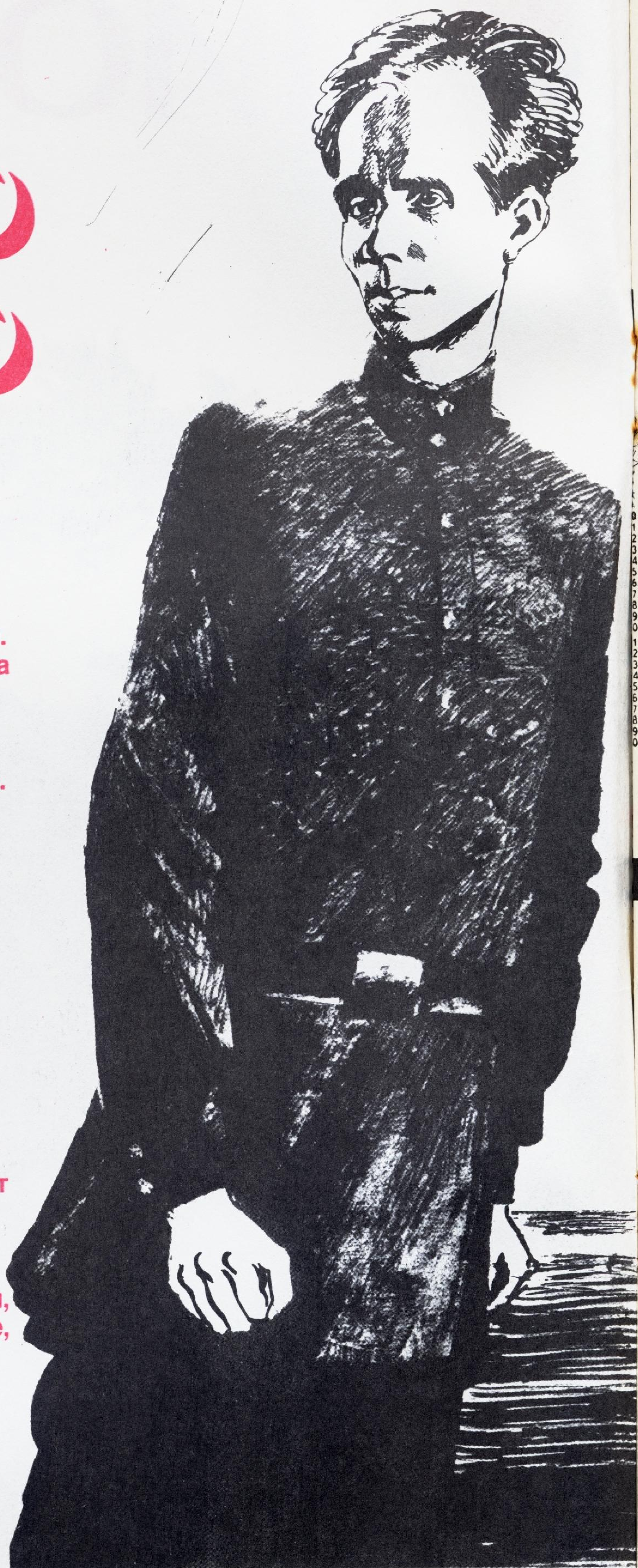

ПИОНЕР 9

1984

К 80-летию Николая Островского

НАВЕЧНО В СТРОЮ

Писателю Николаю Островскому 29 сентября этого года исполнилось бы восемьдесят лет. Трудно представить себе, что этот человек-легенда мог быть нашим с вами современником. Мог бы дожить до всемирного триумфа своей великой книги «Как закалялась сталь», мог бы... Но ранняя смерть вырвала Николая Островского из рядов бойцов.

...И все же Николай Островский жив! Жив в своей книге. В памяти многих поколений советских людей, воспитавших себя на примере Павки Корчагина. Островский встал рядом с теми, кто ковал победу в Великой Отечественной войне, восстанавливал страну после разрухи, ехал в пятидесятые годы на целину, летает в космос, работает на ударных комсомольских стройках. Николаю Островскому, своему духовному учителю, посвящают свои дела комсомольцы наших дней.

Улицы, воинские части, бригады, заводы, поезда и корабли, дома культуры, школы, пионерские дружины, библиотеки — да разве перечислишь все, что названо именем Островского!

Пусть сегодня со страниц журнала зазвучит голос Николая Островского. И за каждой цитатой — из писем, выступлений, статей — встанет образ мужественного человека, настоящего борца, талантливого писателя — нашего современника.

Вместе с комсомольским билетом мы получали ружье и двести патронов. Неувядаемой славой покрыли себя первые комсомольцы, верные помощники партии.

Вы что же думаете, на нас солнце не светило, или жизнь не казалась нам прекрасной, или для нас не было привлекательных девушек, когда мы носились по фронту, переживали боевые бури? В том-то и дело, что жизнь нас звала. Мы, может быть, больше других чувствовали ее очарование, но мы твердо знали, что самое главное сейчас — уничтожить классового врага и отстоять революцию.

...Я уже три года веду борьбу за жизнь и каждый раз бит,— сползаю назад. Если бы в основу моего существа не был заложен так прочно закон борьбы до последней возможности, то я давно бы себя расстрелял...

Только мы, такие, как я, так безумно любящие жизнь, ту борьбу, ту работу по постройке нового, много лучшего мира... не можем уйти, пока не останется хоть один шанс...

И когда жизнь свалила меня в постель, я все отдал для того, чтобы доказать моим воспитателям — старым большевикам, что молодое поколение рабочего класса не сдается ни при каких условиях. И я боролся. Жизнь старалась сломить меня, выбить из строя, а я говорил «не сдамся», ибо я верил в победу. Я шел вперед, потому что меня окружала нежная ласка партии. И я теперь радостно встречаю жизнь, которая подарила мне возвращение в строй.

Жизнь наша изумительно красива, романтична. Она дает нам массу замечательных образов. Мы едва успеваем за жизнью, за ее стремительным, бурным движением вперед. И уже вырисовывается перед нами образ нового, не виданного никогда раньше человека коммунистической морали, прекрасного человека будущего.

Товарищи, мужество рождается в борьбе. Мужество воспитывается изо дня в день в упорном сопротивлении трудностям. И девиз нашей молодежи — это мужество, это упорство, это настойчивость, это преодоление всех препятствий.

И я слушаю биение сердца моей Родины любимой. И встает она передо мной молодой и прекрасной, с цветущим здоровьем, жизнерадостная, непобедимая Страна Советов. Только она одна создала истинное братство народов. Какое счастье быть сыном такой Родины!

Самое прекрасное для человека — всем созданным тобой служить людям и тогда, когда ты перестаешь существовать.

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

СЕНТЯБРЬ 9

Москва 1984 г.
Издательство «Правда»

ОБРАЩЕНИЕ

участников III Всесоюзного слета тимуровцев к тимуровским командам, ко всем тимуровцам страны

Друзья!

III Всесоюзный слет тимуровцев прошел на украинской земле, где в грозные годы Великой Отечественной войны мужественно сражались советские воины, где геройски погиб писатель-боец, писатель-вожатый Аркадий Петрович Гайдар. На слете мы подвели итоги работы за пять лет, решили, как действовать дальше.

Всесоюзная тимуровская команда сегодня — это многомиллионная краснозвездная гвардия. Звезда Тимура — знак верности Родине, активной доброты и бескорыстия.

Мы, участники слета, призываем тимуровцев страны всегда занимать активную позицию во всем, что происходит вокруг.

Примем самое деятельное участие в подготовке к 40-летию великой Победы над фашизмом, в акции пионеров социалистических стран «Салют, Мир!» внесем свой вклад в борьбу за мир, укрепление могущества нашей Отчизны, продолжим операции «Красные звезды Тимура», «Ветеран живет рядом», «Солдатские вдовы», «Фронтовое письмо», «Сад Мира» и другие. Примем активное участие в новой операции «Свет Тимура».

Будем разведчиками, первопроходцами главных дел на Всесоюзном марше юных ленинцев. Наше место там, где труднее всего, где нужна помощь. Станем настоящими хозяевами в зоне пионерского действия. Будем решительно бороться с теми, кто нарушает советские законы, мораль, не бережет народное достояние, обижает малышей.

Продолжим изучение жизни Гайдара, еще крепче подружимся с героями его произведений, научимся у них закалять свой характер, преодолевать любые трудности. Будем готовы, как они, встать, если нужно, навстречу опасности.

Будем опираться на опыт тимуровцев разных поколений, развивать их традиции. Пусть в каждом селе, в каждом городе действуют боевые тимуровские команды, готовые прийти на помощь в любое время дня и ночи по первому зову. Будем работать смело, самостоятельно, творчески.

Вперед, тимуровцы!

Салют Гайдару!

Июль 1984 года.

Украинская ССР, г. Черкассы.

Мальчишки мечтают стать военными — моряками, летчиками, танкистами. Они хотят быть решительными, мужественными, надежными. Хотят защищать Родину.

Армия ждет смелых и настойчивых мальчишек. Она сделает их сильными и отважными. Даст настоящих друзей. Научит разбираться в технике, управлять сложными машинами.

Позволит испытать радость преодоления и восторг победы.

Сегодня вы познакомитесь с представителями одной из современных военных профессий — вертолетчиками.

Боевая машина

Капитан Ланцев достал из кармана связку ключей, отобрал один — плоский, с частыми зубчиками — и отомкнул кабину вертолета. Привычно, буднично, будто собственную квартиру. Время, которое провел Вячеслав в воздухе, насчитывает уже тысячи часов. Еще надо посчитать, где он бывает больше — дома или в небе. Да и что значит само понятие «дом» для летчика?..

Часто вертолет сравнивают со стрекозой. Действительно, он очень похож на это трескучее пучеглазое насекомое с перепончатыми легкими крылышками. Особенно на земле, где-нибудь на лесной опушке или на поле аэродрома. Пузатенький, с длинным тонким хвостом-фюзеляжем и устало опущенными, натруженными лопастями. Эта удивительная машина давно стала незаменимым помощником для геологов, строителей, охотников, врачей, полярников, моряков... Несет чудо-птица и ратную службу. Помогает вести воздушную разведку, обнаруживать затаившиеся в морской пучине подводные лодки, охранять государственную границу, высаживать в глубоком тылу «противника» на учениях десанты, скрытно доставлять в заданный район разведгруппы, эвакуировать с «поля боя» «раненых». Он неприхотлив, вертолет. Была бы мало-мальски ровная площадка для взлета да посадки. А если и такой нет — тоже не беда. Зависнет над самой землей, сбросят пилоты капроновую лестницу-трап: пожалуйте на выход или, наоборот, поднимайтесь.

Мне, журналисту, который пишет об армии и бывает в самых отдаленных уголках нашей страны, частенько приходили на помощь вертолетчики. Кажется, закрою глаза и увижу трескучую симпатичную стрекозу, выкрашенную в защитный цвет, с гордой красной звездой на борту — символом Вооруженных Сил СССР.

Машина, где устроился в пилотском кресле Ланцев и привычно манипулировал теперь с приборами, была другой. Горбоносая, с приплюснутыми боками, до предела уменьшенной грузовой кабиной, подвешенными блоками НУРСов (неуправляемых реактивных снарядов). Этот вертолет, единственный среди своей многочисленной механической родни, называется боевым. Он создан именно для боя. Для нападения. Или защиты.

В нашей стране вертолеты создавались для мирных дел — перевозить людей и грузы. Но уже в начале 50-х годов в агрессивной войне в Корее вертолетная авиация широко применялась армией США для высадки крупных десантов. В войне против Вьетнама американские вертолеты произвели около 24 миллионов вылетов. Они были не только транспортным средством, но в первую очередь оружием уничтожения.

Тогда в интересах защиты страны была создана подобная техника и у нас.

Туман

Ах, как хорошо было все задумано. Чуть заиграет предрассветным румянцем горизонт — поднимемся в небо. Пройдем, скрываемые остатками ночи, в район, отмеченный красным крестиком на карте штурмана. Проскользнем незаметно над самым лесом, почти касаясь колесами макушек деревьев. Разведаем обстановку. А затем загрузимся снарядами и бомбами — и снова туда, к такой мирной для постороннего глаза березовой рощице, упрятавшей десятки танков и бронетранспортеров условного

противника. Нанесем огневой удар. (Мне доводилось видеть обгоревшие, насквозь прошитые снарядами вертолетчиков мишени, имитирующие бронированные машины противника.)

...С экипажем, к которому я был на время прикомандирован, встретиться договорились в столовой. Я шагнул в гулкий, скудно освещенный в столь ранний час зал и увидел кислые мины ребят, которые вяло ковыряли вилками роскошный предполетный завтрак. Что-то случилось.

— Начинаем возить дрова,— пояснил Ланцев. И, заметив, что мне это выражение не понятно, добавил: — Нелетная погода. Туман.

Вечером еще ни облачка не было — и пожалуйста. Хуже всего, что не знаешь, когда все это кончится. Может, через час, а может, и через неделю.

Ладно еще мне, журналисту. А каково летчикам, которым необходимо выполнять боевое задание. Все прекрасно понимают, что их вины нет, что прок от винтокрылых машин, слепых в густой молочной пелене тумана, небольшой. Но разве легче от этого мотострелкам, на позиции которых скоро устремятся, лязгая гусеницами и завывая моторами, танки? Те самые, которые вертолетчики должны были остановить, но не остановили. Вот и скребут кошки на душе у ребят.

Синоптики мало чем утешили. Невысокий русоголовый капитан долго объяснял что-то о циклонах, идущих от Италии и Норвегии, и об антициклонах, устремившихся с Урала. Рассуждал многозначительно о малоградиентных полях повышенного давления. Ссылался на изобары. Разводил виновато руками: «Ну что я могу...»

В окно стараются не глядеть. А там — унылая картина. Ходит пластами тяжелый туман. Расплывчатыми контурами прорисовываются высокие свечи тополей. Нахохлился уныло на мокрой перекладине пустого спортгородка носатый грач.

Пока знакомлюсь с экипажем. Говорим обо всем на свете. О том, как попали ребята в авиацию, о буднях вертолетчиков, о товарищах по службе.

— Любишь летать? — спрашиваю командира

экипажа Ланцева, хотя ответ знаю заранее. Но чем-то надо расшевелить его.

— Люблю,— кивает.

— В небе не надоедает? По сути, одно и то же каждый день: взлет, посадка, компас, карты навигационные.

— Нет, не надоедает,— хмыкает в ответ.

— А случались в полете необычные ситуации, требующие особой выдержки, мужества?

— Ну, тоже скажешь, мужества. Всякое бывало. Но мужество...

Вот такой разговор.

Я уже и блокнот спрятал — не помогает. Не может Слава говорить о себе. Черта характера для журналиста очень неудобная. Но, честно говоря, всегда симпатичная.

Однако мало-помалу разговорились.

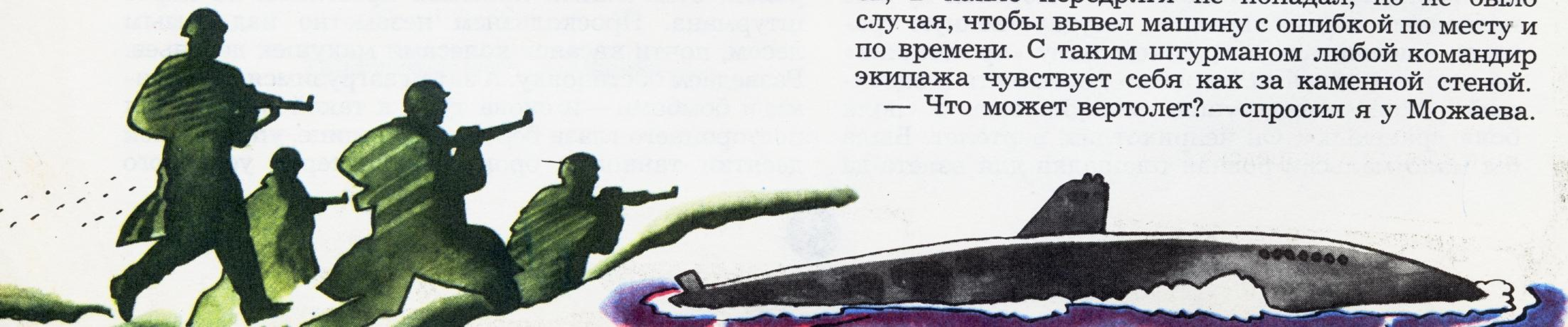
...Как-то в маленьком сибирском городке Шилка школьный военрук Иван Васильевич Репин организовал для своих учеников... самолет. Что-то вроде воздушной экскурсии. Трудяга-самолетик на небольшой высоте сделал два круга над городом. Именно тогда Слава Ланцев впервые увидел землю сверху. Удивился. Шилка — райцентр, а вся на ладошке умещается, вместе с железнодорожной станцией, локомотивным депо и леспромхозом. Когда самолет заруливал на посадку, Слава уже твердо решил: он будет только авиатором.

После десятилетки Слава поступил в Саратовское военное авиационное училище летчиков. Окончил его с отличием. Служил и на западе, и на севере, и на юге, и на востоке. Летчик первого класса. В 28 лет — командир звена. В общем, самая обычная судьба. О том, что за проявленные мужество и героизм Вячеслав награжден орденом Красной Звезды, я узнал от его борттехника, старшего лейтенанта Николая Гуртового.

Борттехник — это хозяин вертолета. Первым приходит он на аэродром, принимает машину от дежурного по стоянке, последним уходит. Он отвечает за техническое состояние вертолета, за его безупречное поведение в воздухе. Хороший техник — половина успеха в деле. Хлопот у него много. И на земле, и в небе. Но Гуртовой делает все не спеша, играючи. Николай — романтик. Восторженно описывает мне, как красива ночью земля, залитая морем огней. Как это здорово — пробить снежные горы облаков и оказаться один на один с солнцем. Какое ошеломляющее зрелище — нимбрадуга вокруг летящей пары вертолетов. Будто кольцо Сатурна в школьном учебнике астрономии.

Рядом сидит Саша Можаев. Вообще-то он не из экипажа Ланцева. Но у того летчик-штурман ушел в отпуск, и Можаев временно его заменяет. Именно он, если распогодится, обязан будет вывести сегодня нашу машину на цель, от него в первую очередь зависит точность удара. Где только не летал Можаев, в какие передряги не попадал, но не было случая, чтобы вывел машину с ошибкой по месту и по времени. С таким штурманом любой командир экипажа чувствует себя как за каменной стеной.

— Что может вертолет? — спросил я у Можаева.

— Все! — ответил он.

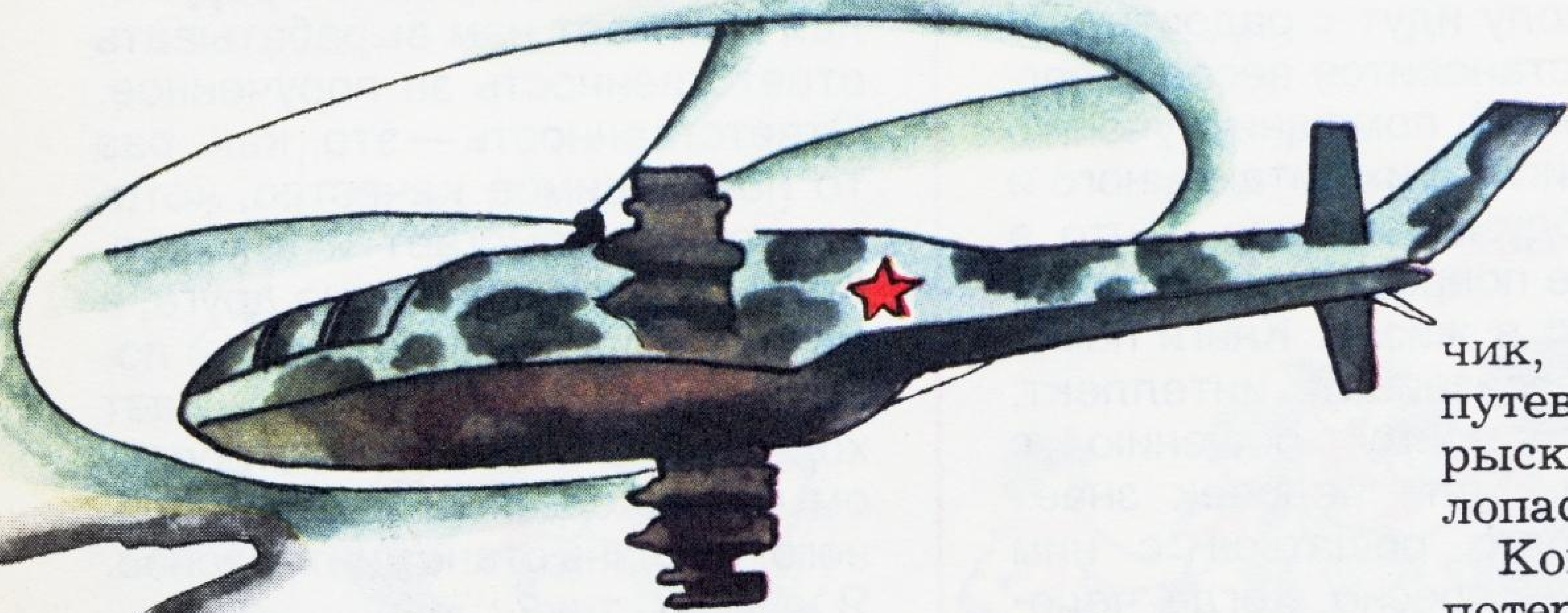
Подумав, я согласился. Пожалуй, не так уж преувеличил Саша. Вертолет — машина удивительная.

Только на вертолете!

Откуда берется мечта летать? Древние летописи донесли предание о происшедшем в царствование Ивана Грозного случае необыкновенном. «Смерд Никитка, боярского сына Лупатова холоп», изобрел крылья и летал при большом стечении народа в Александровской слободе под Москвой. Приговор гласил: «... человек не птица, крыльев не имать... За сие дружество с нечистою силою отрубить выдумщику голову...» Поплатился жизнью за мечту...

Саша Можаев помнит, как потрясли его эти слова, прочитанные совершенно случайно классе в седьмом: «...человек не птица, крыльев не имать...» Он, коренной москвич, ходил по той же земле, подолгу глядел в то же небо, о котором тосковал когда-то далекий по времени, но близкий по духу гордый человек.

Впервые он увидел вертолет вблизи в огромном, будто ангар, вестибюле 1-го Московского аэроклуба ДОСААФ. Саша прикоснулся к шершавому холодному металлу обшивки, поглядел сквозь выпуклый

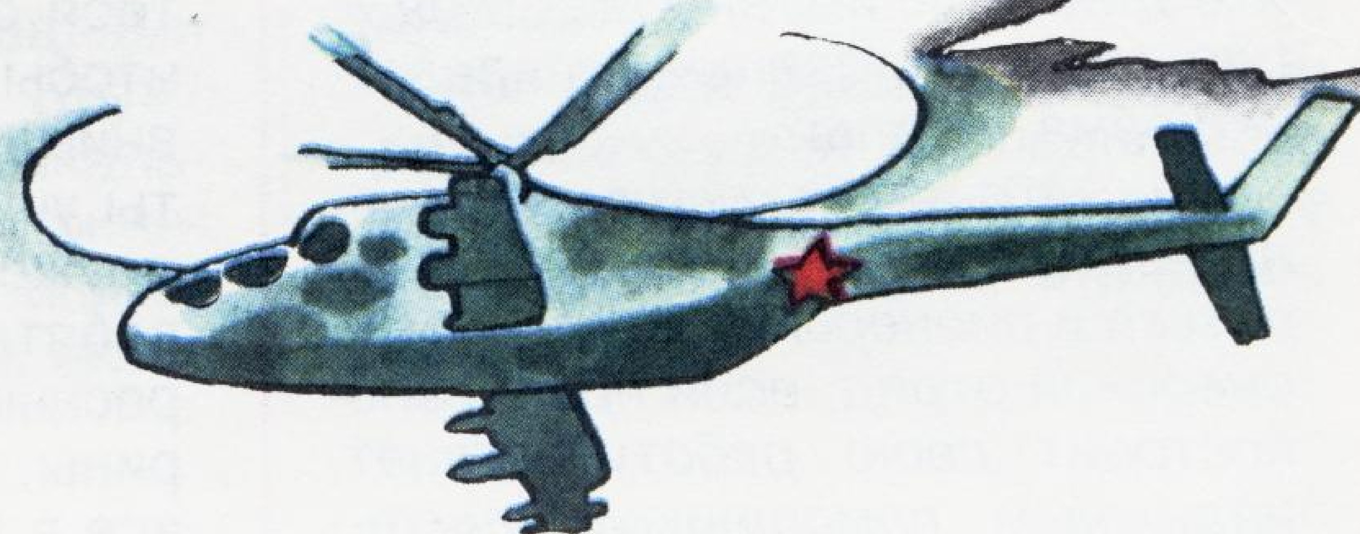
прозрачный блистер (пластмассовый выступ в корпусе вертолета) внутрь кабины и понял, что отсюда, из аэроклуба, путь у него один — в небо. Но пройдут месяцы и месяцы, прежде чем он посмотрит на землю сверху. Все это время, отработав смену в типографии, куда устроился после школы подсобным рабочим, он спешил на другой конец города. Ради авиатехники, аэродинамики, самолетовождения, навигационного оборудования и прочих премудростей, без которых в небо не подняться, он отказал себе во многом. Это очень важно: в какой-то момент жизни определить, что для тебя самое главное, и все силы отдать на достижение цели. А мечта у Можаева была высокая. Он хотел летать.

Окончив аэроклуб, Можаев написал рапорт с просьбой направить его служить в армию. Просьбу удовлетворили. Он начал летать на МИ-8 на юге страны. Затем — в небе Афганистана, в составе ограниченного контингента советских войск. Забирались высоко в горы, где разреженный воздух едва держал винтокрылую машину; доставляли мирному населению продовольствие и топливо. Перебрасывали срочные грузы. Перевозили людей, порой прорываясь через территорию, контролируемую бандитами. Летали, прижимаясь к скалам, маневрируя в непредсказуемых восходящих и нисходящих воздушных потоках. В горной стране, где о хороших дорогах лишь мечтают, вертолет поистине незаменим.

Когда требовалась срочная помощь, шли на оправданный риск.

... На мине, которыми нашпиговали горные тропы душманы, подорвался афганский майор. Его необходимо было срочно эвакуировать. Срочно! Речь шла о жизни человека. Пара советских МИ-8 прорвалась в этот район, но мало-мальски подходящей площадки не было на многие километры вокруг. У вертолета — три колеса. Значит, ему необходимо три точки опоры, чтобы прочно стоять на земле. Тогда этих точек не было. Но оставалась надежда на прекрасные технические качества машины. А еще на волю, выдержку, мастерство пилотов.

Только с четвертой попытки умудрились «притереть» к осыпающемуся крутому склону два колеса. Это была филигранная работа. Чуть ошибись летчик, дрогни рука на шаг-газе или нога на педали путевого управления, и машина потеряет обороты, рыскнет в сторону, закувыркается с горы, ломая лопасти винтов, стойки шасси... И в пропасть.

Когда в грузовой отсек заносили побелевшего от потери крови офицера, вертолет начал крениться...

Они уже возвращались домой. И вдруг Можаев заметил, что продолжает изо всех сил давить ногами в пол кабины, будто все еще пытается помочь машине удержать зыбкое равновесие. Он с облегчением откинулся в кресле.

Выполняем приказ

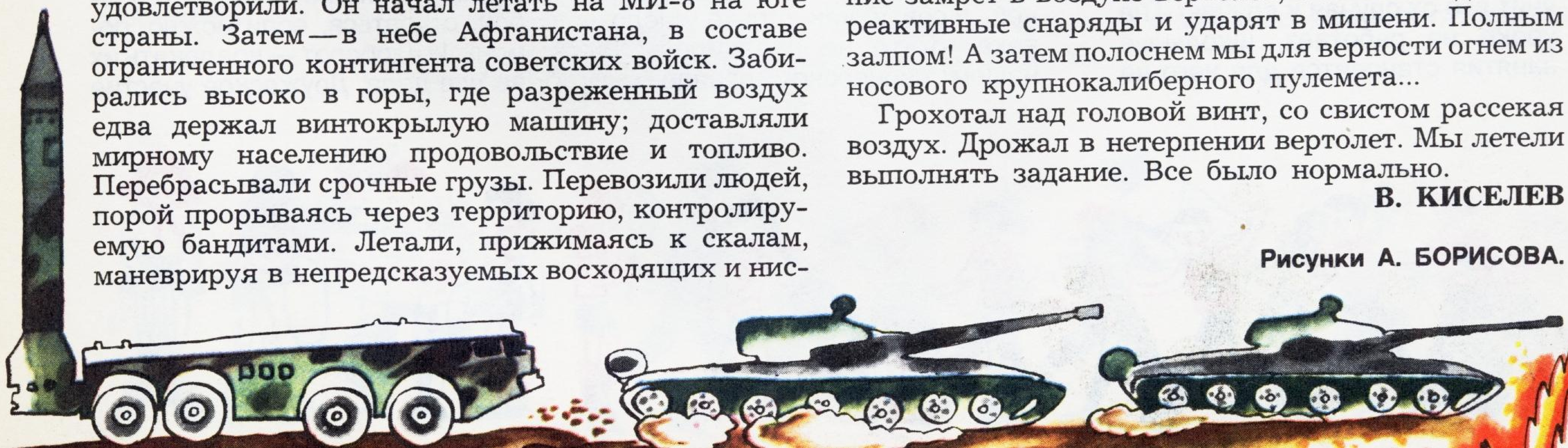
К обеду туман разошелся. И мы получили «добро» в небо. Надо было видеть, как мгновенно упаковали штурманы свои бумаги. Как бежали летчики к крытым брезентом грузовикам. С какой скоростью неслись затем машины к аэродрому, подпрыгивая на выбоинах бетонки.

...Мы летели «уничтожать» танки. Я сидел у иллюминатора, глядел вниз и представлял, как настанет решающая минута, вздрогнет и на мгновение замрет в воздухе вертолет, а от него отделятся реактивные снаряды и ударят в мишени. Полным залпом! А затем полоснем мы для верности огнем из носового крупнокалиберного пулемета...

Грохотал над головой винт, со свистом рассекая воздух. Дрожал в нетерпении вертолет. Мы летели выполнять задание. Все было нормально.

В. КИСЕЛЕВ

Рисунки А. БОРИСОВА.

УЧЕНИЕ — ЭТО ЖИЗНЬ

Вот и пришел еще один новый учебный год, и мы поздравляем тебя с его началом. И желаем успехов! Но для того чтобы пожелания не оставались только пожеланиями, неплохо с самых первых дней задуматься, как строить свою школьную жизнь? Что для тебя, именно для тебя и для твоих товарищей, означает реформа школы?

Для того, чтобы реформа школы шла успешно, должны постараться и пионерские отряды. Пионерский отряд, если правильно построит свою работу, станет надежным помощником учителей и в том, чтобы всем учиться было интересно. И в том, чтобы организовать ребят на полезный труд, на доброе дело. И в том, чтобы весело и с пользой проводить досуг.

На страницах раздела «Отряд говорит с отрядом» мы просили ребят поделиться своими размышлениями о том, как помогать учению, как лучше наладить школьную жизнь.

Многие пионеры поделились с нами своими соображениями и открытиями. Познакомься и ты с ними.

ЮЛЯ ХАРИНА, 7-й класс, школа №5, г. Челябинск. Учиться интересно, когда учишься. Внимательно слушаешь учителя. Дома или в библиотеке находишь дополнительный материал к разделу учебника. И постепенно увлекаешься тем, что учишь. «Знание возбуждает любовь, чем больше знакомишься с наукою, тем больше ее любишь»,— так сказал Н. Г. Чернышевский. Ну, а если человек учит все от случая к случаю и на уроке не работает, школьные занятия становятся для него не радостью, а мукой. Согласны ли вы со мной?

ЕЛЕНА ЯКОВЧУК, 7-й класс, село Кутейниково, Ростовская область. Я сделала для себя такое открытие: чем больше крупинок знаний попадает в твой мозг, тем больше появляется у тебя своих мыслей. А для того, чтобы учиться радостно, надо внимательно вникать в то, что ты учишь. Еще учению помогает дружба. Я убеждена: там, где ребята дружные, проходят интересные собрания, вечера, викторины, диспуты, походы. И тогда все в школу идут с радостью. И учиться становится весело, легко. Хороший помощник учению еще и книги. Я их читаю много и потом обдумываю: кто и что в книге мне понравилось, что я не принимаю в жизни. Книги помогают мне развивать интеллект, помогают моему общению с друзьями. Если человек знает мало, долго общаться с ним скучно. Интересно, когда человек много знает и имеет о том, что знает, свое мнение. Правда?

ГАЛЯ ЛУТОШКИНА, 7-й класс, село Лом, Кировская область. Хорошо учиться трудно. Совмещать хорошую учебу с общественной работой еще труднее. И обманывать тут себя не надо. Надо вырабатывать в себе характер: надо научиться заставлять себя даже тогда, когда не очень хочется. И, как ни странно, только приучая себя к усидчивости, внимательности, аккуратности, начинаешь чувствовать вкус учебы. А тем, кто не может сам победить свою лень, надо помогать. И не тогда, когда лень станет уже привычкой, а сразу, как только у человека что-то не заладилось. В нашем пионерском отряде мы спросили у каждого: интересно ли ему учиться? И поняли, что неинтересно учиться тем, кто учится ниже своих способностей или же не верит в них. И тут уж надо постараться не оставаться равнодушным к делам друга. Отряд у нас дружный, никому не хочется подводить свое звено — мы же соревнуемся! Мы учимся в сельской школе. Родители наших ребят работают в колхозе, и мы ходим помогать старшим на молочнотоварную ферму. Участие во взрослом деле на глазах у друзей и родителей помогает нам вырабатывать ответственность за порученное. Ответственность — это как раз то необходимое качество, которое очень помогает и в учебе. Когда чувствуешь плечо друга, а этому очень помогает общий полезный труд, настроение бывает хорошее. С хорошим настроением можно сделать много полезного, и жизнь станет интереснее. Я думаю, так?

СВЕТЛАНА СИРЕНКО, г. Ростов-на-Дону. В каждом классе есть ученики, которые отстают от других. Человек может даже учиться на совесть, но у него не получается. Бывает так, что таких ребят не принимают в коллектив, не дают пионерских поручений, вроде бы от них отмахиваются. И такие ребята, видя это, начинают учиться еще хуже, начинают прогуливать уроки, избегают свой пионерский отряд. И даже начинают плохо себя вести. Надо, мне кажется, не отстранять от отряда ребят, которые учатся хуже других или совсем плохо. Выяснять причину, почему у них не ладится с учебой, стараться, если можно, помочь. И наоборот — вовлекать их во все дела. Дружеское участие

поможет им в учебе. Я думаю так, хотелось бы знать, как думают другие.

АЛЛА САВИКОВА, г. Астрахань. Мы много говорим о любимых и нелюбимых предметах, а я поняла: чем меньше ты понимаешь, скажем, физику, тем больше неохота ее учить. Как настроить себя на работу по нелюбимому предмету? Прежде всего надо внушить себе, что он тебе совершенно необходим. Потом попытайся узнать по этому предмету как можно больше: попробуй почитать книжки по истории физики или о великих физиках. Попытайся понять, зачем физика нужна в жизни? И еще, мне кажется, я поняла один секрет: учить предмет надо систематически. Тогда все понятно и интересно. Чтобы стало по-настоящему интересно, надо убеждать себя в том, что это интересно. Так?

ЛЕНА ТИЛЬКИРИДИ, г. Ивано-Франковск. Чтобы учиться хотелось, самое главное—поверить в свои силы. Это главное. И тут не только все зависит от тебя. Тут многое зависит от товарищей, от пионерского отряда. Верят или не верят в тебя друзья. Пионерский отряд должен учитывать это, когда распределяет поручения и оценивает работу. В отряде человек должен чувствовать себя полноправным. Какие же успехи с плохим настроением?

СВЕТЛАНА БАРАБАШЕВА, 6-й класс, школа № 37, г. Андижан. Сейчас всюду — по телевидению, радио, в газетах — говорят и пишут о реформе школы. Мы, школьники, тоже не должны стоять в стороне. Какой мне представляется школа будущего? Группы продленного дня занимают отдельное здание, с отоплением, игровой комнатой и комнатой отдыха. Спортивный комплекс с тренажерами, с плавательным бассейном, с залами для разных секций. Кружки — драматический, музыкальный, хоровой, хореографический, изобразительного искусства—ведут специалисты: актеры, художники, музыканты. На уроках труда мы учимся делать все, что необходимо в жизни: чинить утюги, вкусно готовить и шить оригинальные платья, вязать свитеры и врезать в дверь замки, водить машину и работать на станке. Хочется, чтобы школа выпускала человека со специальностью, а главное, приспособленного к жизни. Это поможет ему стать достойным гражданином своей страны. Ребята! Давайте все вместе будем думать, как мы поможем осуществить реформу школы?

Этот разговор может быть продолжен на пионерском сборе отряда, на сборах дружин. Хотелось бы только, чтобы в раздумьях о школе участвовали не только девочки, но и мальчики. Разве у мальчиков нет своего мнения?

Мы будем рады, если своими размышлениями вы поделитесь с журналом «Пионер». Напишите в «Отряд говорит с отрядом». Ждем!

Труд не должен пропадать даром.

Что для тебя, именно для тебя и твоих товарищей, означает реформа школы?

РАЗГОВОР СО ВЗРОСЛЫМИ

Каждый год мы, как и все пионеры, собираем металлолом. Все стараются перевыполнить норму. Нам говорят, что из этого металла сделают новые тракторы, трамваи и велосипеды — для нас. Хорошо! Но вот кончился учебный год, а металлолом лежит никому не нужный. Ржавеет. Обидно! Как поступить?

Наташа КОЛЕСНИК,
с. Борисовка, Челябинская область.

НЕ УСПОКАИВАТЬСЯ! Идти в райком комсомола. В пункт вторсырья. К шефам. Просить, чтоб помогли с машиной. ТРУД НЕ ДОЛЖЕН ПРОПАДАТЬ ДАРОМ. И металл тоже.

ТОВАРИЩИ ВЗРОСЛЫЕ! Все, кто вместе с ребятами читает наш журнал. ОЧЕНЬ ПРОСИМ ВАС: помогайте пионерам в сложных для них ситуациях советом и делом.

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

Е. ПИНАЕВ

ПЕСОЧНЫЕ ЧАСЫ

ПОВЕСТЬ

Окончание. Начало в № 8.

Рисунки А. ДУГИНА.

Они удрали, забрав последнюю шлюпку, ракетницу, два спасательных круга и все нагрудники.

— Решились, видно, не сразу,— сказал дядя Юло.— Видите, — он ткнул пальцем в круглый стеклянный фонарь, похожий на елочную игрушку,— собирались повесить якорный огонь, приготовили аварийные,— теперь он смотрел на два красных глобуса, висящих, как и первый, на штурвале,— да запаниковали и решили спасать собственные шкуры, пока мы сидели в каюте.

— Дядя Юло, они же не выгребут! — почти выкрикнул Петька.

— И румпель утопили,— поддакнул я.

— Уверен, грести они и не собирались. Дорофеев — мужик непутевый, но, надо признать, толковый моряк. Уж он-то понимал что к чему, а потому рассчитал, что шлюпку вынесет к маяку или, если пронесет мимо, на Вильсанд.

Баржу резко положило. Мы вцепились в круглые палки лееров, привинченных вдоль всех переборок.

— Держитесь, ребята! — прикрикнул шкипер.— Никто не укачивается?

Не знаю, как остальные, а у меня в голове стало тяжело-тяжело. Но терпеть можно. Я повис на леере возле Петьки, в то время как шкипер пытался зажечь фонарь с белым стеклом. Он вспыхнул неожиданно ярко.

— Повешу огни,— сказал дядя Юло и напялил ремешок фуражки на подбородок,— а потом попробуем связаться с берегом. Из рубки — ни шагу!

Ни шагу... А сам — на палубу. Ее же нужно пройти из конца в конец, а там льет и хлещет. Нос, кажется, вообще не вылезает из воды.

Но шкипер добрался только до двери. Баржу положило так резко, что ему пришлось уцепиться за дверные задрайки. Борька снова сорвался, проехал по линолеуму и ухватился за ноги дяди Юло. Сзади звенели и раскачивались фонари. Нас с Петькой тоже раскачивало и гнуло.

Дядя Юло поднял Борьку за шиворот и сунул к

леeру, а сам к чему-то прислушивался. Я пытался понять и тоже тянул уши, но слышал только шум ветра и удары волн в пустую баржу. Ее вдруг закрутило, понесло куда-то вбок.

— Левый якорь полетел,— сказал шкипер,— закрепили по-походному. И ленточные стопора затянули и набросили палы. Есть там, ребятки, стальные зубья-упоры. Вот и вырвало цепь. Сейчас полетит вторая.— Он погасил фонарь.— Оставим на дне якоря и пустимся в путь, прямиком в вашу «Красную Балтику»!

За черными стеклами, там, где полагалось быть носу баржи, вспухали расплывчатые зеленые пятна. Иногда, чуть в стороне, вспыхивала желтая звездочка. Потом она становилась красной, гасла и снова желтела, бросая во все стороны иголки-лучики. Маяк! Надежный берег, каменная башня и люди...

А здесь... Рывки почти не прекращались, и наконец ударило так, что покатились фонари, а баржа еще раз сильно метнулась в сторону, задрав нос, взлетела легко и плавно и повалилась, повалилась, подставляя борт ударам, которые сыпались, сыпались, сыпались, будто волны только и ждали этой минуты...

— Второй канат, мальчики, приказал долго жить.

Шкипер оторвался от двери и, широко расставляя ноги, скользнул к столу. Так быстро и ловко, что успел ухватиться за него прежде, чем баржа снова полетела неведомо куда.

— Значит, так: плыви, мой челн, по воле волн, а мы будем соображать куда, куда влечет нас жалкий жребий!— Дядя Юло утвердился над картой.— Куда же мы поплывем? Поплывем мы куда же? А поплывем мы мимо острова Буяна на кудыкину гору...

Говорилось все это себе, говорилось и бездумно и деловито. Но именно эта бездумность, эти стишки, собранные в кучу, странным образом успокаивали нас и внушали, что не сейчас, так через два или три часа этот человек что-то придумает, что-то решит и сделает все, как надо.

— Что ж, моряки...— Дядя Юло выдвинул ящик и достал картонный патрон, похожий на Петькину трехзвездную ракету.— Будем спасаться?

Мы зашевелились, забурчали, выражая горячее согласие и одобрение.

— Тогда для начала запалим фальшфейер. Следите за берегом.

Шкипер открыл дверь — грохот и вой наполнили рубку и словно бы всколыхнули ее,— быстро чиркнул головкой патрона о терку и выставил руку. Оранжевое пламя, нестерпимый — ну прямо великаний! — бенгальский огонь мотнулся лохматыми языками и пошел сыпать косматые искры.

Огонь догорел и увял. Шкипер захлопнул дверь и двумя руками, с повисом, повернул задрайки. Я моргал, пытаясь унять в глазах оранжевые искры. Борька тоже сопел и возился в углу, где кучей лежали опрокинувшиеся табуретки. В это время Петька крикнул: «Ракета!» Мы успели увидеть две другие: яркие, мгновенно сгоревшие светлячки, прочертившие небо правее маяка. «Пограничники!» — определил шкипер.

Нас трепало, как белье на веревке, а шкипер по-прежнему приплясывал у стола. Приемник свистел и потрескивал. Я гадал, почему же он работает, коли нет электричества, но «техник-механик» фыркнул: «Питание от сухих элементов!»

Мы не сводили глаз со шкипера, а тот щелкал тумблерами и все звал, звал, подымая брови и будто удивляясь, что не слышит ответа: «Говорит баржа-водолей, говорит баржа-водолей... Я шкипер Юло Репп. Как слышите? Прием!»

«Репп! Слышишь, Гешка!» Борька так толкнул меня в бок, что оборвался с леера и повис на телеграфе за спиной у шкипера. Но мне-то сейчас было вовсе не до этого.

Шкипер сунул аккумуляторный фонарь в ящик с биноклем. Свет бил из него наискось. Фонарь елозил, и прожекторный луч бродил по потолку, сползал вниз и желтым пламенем вспыхивал в черных стеклах, которые не были глухой преградой между нами и тем, что творилось на палубе. Я все время чувствовал, что за тонкими стенками мечется кто-то огромный и сильный. Он чует присутствие людей и оттого бесится, царапается, бьет и рушит, с размаху кидается на рубку, но ворваться не может и потому часто хлещет обессиленной мокрой лапой, дышит надсадно, со свистом, а потом набирается сил и вновь наваливается, стремясь опрокинуть и смять.

Длинные исковерканные тени жили отдельно от нас. Они выскакивали из углов, где скапливалась чернота, словно просочившаяся в рубку вместе с сыростью. Тени тоже пропитывались ею, теряли подвижность, надолго застывали, чуть подрагивая и вибрируя. Их влажная тяжесть давила все сильнее и холодом оседала на спину.

...Щелчок тумблера, и снова: «Говорит баржа-водолей. Лишился обоих якорей. Механик и моторист ушли до шторма на Кипсар, матрос и боцман сбежали на шлюпке. Со мною трое детей. Как слышите? Прием!»

«Урожай», так именовался зеленый облупленный ящик, бубнил и потрескивал, подмигивал зеленым огоньком индикатора. Мы не вслушивались в береговые голоса, но следили за шкипером. Он слушал, кивал лобастой головой с прилипшей седой прядкой, и, выставив нижнюю челюсть, скреб заросшую щеку, и снова слушал.

— Вас понял! Будем ждать. Отбой! — И снова щелчок. Последний. Погас зеленый глаз «Урожая», шкипер сунул в стол фуражку и предложил спуститься вниз.

— Ведь на ногах не держитесь,— сказал он.— Я все-таки пристрою аварийный огонь и принесу консервы и хлеб. Идите в каюту напротив. Там все же четыре койки.

Не скажу про других, а меня ноги действительно не держали. Дядя Юло дал нам фонарь, но Петька погасил его, едва мы свалились в койки. Решил беречь аккумулятор. Лежать в темноте было неприятно и, если говорить честно, страшновато. Тьма отдавала каким-то затхлым запахом, рождала беспокойство. Оно мешало заснуть или просто лежать неподвижно. Хотелось что-то делать, куда-то лезть. А вылезем ли?

Вылезем! Потому что есть дядя Юло. Я сразу ему поверил: это — настоящий! Прочный во всем. Значит, найдет выход...

Шкипер чуть не упал, но извернулся и сел на койку, вывалив на меня из картонной коробки банки и хлеб. Зато не выронил чайник и не выпустил фонарь.

— Не спите? Понятно, вам такое и не снилось. Но не берите в голову, ребятки,— шкипер выдвинул ящик, сложил в него консервы и даже ухитрился пристроить чайник,— лето у вас не пропало даром! Узнали, почем фунт матросского лиха, узнали и кудыкину гору, верно? Где раки зимуют, тоже узнали, и побывали там, куда Макар телят не гонял.

— А нужно ли это знать?..— проворчал Борька.

— Можно и обойтись. Но, я полагаю, вы отправились в море не за пятеркой по сочинению «Как я

провел лето»? Да и Напалков — строгий капитан. Он не из тех, кто тешит чужую блажь. Вы, я полагаю, думали, мечтали о море. Вы его получили вместе с поводом для хо-р-роших размышлений... Ладно, ребятки. Если не спится — ждите меня. Сделаю последний обход, а вернусь — поедим.

Шкипер ушел, не зная, что и фунт лиха еще впереди, что нам еще предстоит узнать, где зимуют раки. На какой кудыкиной горе.

Я закрыл глаза. Шкипер унес фонарь, и снова каюту наполнило липкое ощущение неуверенности и жути. Может быть, это сон? Проснусь и окажусь в Окуневске. На дворе или на озере среди сосен и сопок. Но качка... Это не сон. Вроде привыкли к болтанке... не привыкли, а притерпелись. Разве можно привыкнуть к барже, которая мечется и стонет, как живая? А подбрасывает? Дух захватывает, и сердце обрывается! Пустая консервная банка.

И вдруг...

Был удар. То ли обо что-то ударило, то ли, как обычно, налетела волна. Но крен получился такой, что душа моя моментально скатилась в пятки вместе с желудком. Баржа остановилась на миг и повалилась снова, повалилась все круче и томительнее, опрокидываясь кверху тормашками. В тамбуре выше коридора сорвалась и гулко лязгнула крышка люка. Это был последний ясный и осознанный звук.

...Меня подбросило и скрутило в клубок. Коленки ударились о верхнюю койку и отскочили далеко назад. Мимо ушей проскочили! Меня сложило плотно, как перочинный ножик, так что лязгнули зубы, а из груди выдавились остатки воздуха.

Потом я и совсем перестал что-то соображать. Меня вышвырнуло из койки вниз головой. В темень, в ужас, за которым мерещилась черная вода, и оттуда, из глубины, донеслось Борькино: «Ба-а-а-абка!» Наверно, я тоже кричал. Закричишь поневоле! Вокруг падало, гремело, стукало, я где-то застревал, но все время падал, куда-то летел, уже не ощущая боли, в полной уверенности, что пришла последняя минута: баржа разваливается, идет ко дну. А-а!

... Я ору? В горле сухота, будто наглотался песку. Голова гудит, рядом кто-то ворочается такой же оглушенный и потрясенный. В диком мраке — где верх, где низ? — мы ползаем среди одеял, подушек и собственных рук-ног. Гремит чайник, елозят консервные банки. Ага, начинаю что-то соображать, но, главное, мы живы? Живы!

...А дядя Юло? Где шкипер? Шкипер-то где?!

Странно: качает гораздо меньше и как-то спокойнее. Плавно, что ли. Притом не с боку на бок, а сверху вниз.

— Петька, а где фонарь?

— Спросил бы что-нибудь полегче...

— А ты, Борька, что молчишь? Живой?

— Ясы-ык п-п-икусил!

Я не решаюсь спросить о шкипере, но вдруг слышу слабый стон и следом: «Мальчики...» Откуда? Ничего не понять.

Я повернулся и охнул: ныла каждая косточка. Но не от боли, от чего-то другого я не решался встать на ноги. Петька пополз на четвереньках и позвал:

— Ребята, живо сюда! Дядя Юло ногу сломал. Он в коридоре.

Я заторопился на голос, но сначала столкнулся с Борькой — лоб в лоб, так что из глаз посыпались искры,— а потом ударился коленом о круглую и гладкую шишку. Пошарил и нащупал колпак плафона. Что-то забрезжило в сознании, но я торопился к дверям и снова врезался лбом во что-то твердое.

— Вставай на ноги,— посоветовал Петька, хватая за рукав и помогая перебраться через слишком высокий порог.— Дошло до тебя, что ходим по потолку?

Вот оно что!.. Но кромешная тьма вязла в глазах уже настолько привычно, что я не встревожился и не осознал до конца случившееся с нами. Вот дверь. Вроде ничего не изменилось: пальцы ощупывают косяк, спускаются ниже и натыкаются... на высокий порог. Это же притолока! А вот чья-то голова. Борькина. Вечно лезет под руку... Я опустился рядом и услышал тяжелое дыхание шкипера.

— Собрались? Осторожнее, ребятки, рядом люк...

— Какой люк? — переспросил я.

— Аварийный, Геша, аварийный. Наша непотопляемая баржа совершила классический оверкиль.

Я сразу вспомнил квадратную выемку и черные рукоятки задраек: «Никогда бы не подумал, что возможно такое...» Шкипер дернулся,— очевидно, я задел его ногу.

— То ли еще бывает в морях! Задраены наглухо — уже счастье. Как сумел, как успел захлопнуть люк? Буквально в последнее мгновение. Видно, рано еще помирать!

— Помирать нам рановато, есть еще в Окуневске дела! — пропел Борька дребезжащим голосом. Слова шкипера приободрили его, и он, по-прежнему на четвереньках, пополз вдоль стенки. Чем-то гремел, что-то щупал и отбрасывал.

— Ты чего там потерял? — проворчал Петька.— Помоги лучше перенести дядю Юло в каюту.

Шкипер командовал:

— Давайте разом, вместе... Главное, придерживайте ногу, а перепрыгнуть порог я сумею. Подымаемся, моряки, шага-а-ем... Стопори ход! Приземля-яемся... Шабаш!

Мы устроили его возле дверей. Притащили матрац, разыскали подушку и одеяло. Сели было рядышком, но дядя Юло сказал, что сейчас самое время заняться фонарями.

— Здесь пока не шарьте,— посоветовал шкипер,— а возьмите в моей каюте. В рундуке должно лежать несколько штук. Потом отыщете тот, в коридоре. Ты же его искал? — спросил он у Борьки.

— Его. Он там и лежит, в углу. И стекло разбито и лампочка.

— Сходи, Петя. Только помни, что рундуки теперь вверху.

Наконец два луча метнулись по каюте, осветив полный разгром.

...Ступня у шкипера распухла и посинела. Сапог мы разрезали его ножом, потом разломали ящик-рундук и примотали к ноге пару дощечек бинтами из простыней. Но болела она, очевидно, очень сильно. Шкипер лежал, закрыв глаза. Петька разыскал хлеб, вскрыл тем же ножом одну из банок, но есть дядя Юло не стал. Я подобрал чайник. В нем еще оставались сухофрукты. Они были влажными, и шкипер взял на язык несколько черносливин.

— Кончайте возню, ребятки. Устраивайтесь, и будем ждать под морем погоды.

Мы лежали не меньше часа. Говорить не хотелось. Дядя Юло забылся и, кажется, спал. А может

...— Дело в том, ребятенки, что некогда у Реппов было ДВОЕ часов.

быть, тоже слушал плеск волн над головой. Даже не плеск, а непонятный шелест и удары, которые наполняли пустую баржу монотонным гулом. Баржа мелко вздрагивала и проседала, но не стояла на месте. Движение было медленным. Даже плавным. Походило на вращение гигантского колеса, какие есть, наверное, во всех парках культуры. Сидишь в люльке и ползешь вверх. Потом скатываешься вниз и заново описываешь круг. Но баржа двигалась не по кругу, а по вытянутому тошнотворному эллипсу. Это не качка. Интересно, а «Фортуну» швыряло? Неслась, поди, по волнам, и нипочем были ей шторма-ураганы.

Я вспомнил рисунок, вернее, оба рисунка, и покосился на шкипера. Оказывается, он не спал и смотрел в потолок, где раскачивались на коротких цепочках стулья. И тогда я спросил про рисунок в его каюте.

— Рисунок и рисунок...— Он повернулся и сморщился.— Память о младшем братишке. Был и у меня, Геша, братишка. Шкет вроде вас. Артур любил рисовать море и парусники.

— Артур Репп, который умер?

Шкипер даже привстал и оперся на локоть.

— А ну, Геша, выкладывай, что у тебя?! — Борька и Петька повернули головы. Значит, и эти не спали.

Я рассказал все, что слышал от отца.

— Ты из Окуневска! — Голос у шкипера звучал торжественно. — Угадал? Вижу — попал в точку.

Там, в рубке, я ждал чего-то подобного, а сейчас растерялся: слишком невероятно звучало название родного городка в перевернувшейся барже. К тому же в устах чужого человека. Даже дядя Федя еще ни разу не приезжал в Окуневск.

— Так, значит, это твоего папу я однажды брал на охоту! — улыбнулся шкипер.— Как давно это было! И Артур... Живой... Да-а... Как же вас занесло на Балтику?

Я рассказал, что занесло, собственно, меня и Борьку.

— Ну да,— подхватил дядя Юло,— ведь Петя — сын капитана.

Я спросил: отчего, мол, Артур все время рисовал один и тот же корабль?

— Это, ребята, почти сказка-быль. Так сказать, семейная хроника времен Карла Двенадцатого! — Шкипер оживился, глаза заблестели, боль куда-то отступила.— Точнее, времен Петра Первого. Дело в том, что у нас, Реппов, уже двести с лишним лет хранятся песочные часы с корабля «Фортуна».

Не-ет, такое нужно услышать!

Борька подскочил:

— Не может быть! Они же дома у Петьки!

Теперь и дядя Юло удивился.

— Ну и ну-у...— изумленно протянул он.— Эти — из Окуневска, тот владелец часов, а с ними старый дурак, который в Окуневске бывал и тоже владеет часами с «Фортуны»...

В конце концов он расхохотался и обнял меня и Петьку. Борька подвинулся поближе, и шкипер взъерошил ему волосы.

— Подходящее, надо сказать, место мы выбрали для встречи. Прямо как по заказу! Но... дело в том, ребятенки, что некогда у Реппов было ДВОЕ часов.

— Вот что, ребята. Ну, хотя бы ты, Петя, сходи ко мне и принеси портфель-«дипломат».— Петька вскочил, но тут же сел — ослаб.— Не спеши. Я же еще не сказал, где он лежит. Откроешь шкафчик, что за койкой у двери, и пошаришь на верхней полке. Теперь она, понятно, снизу. Заодно проверь иллюминатор. Надеюсь, он держит воду. Проверь как следует и коридор обследуй.

Петька вернулся мигом: нигде не текло. «Дипломат», размером больше обычного, он бережно опустил на матрац. Шкипер щелкнул замками и достал что-то круглое, завернутое в полосатый тельник. Мы ждали, а дядя Юло медлил, поглядывал с улыбкой, потом развернул рубашку и поставил под луч фонаря... песочные часы!

Бронзовые завитки, буквы и цифры вспыхнули острыми бликами, орел обеими головами глянул в упор, а свет пронизал стекло, и струйка песка потекла из пальцев русалок бесшумно, тоненькой ниткой. Часы были такие, как и в доме у Петьки.

— Борька, давай,— я ткнул его в бок,— прочитай дяде Юло.

На парусных судах в качании каюты,
Должно быть, шел их век — и труден и суров...

Борька не стал артачиться и читал, не отрывая от часов неподвижного взгляда.

В одном стремлении: отсчитывать минуты
Тропических ветров и ледяных ветров...

Шкипер слушал, закрыв глаза. Русалки таинственно улыбались, в глазах двоилось, кровь толчками била в виски.

Над опрокинутой стеклянною воронкой,
Зажатою в тугой дубовый поясок,
Сквозь трубку горлышка всегда струею тонкой
Спокойно сыпался сползающий песок...

А может, сейчас войдет тетя Аня и окажется, что баржа, шторм мне только приснились. Петька сбросит одеяло и позовет на канал, где много солнца, ветер и свежий, вкусный воздух. Борька повысил голос, словно почувствовал себя на сцене:

Песочные часы! Могли они, наверно,
Все время странствуя, включить в свою судьбу
Журнал Лисянского, промеры Крузенштерна,
Дневник Головнина и карты Коцебу!
И захотелось мне, как в парусной поэме
Отважных плаваний, их повесть прочитать,
В пузатое стекло запаянное время
Перевернуть вверх дном, заставить течь опять.

Хорошо читал Борька!

Пускай струится с ним романтика былая,
Течет уверенно, как и тогда текла,
Чтоб осыпь чистая, бесшумно оседая,
Сверкала золотом сквозь прозелень стекла.

Мы посмотрели в «прозелень», и струйка песка действительно казалась золотой. Такой делал ее желтый свет фонаря.

Пускай вернется с ней старинная отвага,
Что в сердце моряка с далеких дней жива,
Не посрамила честь андреевского флага
И русским именем назвала острова.

Наконец Борька дочитал и умолк. Дядя Юло вздохнул: хорошие стихи... Чьи?

— Поэта Всеволода Рождественского! — важно пояснил Борька.— Там еще три куплета, да у меня в горле пересохло.

Тогда я спросил у шкипера, отчего он держит часы в портфеле.

— Мы собирались после рейса на ремонт. Обычно я держал их в кронштейне для графина.

Дядя Юло взглянул на запястье и отстегнул разбитые часы с единственной стрелкой. Борька покосился на циферблат:

— День сейчас или ночь?

— Перевернулись в двадцать два с минутами, а теперь, наверно, около трех ночи. Вы бы поспали — нужно беречь силы.

А для чего беречь? Все время, как ни стараешься, как ни гонишь прочь, толчется в уме мыслишка, что плаваем вверх тормашками, что дышится тяжело, что с каждым часом будет еще тяжелее, а время куда-то исчезло, пропало.

— Давайте засечем время. Для удобства будем вести отсчет с ноля часов.— Дядя Юло перевернул песочные часы, а рядом положил три щепочки.— Итак, сейчас три часа ночи. Команда, отбой!

— Дядя Юло,— взмолился Петька,— расскажите вашу «хронику». Ну хоть немножко. Я все равно не усну.

— Рассказать недолго, но вы же с ног валитесь! Не ели и не спали да и натерпелись. Ешьте хотя бы консервы.

Но мы хотели только пить. Хоть глоток, хоть глоточек!

— Слушайте,— сказал, помолчав, шкипер.— Я вам расскажу подлинную историю «Фортуны» и часов.

...Осенью тысяча семьсот шестнадцатого года на Балтике бушевал шторм. В недостроенной Ревельской гавани укрылись восемь кораблей. Ближе других к берегу оказались «Антиной» и «Фортуна». О том, чтобы выйти в море и штормовать там, не приходилось и думать. Командиры понимали это и теперь делали все, чтобы уцелеть и понести наименьший урон. Однако напор ветра был слишком силен. У «Антиноя» и «Фортуны» лопнули якорные канаты. Оба корабля швырнуло на берег.

Волны с грохотом выворачивали камни из недостроенных молов, ломали причалы и теперь с новой силой обрушились на беззащитные парусники. Трещали мачты, рвались снасти, в щепки разлетались борта. Людей смывало с палуб, и только редкие крики гибнувших моряков доносились до берега.

Окрестные жители и рыбаки, а среди них были и Реппы, не могли помочь кораблям, но делали все для спасения людей. Реппы, два брата, Оскар и Арди, среди других вытащили и командира «Фортуны».

— Семейное предание гласит,— рассказывал шкипер,— что неистовый шторм нанес гавани страшные разрушения. «Фортуна» была так разбита и покалечена, что не имело смысла восстанавливать ее. Наверное, поэтому командир счел возможным одарить спасителей песочными часами с более не существующей «Фортуны».

Дядя Юло перевернул часы и добавил четвертую щепочку.

— Значит, и наши часы принадлежали Реппам?

— Кто ж его знает, Петя. Но что «Фортуне» — без сомнения. Кстати, а как они к вам попали?

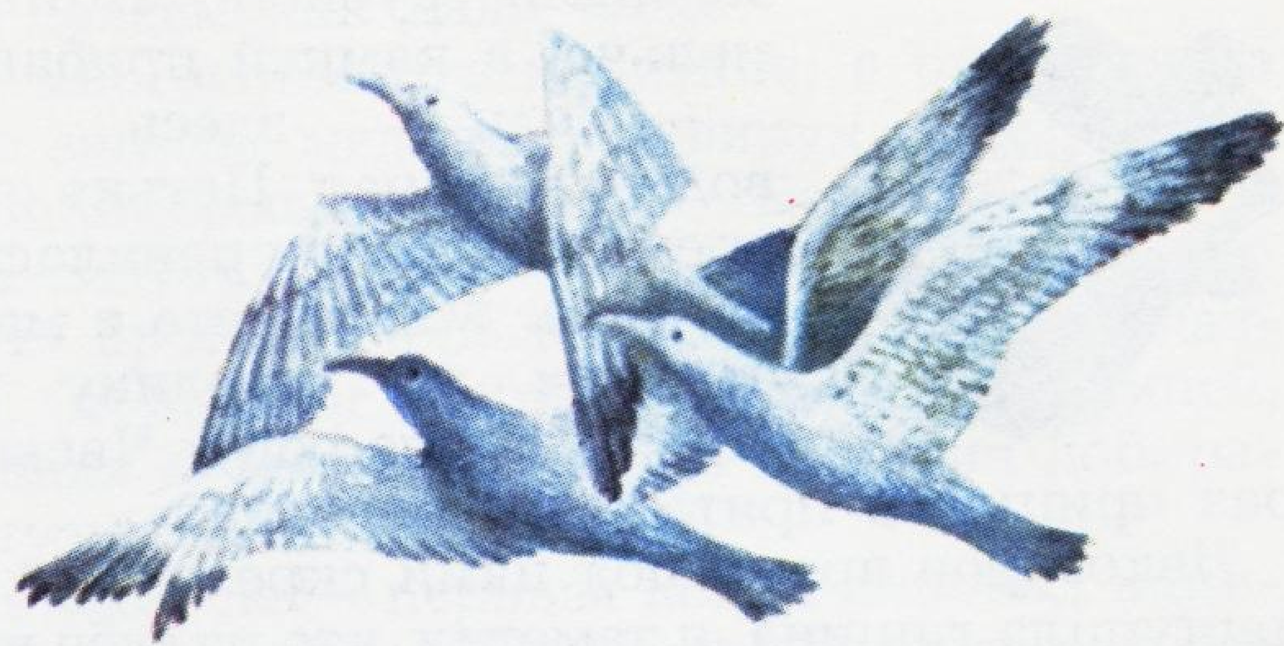
— Дедушка привез их с Дальнего Востока. Он там с японцами воевал. Ну... с Квантунской армией. Часы ему подарил какой-то человек в Порт-Артуре.

— Так-так-так... С востока, говоришь? Вполне возможно, что твой дедушка получил их от кого-то из Реппов...

Дядя Юло устало смолк. Щепочки возле часов двоились и троились. Щепки... Баржа — тоже щепка... Идешь, скользишь вдоль глинистого ручья и подгоняешь прутиком щепку-путешественницу. Мутная весенняя вода полна голубых небесных осколков, и как свежо пахнет снегом! И чуть-чуть лежалой прелью листьев. А воздух-то, воздух!

Я с трудом повернул голову.

Дядя Юло не двигался, дышал, как и ребята, тяжело и со свистом. Один фонарь погас, второй едва светил, вперив слабеющий луч прямо в часы.

Я потрогал стекло. Смотри-ка, время бежит, будто ничего не случилось. Не останавливается песок, торопится из прошлого в будущее. Как в песенке из какого-то фильма: «Есть только миг между прошлым и будущим — именно он называется жизнь!» Значит, если нас не будет, то время остановится и будущее исчезнет? Я не хочу застревать в прошлом! Следить за временем, не спать, не смыкать глаз, помнить, все время помнить, что мы пропадем, когда иссякнет струйка секунд и минут! Последние песчинки скатились в нижний сосуд. Я перевернул часы и добавил щепку: беги, струись — мы живы!

Ребята уснули, а мне не спалось.

Как могло случиться подобное? Вот каюта, за ней — коридор. Десяток шагов по трапу, а там наружу, к свежему, чистому воздуху! Я сел, но тут же свалился обратно: просто не верится, что по трапу не подняться и люка не открыть. Все перевернулось кверху тормашками, и за палубой холодная глубина, скользкие камни, рыба и водоросли.

...Интересно, как сильно выступает днище? Наверное, вода свободно перекатывается через киль. Я стал прислушиваться к темноте, что скапливалась у потолка и все сильнее давила на грудь.

И вдруг тишина ожила. Прорезалась шорохами, скрипами и ударами, то слабыми, то сильными. Временами мне казалось, что чьи-то руки ощупывают и сжимают корпус баржи. А качка не ощущалась. Да и движение стало иным. Неровным, что ли. Но разве можно в чем-то разобраться, если режет глаза, мутится в голове, а легкие с трудом втягивают что-то густое, пропитанное сыростью? Даже сердце порой останавливается, а потом начинает судорожно биться.

Вдруг дядя Юло тронул меня за руку и показал глазами наверх: «Слышишь?!» И Петька проснулся, и он смотрел туда же. По-моему, раздавались прежние шорохи. И скрипы. Разве что появились толчки?

— Наверное, мачта тычется в дно...— почему-то шепотом предположил Петька.

— Какая мачта, какая мачта! Наш огрызок давно согнуло или обломало. Винты!

Но мы их не слышали.

Потом раздался протяжный и громкий скрежет. Будто по стеклу провели чем-то острым. Провели и столкнули корму баржи с какого-то уступа. Она накренилась, часы упали, но Борька — и он проснулся! — сразу поставил их на место. Я начал считать щепки, но баржу ударило снова. Точно под нами и гораздо сильнее, чем прежде. Ударило и стало раскачивать из стороны в сторону.

— Вот теперь насадило! — Шкипер приподнялся.— Рубкой насадило.

Мы замерли, пытаясь представить, что делается за бортом.

— До этого,— пояснил дядя Юло,— мы слегка

задевали рубкой. Потом стало мельче, а камней прибавилось.

— Если здесь мелководье...— начал Петька, но в это время палуба накренилась и ухнула вниз. Мы вместе с матрацами съехали на середину потолка. Прямо к плафону. Часы на этот раз пришлось прятать в «дипломат».

Некоторое время под нами скрежетало, а когда наступила тишина, я заметил, что палуба выровнялась, а плеск воды стал гораздо явственнее. Словно она уже набралась в каюту — не в нашу, понятно, а в капитанскую — и разгуливала там.

— Стали на ровный киль...— сказал шкипер. Когда корма накренилась и матрацы поехали, он упал на спину. Мы снова подтащили его к двери и подсунули под бока подушки.— Это, мальчики, может означать только одно: корму перебросило через камни, а нос застрял. Скорее всего получил пробоину. Чувствуете? Нос притопило, а мы подвсплыли. Вот и приехали на кудыкину гору, как я вам обещал. Теперь остается узнать, здесь ли зимуют раки.

— Наверное, здесь! — Петька кивнул наверх.— Слышите, ползают и вращают клешнями.

— Это же снова винты, ребята! — обрадовался шкипер.— Баржу заметили. Не могли не заметить. А коли так, значит, вернутся. Будем ждать!

Ждать... А воздуха нет совсем. Мы лежим пластом. Аккумулятор совсем обессилел. Лучик света едва тлеет, и в каюте сгущается липкая тьма.

Жужжит... Снова винты? Или шумит в голове?

— Ребятенки, вы еще дышите? Отзовитесь...

Петька и Борька не откликнулись, но я нашел силы пошевелиться, и дядя Юло почувствовал это.

— Геша, ты слышишь меня? Постарайся собраться с силами. Сейчас все зависит от того, сможешь ли ты подняться. Слушай внимательно. Наша баржа пуста, и если затопило носовой отсек, то возможно, что иллюминатор в моей каюте торчит над водой. Даже если наверху люди, они не успеют помочь, а так... есть надежда. Собери силенки, парнишка, собери, пожалуйста, и попробуй. Действуй, Геша!

Он замолчал. Очевидно, устал — слишком длинная речь.

Значит, нужно встать. Встать и выбраться в коридор. Я подымался долго. Наверно, целую вечность. Еще дольше перетаскивал ноги через притолоку. Две, три вечности, целую кучу. Я сел на притолоку и передохнул. Даже обернулся назад. Луч фонаря превратился в тусклый оранжевый круг, а лица — в желтые пятна. Мне стало жутко. Скорее в каюту, скорее к иллюминатору! Пока хоть какие-то силы, пока... пока... Что пока? Пока могу идти. Ну, конечно, пока могу шевелить ногами...

Теперь я поднялся быстрее. Сделал шаг — увидел под ногами зеленое расплывчатое пятно, но уже не смог ни остановиться, ни хотя бы упасть в сторону. «Вода-а!» — прозвучало тихо, как выдох.

Я камнем пошел ко дну, по привычке открыв глаза.

Грудь сжимало, грудь разрывало. И то, и другое! Боль такая резкая — хоть умирай. Я терял сознание, но вода освежила и придала сил. И все равно хотелось открыть рот, а там будь что будет — пускай лопну, как мыльный пузырь. К счастью, песчаное дно оказалось рядом — я же выпал «солдатиком».

Трудно вспомнить сейчас, о чем я думал в те мгновения. Скорее всего ни о чем. Но было, было что-то сильнее страха и боли, какое-то воспоминание. Требовательное? Ну да. Другого слова я не могу подобрать. Засело занозой: я должен что-то сделать.

Толчок ногами — туда, наверх. Наверх во что бы то ни стало! Уже рядом голубизна и зеленые морщины, совсем близко вывороченные гребни волн, яркие блики, оранжевые пятна — солнце! Я не видел его тысячу лет! Но руки больше не слушались. Ноги ватно согнулись, вода хлынула в горло.

...Время остановилось, и солнце, вспыхнув, разом погасло.

«Солнце льется, сердце бьется, и приво-ольно дышит грудь. Над волнами вместе с нами птица-песня держит путь!..»

Песня наплывала волнами, голос звучал, как труба. Я мысленно подпевал, но песня исчезла. Запеть самому? Но что-то мешало, сбивало мелодию. У отца и мамы так хорошо и ладно получалась эта песня. А меня что-то сбивает, пытается окунуть в удушливую тьму.

Тьма... В ней нет воздуха, но в оранжевом круге быстро-быстро льется струйка белого песка. Откуда, почему?! О-о! Петька и Борька, шкипер дядя Юло...

— Прекрасно! Еще взбодрите разок — уже кричит! — донеслось откуда-то с неба.

...Это я кричу?

— А ну, Мятлев, пройдись еще по спине. Разочек пройдись, но с пристрастием, старшина, с пристрастием. Не жалей шкуру у молодца!

Спину обожгло огнем!

Потише, Мятлев, потише... Ой! Огонь расползается по телу, закипает кровь, и в кончиках пальцев становится горячо-горячо. А по лопаткам продолжает гулять пламя. И, странно, я горел, но не умирал. Наоборот — чувствовал, как прибывают силы и проясняется сознание.

Хватит! Ну хватит же!

Я вскрикнул и сел. Глаза открылись сами собой. Моряк в черной пилотке отбросил мохнатое полотенце и, оглядываясь, закричал:

— А вы говорили, что у Мятлева не получится! Не таких откачивали. Совсем синих.

Моряки захохотали, а я окончательно пришел в себя и оглянулся. Небольшой кораблик, желтая деревянная палуба, баллоны и маски, синее море, чайки... ржавое днище баржи. Наш водолей!

— Узнаешь? Нет, ты сюда погляди. Узнаешь этого маримана?

О-о! Борька! С открытым ртом! Он сидел на корточках. Борька закрыл рот и обрадованно мигнул. И даже глаза вытер. Или мне показалось?

— Борька, а где остальные? Что с ними, Борька?

— Живы подводники! Все живы! Успокойся! — Лейтенант, похожий на грузина, кивнул на баржу.— Шкипер, сам понимаешь, пока нетранспортабелен, а третий — Петька, что ли,— остался при нем. Придет время — всех достанем.

— Три мудреца в одном тазу пустились по морю в грозу...— Загорелый парень в синих плавках поднял голову от кислородных баллонов.— Слышал это замечательное стихотворение?

— Слышал...— Мне сразу вспомнился Пегов.

— А сколько же «мудрецов» было всего на барже?

— Семь. Или восемь? Двое уехали еще до шторма, а двое сбежали потом. И нас со шкипером четверо.

— Значит, те, у Вильсанда, тоже их.— Парень взглянул на лейтенанта.

— Да,— ответил коротко тот.

Борька успел куда-то удрать, лейтенант ушел в рубку, а парень в плавках засобирался под воду: протирал маску, гремел баллонами, щелкал пряжками.

— Это вы меня достали?—Я не мог молчать. Меня все время тянуло за язык желание говорить, говорить и говорить.

— Из морской пучины?—усмехнулся аквалангист.—Не достал, а подхватил. Ты был у самой поверхности, когда передумал и снова отправился на дно.

— А он как же?—Я поискал Борьку глазами, не нашел, но водолаз все равно понял.

— Коли человек откуда-то выпал, значит, есть дырка. Так что обнаружить люк не составило труда. Признаться, я вовремя подоспел, потому что друзья твои сложили лапки и почти не дышали.

— А потом?

— Потом обследовал ваш саркофаг, вашу западню. Люк задраил, иллюминатор открыл и перетащил их в каюту поближе к кислороду.

Он натянул маску, похлопал меня по плечу и спиной опрокинулся в воду. Цепочка пузырьков поднялась несколько раз там и сям и скрылась под баржей. «Когда ж их достанут?—вздохнул Борька.—Ну просто мочи нет дожидаться. Я и туда, и сюда, а все заняты делом...»

— Тебя-то через иллюминатор достали?

— И вовсе я сам вылез! Я за водолазом люк задраил, и снова иллюминатор открыл тоже я. Петька еще лежал отдыхивался, а мне кричат: лезь и лезь. Нечего, мол, троим в барже околачиваться.

— Ладно, не кипятись. Вылез и вылез. Смотри, Петька!

Ржавое днище торчало в десятке метров от водолазного бота. Иллюминатор чернел у самой поверхности воды, и самые любопытные волнешки даже заплескивали в него. Петька тоже увидел нас и замахал рукой.

Подошел старшина Мятлев и крикнул Петьке, что скоро подойдет «Беркут» и что отец передает ему и всем остальным привет. Он хотел добавить что-то еще, но Петька исчез. Наверное, отправился к шкиперу.

— Кончают ребята обследовать посудину,—сказал старшина.—Теперь слово за лейтенантом. Как решит Кикнадзе, так и поступят с ней.

— А как же Петька со шкипером?!—подскочил Борька.

— Да, уж наверное, не оставим!—усмехнулся старшина и замахал водолазу. Тот вынырнул под иллюминатором, заглянул в каюту и поплыл к борту.

Я стоял возле Мятлева и думал: как же получилось, что аварийный люк оказался открытым? Я сам видел: все задрайки были повернуты до упора. Там же резиновая прокладка—ни капли не просочилось! Раздумывал так и эдак, ничего не решил и спросил старшину.

— Баржу било о камни?—Мятлев помог водолазу подняться на борт и снять баллоны.

— Еще как! И волокло, и стукало рубкой и палубой!

— Вот и отгадка. Люк открылся, и получился из баржи водолазный колокол. Слышал о таком?

— Это который... Александр Македонский?

— Вот-вот! И не только он применял его. Борька говорит, что ты ныряльщик. Должен интересоваться историей. Вдруг пойдешь в водолазы.

— А можно?!

— Придет время—попадешь на флот. А на флоте, брат, все можно, все возможно. У тебя, парнишка, все впереди.

Сказал совсем как дядя Федя.

Стоило мне вспомнить капитана, а он легок на помине: с запада, медленно лавируя среди банок, шел такой знакомый кораблик. «Беркут»! Я сразу узнал его силуэт.

«Беркут» бросил якорь в километре от водолазного бота. Он не смог подойти ближе из-за камней, поэтому дядя Федя и Поликарп Никитич добирались на тузике.

— А Петька где?—первым делом спросил капитан, поднявшись на палубу. Меня и Борьку он сразу увидел. Увидел и прижал к себе.

— Папа-а, я здесь!—послышалось из иллюминатора.—Мы тут со шкипером!

— Не волнуйтесь, капитан.—Лейтенант Кикнадзе козырнул.—Сейчас мои люди займутся ими.

Они отошли в сторонку, а дядя Поликарп рассказал нам с Борькой, как с ними просился Валерка Пегов.

— «Возьмите,—плачется,—христа ради,—смеялся тралмастер.—Я,—говорит,—согласен плыть на буксире!» Уж очень, хлопцы, Валерка переживал за вас. Да любой из нас, не говорю про Федора Анисимыча, места себе не находил. Эх-ма, служба морская!

Пока мы разговаривали, на барже шипел автоген и сыпались искры. Над водой плыл резкий запах горелого железа, а вокруг иллюминатора чернела закопченная полоса.

Ждать осталось недолго. Моряки работали споро, но без суеты и спешки. Дядя Федя наблюдал за ними, тралмастер тоже помалкивал и теребил подтяжки. О нас с Борькой и говорить нечего: пристроились позади и почти не дышали.

Наконец баллоны и шланги перевезли на бот. С лебедки подали трос и зацепили иллюминатор. Рывок! Ржавый квадрат металла со скрежетом вывалился из борта и бултыхнулся в воду. Когда в дыре показалось Петькино лицо, мы с Борькой не выдержали и заорали: «Ур-р-ра!»

...Взрыв едва колыхнул баржу, но там, в воде, толовая шашка вырвала люк, и корма стала медленно погружаться. Все столпились у борта, а дядя Юло приподнял голову с носилок. На дно шел его водолей. Хоть и баржа, а все-таки судно. Теперь оно гибло. Шло на дно. И поэтому все молчали.

Лейтенант Кикнадзе выслушал водолазов и решил затопить баржу. Носовой отсек действительно был пробит и залит водой, а буксир-спасатель не смог бы работать в здешних камнях. Поэтому, как только шкипера и Петьку перевезли на бот, баржу приготовили к взрыву.

И вот... В квадратной дыре взбухнул зеленый пузырь—остатки воздуха рванулись наружу, вызвав подобие вздоха,—днище слегка накренилось и исчезло. Все...

Некоторое время никто не двигался. Все смотрели, как медленно расходятся зеленые широкие круги. И вдруг в тишине раздался Борькин голос:

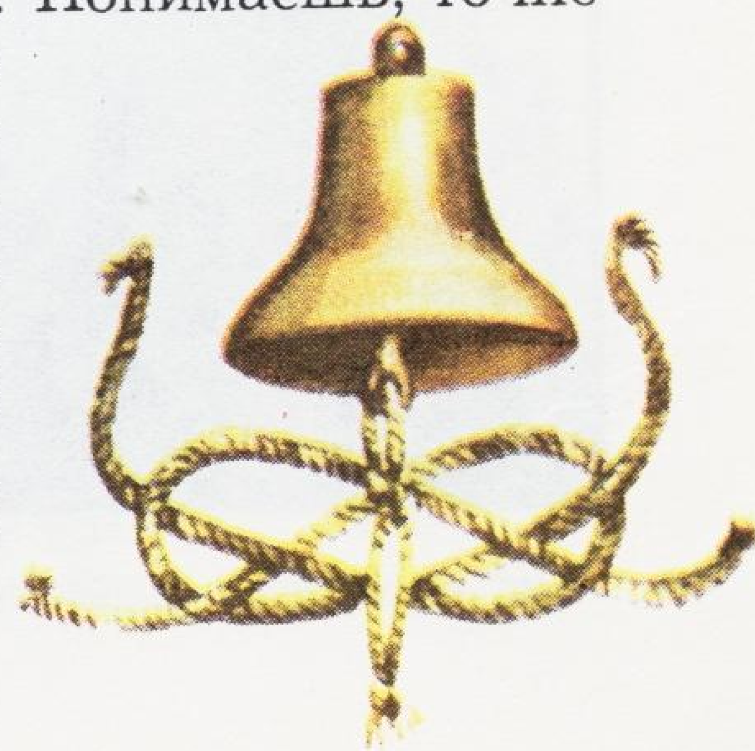
— Дядя Юло, а где ваши часы?

— Часы?!—Голова шкипера бессильно опустилась на носилки.—Часы остались в каюте...

— О каких часах речь?—спросил дядя Федя.

— Папа, часы с «Фортуны»! Понимаешь, точно такие, как наши. И наши—не наши,—заторопился Петька,—теперь-то, конечно, наши, но когда-то принадлежали им, Реппам. Это ж у них семейная реликвия. Дядя Юло нам все рассказал.

— Подожди, не тараторь!

«Наши — не наши, наши» — ничего не пойму. Тоже песочные?

— Ну конечно! — вмешался я. — Их нужно обязательно достать.

— Как их теперь достанешь? — усомнился Поликарп Никитич. — Разве что просить водолазов. Так они спешат.

— Если реликвия, — протянул в раздумье капитан, — если часы принадлежали шкиперу, отдадим ему свои, и дело с концом.

Мы так увлеклись разговором, что не заметили, как Борька отошел в сторонку и стал у борта. Я побежал к Мятлеву. «Какие часы? Брось людей смешить!» — отмахнулся старшина. Он сразу ушел к матросам, которые чехлили тузик, убирали снаряжение и вообще готовились в путь.

— Папка, поговори с лейтенантом! — Петька чуть не плакал. — Наши тоже отдадим, но эти нельзя оставлять на дне. Как ты не понимаешь! Нельзя и нельзя!

— Право, неудобно просить людей... — Дядя Федя не знал, как поступить. — Ну, хорошо, хорошо! Если согласится лейтенант...

— Это другой коленкор! — Поликарп Никитич одобрительно глянул вслед капитану. Но едва тот скрылся в рубке, мы услышали всплеск. Его слышали все, кто находился на палубе, и все повернулись к борту. Борькина голова показалась над затонувшей баржей. Он взмахнул рукой, сделал несколько глубоких вдохов — это же я научил его вентилировать легкие на свою голову! — перевернулся и, мелькнув пятками, ушел под воду.

Дядя Поликарп соскочил в тузик, но не мог отдать швартов. Руки тряслись у старика. Я сунулся, чтобы помочь, но дядя Федя (когда успел появиться?) оттолкнул меня к Петьке. «Сидеть обоим!» — гаркнул он, сбросил веревку и прыгнул к тралмастеру, сильно оттолкнув тузик от борта.

Мы присели возле носилок и наблюдали за суетой.

Уже старшина плыл кролем, и тот парень, что вытащил меня, бросился в воду. Следом прыгнул кто-то из моряков или водолазов. Меня трясло, Петька сидел, зажав руки в коленях, а на шкипера просто жалко было смотреть. Все понимали, что нырнуть в дыру — это не шутка. Глубина, положим, невелика: три-четыре метра от силы. Но их нужно осилить, нужно попасть в дыру, найти часы и вынырнуть обратно!

— Они лежат в «дипломате»... — тихо сказал шкипер. — Если с Борисом что-то случится, я себе не прощу.

— Вы-то при чем?! — Я обозлился на Борьку. — Этот тип решил оправдаться за трусость. Однажды сдрейфил на «Беркуте», а теперь лезет из кожи, чтобы доказать-показать, какой храбрец!

— Не нужно, Геша!..

— А чего он...

Петька заорал:

— Смотрите!

Возле тузика отфыркивались три головы. Мятлев подталкивал Борьку, водолаз-аквалангист придерживал борт тузика, а Борька пытался закинуть наверх разбухший портфель. Никому не давал! Так и втащили его вместе с «дипломатом».

— Смотри-ка, — засмеялся Кикнадзе, — мальчишка — прирожденный водолаз.

Мне стало обидно: хотя и лейтенант, к тому же старший, а не соображает, кто из нас по-настоящему прирожденный, а кто сбоку припека. Разве настоящий ныряльщик позволит располосовать себе спину? Подумал и охнул...

Про часы забыли. Водолазный доктор мазал Борьку йодом — тот кряхтел, но даже не пискнул, — потом заматывал бинтом. Мятлев сбрасывал мокрую одежду и рассказывал, как он караулил возле дыры и «считал пузыри». Второй водолаз ему поддакивал. Мол, в подобных случаях главное — это не проворонить момент, чтобы помочь, а не испугать.

— В подобных случаях, — вмешался лейтенант, — джигитам подносят турий рог, наполненный лучшим вином Кавказа! — И подал Борьке кружку яблочного сока.

Дядя Федя позволил Борьке расправиться с ним и высказался не менее торжественно, хотя совсем о другом:

— В подобных случаях, говоря словами прежних ораторов, отцы брали в руки крепкий дрын и полировали спины своим геройским отпрыскам. Я, дорогие товарищи, против линьков и домостроя, но в данном случае, в виде исключения, задал бы первостатейную трепку некоторым штатским лицам. За то, что они без спросу лезут, как говорится, в каждую дыру и...

— ...и возвращаются обратно! — досказал Кикнадзе. — Я приношу извинения, капитан, что прервал вашу обличительную речь, но давайте закончим дискуссию. В подобных случаях действительно полагается гауптвахта, но мы, водолазы, прощаем храбрецов.

— А теперь взгляните на песочные часы с корабля «Фортуна». — Я протиснулся между ними и открыл портфель...

«Беркут» обогнул банку Чернова и повернул на Вентспилс.

Шкипер лежал в салоне, и мы по очереди дежурили возле него. Не потому, что он чувствовал себя слишком плохо. Вовсе нет. Водолазный доктор наложил гипсовую повязку, оставив береговым врачам все остальное. Просто больному человеку могло понадобиться и то, и другое, и третье. И потом на барже мы были вместе до последней минуты, а теперь, и очень скоро, должны расстаться.

Между прочим, именно в салоне мы услышали конец истории о песочных часах с «Фортуны».

Оказывается, в конце прошлого века царь решил переселить часть безземельных крестьян на Дальний Восток. Их вербовали, давали на проезд какие-то деньги и, естественно, сулили «златые горы». Эстонцы тоже засобирались. Незадолго до революции в какую-то бухту, кажется, она называлась Вампауши, уехал Карл Репп, двоюродный дед шкипера. Одни часы остались у отца дяди Юло, а вторые Карл забрал с собой.

Там, на востоке, Карл Репп стал владельцем парусной шхуны. Даже назвал ее «Фортуной». Когда началась гражданская война и Приморье захватили японцы, он увел шхуну в Китай.

— По-видимому, — закончил рассказ дядя Юло, — часы попали к отцу Федора Анисимовича от моего родственника. Впрочем, не обязательно: лет, ребята, пролетело немало, и они могли не раз сменить хозяев.

В Вентспилсе «Беркут» не задержался. Он стоял ровно столько, чтобы отправить шкипера в больницу и посадить нас на автобус. Дядя Федя спешил на промысел и не хотел терять ни часа.

В больницу мы тоже отправилась все вместе.

Мы услышали всплеск и повернулись к борту. Борька взмахнул рукой, перевернулся и ушел под воду.

Шкипера перенесли в приемный покой, а дядя Федя пошел разыскивать врача.

— Боря, ты, кажется, не дочитал нам стихи,—напомнил дядя Юло.—И вот теперь, когда мы вернулись с «кудыкиных гор» и знаем, где «раки зимуют» —ведь знаем, а?—я бы хотел их послушать. Почитай на прощанье.

Борька не стал отнекиваться. Начал тихонько и с самого начала. Правда, потом, когда он добрался до заключительных строчек, на голос стали оглядываться сестры и нянечки. Но Борька не смотрел по сторонам.

Адмиралтейские забудутся обиды,
И Беллинсгаузен, идущий напрямик,
В подзорную трубу увидит Антарктиды
Обрывом ледяным встающий материк.

Дядя Федя вернулся с врачом, но они остановились в сторонке и стали слушать.

Пусть струйкой сыплется высокая минута
В раскатистом «ура», в маханье дружных рук,
Пусть дрогнут айсберги от русского салюта
В честь дальней Родины и торжества наук!

Борька оглянулся, увидел врача и запнулся. Но тот замахал руками: читай, продолжай дальше! Борька подошел совсем близко к шкиперу и закончил нормальным голосом:

Мне хочется вернуть то славное мгновенье,
Вновь пережить его—хотя б на краткий срок,
Пока в моих руках неспешное теченье
Вот так же будет длить струящийся песок.

— Спасибо, Борис,—сказал дядя Юло,—спасибо за стихи, спасибо за часы, которые ты не побоялся достать с баржи. Мы расстаемся—что делать?—и я хочу, чтобы ты взял часы на память о нашей встрече. Они у капитана в каюте.

Борька растерялся, оглянулся на дядю Федю. Тот улыбался и кивал головой. Мол, так и есть, часы у меня.

— Не-е-е...—Борька замотал головой.—Я не возьму. А уж если вы непременно хотите расстаться с ними, то подарите часы его отцу.—Он кивнул в мою сторону.—Артур был другом Ивана Трофимовича, а вы ходили с ним на охоту. Сами же говорили. И еще я хочу сказать, что его отец помог мне добраться до моря. Что, разве не так?

— Так. Конечно, так!—ответил шкипер.—Пусть будет по-твоему. Прощайте, ребята, и кланяйтесь Окуневску!

Шкипера унесли. Дядя Федя заторопил нас. Петька обнял Борьку и шепнул ему на ухо, шепнул так, что было слышно каждое слово: «А тебе не жалко часов, а?» Борька хлопнул его по спине и запел: «Ле-ето! Ах, ле-е-ето!»

Мы с хохотом выбежали на улицу.

КОНЕЦ

«Свободное владение русским языком должно стать нормой для молодежи, оканчивающей учебные заведения».

Из «Основных направлений реформы общеобразовательной и профессиональной школы»

ЖИВАЯ ВОДА РОДНОГО СЛОВА

Сергей Алексеевич БАРУЗДИН,
секретарь правления Союза писателей СССР, главный редактор журнала «Дружба народов»

Родной язык, родная литература... Они наши верные спутники с детства, с колыбельной матери, первой тоненькой, самостоятельно прочитанной книги. Спутники простые, естественные и прекрасные. Мы идем с ними по жизни рука об руку и порой слишком уж к ним привыкаем, перестаем восхищаться их силой, обилием и многообразием красок.

Случается, кое-кто из ребят, научившись прочесть слово, бывает неспособен понять, почувствовать его. Тогда огромное богатство могучего русского языка и нашей великой литературы ускользает, словно вода между пальцев, и жизнь беднеет, становится унылой.

Поэтому так важно овладеть искусством чтения, по-настоящему научиться читать.

В 1936 году, когда умер Максим Горький, мне было десять лет. В память о великом писателе в Колонном зале Дома союзов состоялся конкурс юных чтецов. Помню, выучил «Песню о Буревестнике», вышел на сцену и, задыхаясь от волнения, громко-громко продекламировал ее. В зале хлопали, потом мне даже присудили какой-то диплом.

Однако лишь гораздо позже я понял, как плохо читал тогда, не ощутив, не передав и сотой доли того, что содержало в себе это выдающееся произведение.

На следующий год я начал ходить в литературную студию при московском городском Доме пионеров. Мы писали стихи и рассказы, читали их на занятиях, обсуждали достоинства и недостатки своих произведений. А по соседству занимались ребята из студии художественного слова. Однажды нам довелось услышать их, и мы были потрясены.

Оказалось, даже свои собственные творения (конечно, еще совсем детские и весьма далекие от совершенства) мы не понимали, не могли увидеть и раскрыть заложенного в них настроения и смысла. Юные чтецы вовсе не стремились громко выкрикивать наши рифмы, не выпучивали глаза и не размахивали руками в кульминационных местах рассказа. Чаще всего они читали спокойно и тихо, но так, что произведение начинало играть красками и звуками, в нем проступало тепло настоящей жизни.

Поэтому мы, кто умел хоть как-то писать, стали

учиться у ребят из студии художественного слова. Учиться читать, и прежде всего читать самих себя.

А потом к нам в гости приходили известные детские писатели, знакомили со своими работами. Рувим Фраерман удивительно передавал настроение героев «Дикой собаки Динго», заслушивались мы повестью Льва Кассиля «Великое противостояние», всегда наизусть читал свои произведения Аркадий Гайдар. Порой лишь едва уловимым изменением интонации раскрывал он атмосферу своих повестей, делал это просто и точно. Книги становились нам ближе, понятней и еще более восхищали.

Эти уроки родной литературы сохранились у нас в памяти на всю жизнь.

В 1944 году советские воины освобождали Польшу, и в маленьком селении Небушице встретил я пожилого учителя-поляка, который очень любил и хорошо знал творчество Максима Горького. Разговорились, вспоминали ранние произведения писателя, и тут я снова прочитал ту самую «Песнь о Буревестнике». Пожалуй, впервые прочитал по-настоящему, без надуманного пафоса и излишней театральности, так, как, думаю, и следует читать это поэтическое творение. И очень был рад, когда учитель-поляк чуть не со слезами поблагодарил меня, русского парня в солдатской гимнастерке. Великий и могучий язык «Песни о Буревестнике» в тот день отразил наши общие чувства, соединил общим настроением людей разных возрастов и национальностей.

Уроки чтения, уроки родного языка и литературы...

Школьная реформа предполагает уделить им очень много внимания, значительно расширить круг вашего внеклассного чтения. Уверен, что в каждой школе есть умные, чуткие педагоги, которые постараются научить вас понимать и чувствовать художественное слово, вникать в глубокий смысл произведения.

Но ни один учитель не справится со своей задачей, если вы не подкрепите его усилий самостоятельной работой своего ума и своей души. Если сами вы страстно не пожелаете удержать в ладонях живую воду родного слова, увидеть и ощутить всю его красоту и богатство.

Десятки языков считают родными ребята нашей многонациональной страны, но объединяет нас всех русский — могучий и свободный язык нашей дружбы и братства.

Поэтому скорее выбирайте на книжной полке книгу — и в путь. Вас ждет великая литература.

«Важнейшая задача — значительное улучшение художественного образования и эстетического воспитания учащихся».

Из «Основных направлений реформы общеобразовательной и профессиональной школы»

ГЛАВНОЕ — ЗАХОТЕТЬ!

Юрий Михайлович ЧИЧКОВ,

лауреат Государственной премии СССР и премии Ленинского комсомола, композитор

Вопрос об улучшении эстетического и художественного образования каждого человека далеко не праздный. Нам нужны грамотные люди, развитые как физически, так и духовно. Об этом говорится в школьной реформе. Стать гармонически развитым человеком — обязанность каждого пионера.

Однажды в городе Ставрополе я выступал с концертом перед ребятами. Во время концерта зрители стали задавать мне вопросы. Разные, порой неожиданные. Какую, например, из своих песен я спел бы... в космосе.

Я старался отвечать серьезно, честно. Только один раз все-таки пришлось отшутиться. «Юрий Михайлович,— спросил один мальчик.— А вы можете прямо здесь, не сходя со сцены, написать песню?» «Ну что ж,— отвечаю ему.— Если кто-нибудь, не сходя с места, напишет слова к этой песне, тогда попробую».

Не успел на остальные вопросы ответить, как получил сразу несколько стихотворений. Пришлось отобрать одно из них и написать песню. Отшутился, называется.

Ну, а если серьезно, то отношение у меня к музыке — любой, будь то классическая или эстрадная, джаз или просто гитара,— тоже самое серьезное. Другое дело, что одно можно любить больше, другое — меньше. В чем-то можно разбираться хорошо, в другом — не очень. Но говорить категорично «это хорошо, а это плохо, это интересно, а это неинтересно...» я, например, не осмелюсь. Всегда надо стараться постигать новое. **Учиться понимать** то, что до конца не понял.

Кстати, тем, что я стал композитором, я, может быть, и обязан как раз такому стремлению... Когда мне было пять или шесть лет, мама брала меня с собой на репетиции хора, в котором она пела. Я сидел в пустом зале, смотрел на ярко освещенную сцену, слушал, как распеваются артисты, повторяя по нескольку раз одну фразу, одну ноту. Но больше всего мое внимание привлекал пианист, аккомпанировавший хору. Он так здорово играл на рояле, что я захотел научиться играть так же и через много лет научился. А для себя понял вот что: главное — захотеть.

Меня часто спрашивают ребята: «Как полюбить серьезную музыку, как научиться понимать ее?» Трудно ответить на такие вопросы.

У каждого человека свой духовный мир, одному интересно одно, другому — второе, для одного музыка будто стихи, которые хочется читать не торопясь, наслаждаться образами. А кому-то музыка нужна как фон, второй план, на который наслаиваются уроки, чтение журнала, уборка школы или прогулка по улице.

Как полюбить серьезную музыку?

Насильно заставить любить классику или джаз нельзя (я не говорю об эстрадной музыке, потому что редкий человек из вас, ребята, скажет: «Я не люблю эстраду»). А вот слышать такое о симфонической музыке приходилось частенько. Не задумывались, почему?

Да потому, что классическая музыка требует к себе особого внимания, особой подготовленности, определенного образования. Чтобы полюбить ее, нужно прежде всего понять. А понять можно только, если захочешь.

Прослушайте однажды «Лунную сонату» Бетховена, да так, чтобы **услышать,** попытаться создать себе образ,— уже никогда в жизни не скажете пренебрежительно: «Классику? Не люблю».

Так что не торопитесь делать категоричные выводы. Не отбрасывайте по незнанию то, что еще можно познать.

И тогда мир для вас станет богаче, ярче, гармоничнее. А гармонично развитому человеку в гармоничном мире и жить интереснее.

Тимофей БЕЛОЗЕРОВ

В родной моей сторонушке

В родной моей сторонушке,
На краешке земли,
Купаются воробушки
В серебряной пыли.
В панёвах ходят бабушки,
Неспешно говорят,
Играют дети в ладушки
И кукол мастерят,
В родной моей сторонушке
Курлычут журавли
И клонятся подсолнушки
За краешек земли...

Именинник

И в девяносто девять лет
Не старым кажется наш дед —
Сидит, как юноша, румяный,
Лишь пожелтела седина,
Да на рубахе полотняной
Чуть потускнели ордена.

На покосе

Поспевает земляника,
В поле вымахал овес...
Все — от мала до велика —
Выезжают на покос.
Дремлют влажные откосы,
Сонно катится река,
И посвистывают косы
Возле каждого леска,
И взрываются тетерки,
Поднимаясь в небеса,
И звенят в лесу ведерки
Да ребячьи голоса...

Я иду зеленым лугом...

Я иду зеленым лугом
В теплых волнах ветерка.
Надо мною — друг за другом —
Проплывают облака;
Вдалеке шумят березы
Молодой своей листвой,
И прозрачные стрекозы
Пролетают над травой...
Я иду себе вдоль речки,
Пастухам кричу: «Привет!»
И веселые овечки
Мне подолгу смотрят вслед...

На речке детства

Спят холодные купавы,
Звезды падают в траву...
Я на лодочке вертлявой
По течению плыву.
Не спеша проходят мимо
Островерхие кусты,
Шепчут ивы: «Здравствуй, Тима!
Неужели это ты?»
Освещает мой фонарик
Заболоченную гать,
И восторженный комарик
Рад меня поцеловать...

На заимке

Выхожу я за ворота
С первым криком петуха.
Загрустила у болота
Одинокая
Ольха.
Опушил заимку иней,
Речку высветлил мороз,
По ее дороге синей
Не спеша прошел обоз.
Он прошел к огням глубинок
С громким фырканьем коней
И потрескиваньем льдинок
Под полозьями саней.
И заимка над болотом
С одинокою ольхой
Вся пропахла конским потом
И соломенной трухой...
...Спят под окнами собаки,
В небо тянутся дымки,
И в далеком сонном мраке
Сиротеют
Огоньки.

* *
*

Бегут в лесу тропинки
На запад и восток,
Висит на паутинке
Осиновый листок.
Висит среди звериных
Веселых голосов,
Как маятник старинных
Заброшенных часов.

* *
*

Конец села, начало леса,
Фонарь под окнами избы,
И, полный к звездам интереса,
Дымок, ползущий из трубы.
В избе — играющие дети,
В лесу — глубокий чуткий снег...
Мир вам, живущие на свете
Бок о бок зверь и человек!

Осень

Звонко птицы верещат
На кустах рябин.
В речке косточки трещат
У осенних льдин.
Золотистая капель
Стынет на сосне,
И медведушке метель
Чудится во сне...

Грач

Грач, летящий низко над жнивьем,
Чем-то очень, очень озабочен.
Молчалив он и сосредоточен,
Словно все вокруг сошлось на нем:
И печаль покосов и полей
Между серых рощиц обнаженных,
И тревога озимей зеленых,
Осененных криком журавлей.

Славица

Слава солнцу,
Слава небу,
Слава грому и дождю,
Слава праздничному хлебу
И ядреному груздю!
Слава зверю,
Слава птице,
Слава утренней заре,
Слава радостной кринице
И задумчивой горе!
Слава шумному причалу,
Слава тихому крыльцу,
Слава смелому началу
И победному
Концу!

Рисунок В. ДУДКИНА.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПИОНЕРСКИЙ КЛУБ «ТОВАРИЩ»

МЫ — ПРОДОЛЖАТЕЛИ ДЕЛА КАБРАЛА

Рассказ о пионерской организации Гвинеи-Бисау

Взгляни на политическую карту мира. Ты заметишь, что она похожа на затейливую мозаику, в которой каждый цветной кусочек — государство.

На кусочках этой необычной мозаики ты прочтешь названия государств. Правда, не на всех. Есть крохи, на которых названия не уместились. Цифрами помечены такие небольшие государства. Наш путь лежит сегодня в одно из них — Гвинею-Бисау.

Земля радости и счастья

Долгие годы Гвинея-Бисау была под гнетом португальских колонизаторов. Но народ мужественно боролся с угнетателями. Национально-освободительное движение в стране возглавила партия ПАИГК[1] во главе с бесстрашным революционером Амилкаром Кабралом. К 1973 году патриоты изгнали колонизаторов с большей части территории страны. 24 сентября 1973 года в одном из освобожденных районов состоялась первая сессия Национальной народной ассамблеи.

Депутаты ассамблеи провозгласили создание Республики Гвинеи-Бисау.

Спустя полгода последние колонизаторы покинули страну.

На карте Африки появилось еще одно независимое государство. На землю Гвинеи-Бисау пришла долгожданная свобода.

Когда-то от берегов Гвинейского залива отправлялись в Америку корабли с «живым товаром» — рабами. «Землей горя и слез» называли здешние места местные жители. Теперь здесь другая жизнь, свободная и счастливая. Потому и название другое. «Землей радости и счастья» зовут теперь свою республику жители Гвинеи-Бисау.

Партизанский псевдоним

Знаете ли вы, что первые пионеры Гвинеи-Бисау появились в Конакри, столице соседнего государства Гвинеи? Это случилось в начале 60-х годов. В то время дети революционеров Гвинеи-Бисау жили и учились в школах-интернатах Конакри, так как у себя на родине они неминуемо попали бы в тюрьму. Вот в таких школах-интернатах партия ПАИГК и организовала для ребят **пионерские группы.** Первая такая группа появилась в **Первой школе Конакри.**

В 1964 году в освобожденных районах Гвинеи-Бисау повсеместно создавались школы для бедноты, а при школах организовывали пионерские группы.

В 1966 году в Гвинее-Бисау вышел первый номер пионерской газеты «Блуфо» — «Смешинка». Невелик был ее тираж, и сама газета была невелика. Но она помогла сплотить разрозненные пионерские группы, познакомить ребят с опытом работы лучших из них. 19 сентября 1966 года все пионерские группы освобожденных районов Гвинеи-Бисау объединились в организацию «Пионеры партии ПАИГК».

В 1969 году состоялась памятная встреча пионеров Первой школы Конакри с делегацией советских пионеров. Советские ребята рассказали своим сверстникам о Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина, о дружбе пионеров СССР с пионерами зарубежных стран. Эта встреча помогла первым пионерам Гвинеи-Бисау четче определить свои цели и задачи.

К 1971 году в каждую пионерскую группу входили по тридцать — сорок мальчиков и девочек. Было решено пионерские группы переименовать в **пионерские отряды.**

А в 1973 году от рук контрреволюционеров погиб Генеральный секретарь ПАИГК Амилкар Кабрал. В память о замечательном патриоте «Пионерам партии ПАИГК» присвоили имя Абель Джасси — псевдоним Амилкара Кабрала в годы борьбы с колонизаторами. «Пионерская организация Абель Джасси» — так стала называть себя пионерия Гвинеи-Бисау.

После провозглашения независимости пионерские отряды появляются во всех городах Гвинеи-Бисау. При школах создаются **дружины,** в которые входят пионерские отряды. Отряды формируются из пионеров одного класса.

В 1977 году в городе Бисау, столице Гвинеи-Бисау, прошел III съезд партии ПАИГК. Обсуждался на съезде и вопрос о работе с пионерами. Комсомолу Гвинеи-Бисау — Организации африканской молодежи имени А. Кабрала (АМАК) — было поручено шефство над пионерами. В том же году делегация пионеров Гвинеи-Бисау впервые приехала в Советский Союз. Ребята из далекой африканской страны участвовали в Международном детском фестивале «Пусть всегда будет солнце!».

Много интересных событий произошло с тех пор у пионеров Гвинеи-Бисау. В 1979 году, например, в стране открылся первый пионерский лагерь имени героя-революционера Иорны Тамбы. В лагерь съехались ребята со всех уголков Гвинеи-Бисау. С того времени лучшие пионеры ежегодно собираются в свой пионерский лагерь. Они здесь не только отдыхают, но и учатся — пионерский лагерь имени Иорны Тамбы стал еще и школой пионерского актива.

Год от года пионерская организация Гвинеи-Бисау крепче дружит с пионерами социалистических стран. Мальчики и девочки Гвинеи-Бисау гостят в «Арте-

---

[1] Африканская партия независимости Гвинеи и островов Зеленого Мыса. Создана в 1956 году.

ке» и других международных пионерских лагерях. В городе Бисау открылись школьные клубы интернациональной дружбы с пионерами СССР и ГДР.

В 1981 году пионерская организация Гвинеи-Бисау торжественно отметила пятнадцатилетний юбилей. На состоявшемся в столице пионерском слете пионеры рапортовали о планах на будущее. «Главный итог нашего пятнадцатилетия,—подчеркнул слет,—это то, что пионерская организация прочно вошла в жизнь детей Гвинеи-Бисау. Пионеры стали верными помощниками партии и народа и вносят большой вклад в развитие республики».

«Цветы сентября» и «пионеры Абель Джасси»

Так называют в Гвинее-Бисау младших и старших пионеров.

Каждый мальчик или девочка в семь лет может вступить в пионеры. Ребят от **семи до десяти лет** называют «цветами сентября». Почему? Дело в том, что на сентябрь приходится много знаменательных для Гвинеи-Бисау дат: в сентябре родился Амилкар Кабрал, в сентябре отмечается день рождения пионерии страны, в сентябре была провозглашена независимость Гвинеи-Бисау. Вот и назвали младших ребят «цветами сентября», памятуя об этих замечательных событиях.

«Цветы сентября» повязывают **зеленый галстук.** Зеленый цвет символизирует природные богатства Гвинеи-Бисау, хороший урожай на крестьянских полях.

Ребят в возрасте от **десяти до пятнадцати лет** называют «пионерами Абель Джасси». Они носят галстуки **желтого цвета.** «Желтый цвет символизирует надежды на лучшее будущее, которое обязательно придет, как приходит новый день с восходом солнца»,—записано в уставе организации.

Зеленый и желтый цвет, кроме того,—цвета национального флага Гвинеи-Бисау.

В пятнадцать лет пионеры становятся членами молодежной организации АМАК.

Цель пионерской организации Гвинеи-Бисау—воспитывать у детей любовь к родине, к партии и к молодежной организации, родителям, товарищам, прививать мальчикам и девочкам уважение и любовь к труду.

Девиз пионеров Гвинеи-Бисау: «Мы—продолжатели дела Кабрала».

На **эмблеме** пионерской организации Абель Джасси изображен горящий факел—символ борьбы за национальное освобождение, черная пятиконечная звезда,—символ партии ПАИГК, зеленые пальмовые листья,—знак природных богатств Гвинеи-Бисау. Желтый фон эмблемы символизирует солнце и единство африканских народов.

Главная обязанность

Сегодня Абрау Фернандеш встал рано. Раньше всех в школе-интернате имени Фернандо Кабрала, что в городе Баората. Почему? Потому что день предстоит непростой. Сегодня, 19 сентября, Абрау принимают в «пионеры Абель Джасси».

Три года он был «цветком сентября», а сегодня станет пионером. Вот и волнуется Абрау, вот ему и не спится.

Только напрасно волновался. Все члены совета дружины проголосовали за то, чтобы перевести Абрау Фернандеша из «цветов сентября» в «пионеры Абель Джасси». Да и как не проголосовать, когда Абрау—лучший ученик в классе, спортсмен. И еще: никто столько не возится с малышами, сколько Фернандеш! При чем тут малыши? Дело в том, что пионерская организация Гвинеи-Бисау объявила операцию «Забота о малышах». В пионерских дружинах стали создавать «группы друзей малышей». В Гвинее-Бисау еще мало детских садов, яслей, детских площадок. Вот и взяли пионеры под свою опеку младших ребят: после уроков в школе они играют с малышами, мастерят игрушки, учат грамоте. Абрау

Фернандеш первым организовал в городе «группу друзей малышей». Потом появились и другие такие группы. Только родители почему-то стараются отправить своих детишек непременно к Абрау...

Центральная площадь Бафата. Перед памятником Амилкару Кабралу выстроились три шеренги ребят. Первая — это те мальчики и девочки, которым исполнилось семь лет, вторая — которым десять лет, третья — шеренга пятнадцатилетних ребят.

Со всех концов городка спешат на площадь жители, чтобы посмотреть на пионерский праздник.

Красивое зрелище — пионерские шеренги. Одеты ребята в **голубые рубашки** и **темно-серые брюки.** У девочек — **голубые блузки** и **темно-серые юбки.** Это парадная форма пионеров.

Под звуки барабана на площадь вносят знамя дружины — голубой стяг с эмблемой пионерской организации Гвинеи-Бисау. Ребята салютуют знамени.

Когда барабанный бой затихает, начинается торжественный ритуал посвящения в пионеры. Мальчики и девочки первой шеренги дают **обещание** «цветов сентября»: **«Мы, «цветы сентября», обещаем честно и добросовестно выполнять пионерские поручения, работать не жалея сил, чтобы стать достойными пионерами Абель Джасси».**

Абрау Фернандеш во второй шеренге.

— Обещаю выполнять все задания организации, прилежно учиться и добросовестно трудиться, — говорит Абрау. — Обещаю оправдать звание «пионера Абель Джасси».

Звонким эхом летит над площадью команда председателя совета дружины. Пионерам повязывают галстуки.

Те ребята, которым пятнадцать лет, отдают свои желтые галстуки мальчикам и девочкам второй шеренги. А пионеры второй шеренги повязывают зеленые галстуки «цветам сентября».

Абрау повязал свой галстук Даниэлю. Он хорошо знает этого шустрого худенького мальчика. Даниэль очень любит футбол. Сутками напролет может гонять мяч. Когда его спрашивают, кем он хочет стать, Даниэль неизменно отвечает: «Футболистом!»

А Фернандешу отдал свой галстук Паулу Гомеш. Абрау незнаком с Паулу. Говорят, он очень серьезный. А еще говорят, что скоро уедет учиться на инженера. Далеко уедет, в Советский Союз. Гомеш даже самостоятельно изучает русский язык.

Паулу и в этот раз серьезен. Только когда Абрау отсалютовал ему, чуть приметно улыбнулся. Наверно, вспомнил, как сам вступал в пионеры.

Заканчивается линейка. Торжественным маршем проходит пионерская колонна мимо памятника Амилкару Кабралу. На лицах ребят радостное возбуждение. Все они сегодня повзрослели, потому что вступили в новый этап своей жизни. Значит, новые интересные дела ожидают их. И новые обязанности.

Помнит Абрау свои **обязанности:** знать и выполнять устав организации, знать девиз и гимн, уважать национальный флаг... И все-таки главная обязанность — стремиться быть примером для других. Директор школы-интерната сегодня сказал: «Пионер обязан быть примером. И хорошо, если вы, ребята, сохраните это стремление на всю жизнь. Значит, считайте, не зря носили пионерский галстук».

Трудная это обязанность. Но разве легко было Абрау создавать «группу друзей малышей»? А быть первым учеником в классе разве не трудно? А лучшим спортсменом? Верит Абрау, трудности можно одолеть. Надо только очень захотеть. Пионерский галстук и звание пионера обязывают к этому.

В. РЫБИН

НАВСТРЕЧУ XII ВСЕМИРНОМУ

ОТ ФЕСТИВАЛЯ К ФЕСТИВАЛЮ

Прага, 25 июля — 17 августа 1947 года, I Всемирный фестиваль молодежи и студентов

26 июля советская делегация дала большой концерт для участников и гостей фестиваля. Бурными аплодисментами встретили зрители выступления хоровой капеллы Уральского тракторного завода, исполнившей «Марш молодежи» композитора А. Новикова. Подлинный триумф имела заслуженная артистка РСФСР Ольга Лепешинская. В двух отделениях концерта она исполнила классическое па-де-де из балета «Дон-Кихот» и «Вальс» Мошковского. Замечательную артистку вызывали на «бис» десятки раз.

29 июля участники фестиваля выезжают на молодежные стройки Чехословакии. Они помогут чехословацкой молодежи осуществить двухлетний план восстановления страны. 400 человек выехали в Югославию на строительство молодежной железной дороги.

Молодые итальянцы, одетые в старинные костюмы, показали на стадионе средневековый итальянский футбол. Это очень веселая игра. Мяч можно загонять в большую длинную корзину руками, ногами и головой.

Чехословацкая газета «Млада фронта» провела среди участников фестиваля анкету: «Что вам больше всего понравилось?» Многие ответили: «Русские народные песни, русские танцы».

5 августа. В Прагу съехались представители демократической молодежи 62 стран. Число участников фестиваля достигло 6 500 человек.

Чтобы понять энтузиазм, которым охвачены участники фестиваля, надо представить себе трудности, преодоленные многими из них на пути в Прагу. Когда делегаты Свободной территории Триест собрались на вокзале, чтобы отправиться в Прагу, на них напала группа фашистских молодчиков и устроила побоище. Пять делегатов были ранены. Одному из членов молодежной делегации Австралии пришлось поступить матросом на грузовой пароход и проделать 80-дневный путь от Мельбурна до Ливерпуля, чтобы заработать деньги на поездку в Прагу.

В адрес фестиваля пришла телеграмма с далекого острова Минос в Эгейском море, от 300 молодых греческих демократов, сосланных туда за участие в освободительном движении. «Вы строите мир во всем мире,— пишут греческие борцы, обращаясь к участникам фестиваля,— а здесь при иностранной поддержке снова множатся пепелища и развалины. В то время как у вас радостно звучат песни и смех, здесь убивают. Мы каждый день копаем десятки могил, чтобы похоронить своих друзей.

Молодые греческие демократы обращаются к вам, товарищи по борьбе, за помощью и поддержкой, они говорят:

Из ссылки мы обещаем вам, что будем без устали бороться до окончания разгрома фашизма в Греции и за победу демократии и мира. Мы всегда будем верны идеалам демократической молодежи всего мира. Просим вас, помогите нам своими протестами. Здесь, в Греции, дело идет не только о нашем будущем, но и о будущем всех вас. Вы должны помочь нам ускорить победу справедливости и свободы».

Это сообщение было переведено на многие языки и горячо обсуждалось во всех делегациях.

У НАШИХ ДРУЗЕЙ

23 сентября — сорок лет со дня образования пионерской организации Болгарии «Септемврийче»

ВЕРНЫЕ ПОМОЩНИКИ

О том, как болгарские пионеры помогают работникам милиции, рассказывает министр внутренних дел НРБ, кандидат в члены Политбюро ЦК БКП Димитр СТОЯНОВ.

Димитровская пионерская организация «Септемврийче» проводит большую работу по воспитанию у ребят любви к родине, преданности народу и партии, готовности защищать завоевания социализма.

Есть у болгарских пионеров отряды «Зоркие глаза», которыми руководят работники милиции. Ребята здесь тренируют силу и ловкость, занимаются следопытской работой, играют в военно-спортивные игры, знакомятся с героической историей болгарской милиции.

В селе Равда Бургасского округа пятнадцатый год действует Национальный лагерь пионерского актива. Учебу в лагере прошли уже 10 тысяч пионеров. В лагере есть легковые и пожарные автомобили, картинг, велосипеды, радиостанции, служебные собаки — все это позволяет ребятам лучше познакомиться с нелегкой службой милиционера и пограничника, проверить свои силы и сноровку.

Недавно димитровский комсомол начал операцию «Болгарская слава», в которой нашлось дело и пионерам. Ребята проводят военизированные игры «Разведчики», «Секретное письмо», "Тайный пакет" и другие. В этих играх у ребят закаляется воля, воспитывается смелость и находчивость.

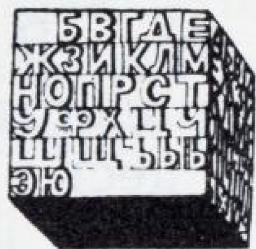
Пионерская организация уже давно стала верным помощником органам внутренних дел. Нередки случаи, когда ребята помогают раскрыть хищения материальных ценностей, выявляют факты бесхозяйственности. Сотни мальчиков и девочек стоят на постах среди многолюдных улиц, регулируют движение. Это, пожалуй, самый большой отряд юных друзей милиции.

В димитровской пионерской организации немало ребят, которые в мирные дни совершили героические поступки. Так, одиннадцатилетний Митко Райчев из Кырджалийского округа сообщил на пограничную заставу о нарушителе границы, Виктор Димитров из города Тырговшите помог предотвратить железнодорожную катастрофу, Здравко Атанасов сдал в отделение милиции 12 800 левов, которые случайно нашел по дороге из школы. Таких примеров много. Все они говорят о высокой ответственности болгарских пионеров за судьбу своей родины, о том, что в пионерской организации «Септемврийче» растут верные помощники милиции.

Подготовил В. КОНДАНОВ
по материалам журнала «Пламъче»

Рисунки Л. ХАЧАТРЯНА.

Малая Пионерская Энциклопедия

ЮНЫЕ ПОЖАРНЫЕ

Каждый год 19 мая — в День рождения Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина — по всей стране проходят пионерские парады, пионерские линейки, торжественные сборы дружин. И в эти праздничные дни на груди многих юных ленинцев сияет медаль «За отвагу на пожаре». Этой медалью награждаются смелые и отважные ребята, которые бесстрашно вступают в борьбу с огнем. Это они, юные пожарные, спасают малышей, охраняют народное добро. В горячие дни уборки урожая юные пожарные не раз спасали колхозные и совхозные поля от огня.

Дружины юных пожарных — добровольных объединений школьников — действуют повсюду. Они воспитывают у ребят мужество, находчивость, высокую гражданственность, бережное отношение к социалистической собственности. В этих дружинах пионеры и школьники овладевают основами пожарного дела, умениями и навыками по предупреждению и тушению пожаров, оказанию первой помощи пострадавшим от огня. Дружины юных пожарных создают добровольные пожарные общества, органы пожарной охраны в школах, школах-интернатах, детских домах, во внешкольных учреждениях. В этих дружинах ребята знакомятся с пожарной техникой, пожарно-техническим вооружением, системами автоматического пожаротушения, пожарной сигнализацией. Юные пожарные учат малышей не шутить с огнем, рассказывают о смелых поступках юных пожарных, они совершают экскурсии в пожарно-технические училища, знакомятся с выставками и музеями, которые рассказывают о подвигах пожарных в годы войны и в мирное время. Во многих школах в музеях боевой славы юные пожарные готовят специальные стенды, посвященные героям-пожарным.

Кто может стать юным пожарным? Все, кому исполнилось 10 лет и кто мечтает о смелой работе пожарного. Дружина юных пожарных создается, если есть 10 дружинников, и может делиться на отряды и звенья. В сельских школах в дружину может входить менее 10 человек. Прежде, чем получить удостоверение, значок и нарукавный шеврон члена дружины юных пожарных, нужно глубоко изучить специальную программу. В каждой школе работой дружины юных пожарных руководит штаб, который избирается на общем сборе. Штаб избирает командира дружины, его заместителей, командиров отрядов и звеньев.

Юный пожарный — пример в учении и поведении, он активно участвует в делах дружины, точно выполняет задания штаба, добросовестно изучает пожарное дело и сам является примером соблюдения правил пожарной безопасности. Юный пожарный — активный участник соревнований по пожарно-прикладным видам спорта.

Кто первый помощник юных пожарных? Добровольные пожарные общества и органы пожарной охраны, комсомольский и пионерский актив.

Сейчас по всей стране идет Всесоюзный дозор юных пожарных, который закончится в июне 1986 года. Итоги этой работы будут подведены на Всесоюзном слете юных пожарных. Во Всесоюзном дозоре 8 маршрутов: «Школа», «Мой младший друг», «Микрорайон», «Елка», «Зеленый друг», «Урожай», «Поиск», «Сильные, смелые, ловкие». На каждом из этих маршрутов у юных пожарных свои заботы. Например, на маршруте «Елка» юные пожарные во время новогодних елок зорко следят за тем, чтобы точно выполнялись противопожарные правила при устройстве елок, вместе со взрослыми они заранее заботятся о запасных выходах, наличии первых средств пожаротушения, исправности телефонов. На маршруте «Поиск» ребята собирают материалы по истории пожарной охраны и добровольных пожарных организаций, записывают воспоминания ветеранов пожарной охраны, организуют с ними встречи, ведут переписку с юными пожарными из других республик и областей страны.

Ты хочешь быть смелым, отважным, мужественным? Ты хочешь подражать тем, кто носит на груди медаль «За отвагу на пожаре»? Вступай в дружину юных пожарных, она поможет тебе воспитать свой характер.

НАШ ЕДИНСТВЕННЫЙ, НЕПОВТОРИМЫЙ БАЙКАЛ

Зарождающийся океан

Пожалуй, не так уж удивительно оказаться на дне бывшего моря, воды которого схлынули миллионы лет назад. Гораздо труднее вообразить себя на дне будущего океана. И можно ли угадать, в каком месте планеты разверзнется океан? Оказывается, можно. Для этого надо понять, как на нашей планете среди материков появляются океаны.

Семьдесят процентов поверхности глобуса закрашено голубым — это все океан. А вот карта нашей страны на востоке, в Восточной Сибири, окрашена преимущественно в коричневый цвет. Это цвет гор. Совсем непохоже на океан, даже что-то противоположное ему. Но... «Именно здесь,— скажет геолог,— пройдет время, и возникнет океан...»

Как? Почему?

Если внимательно всмотреться в коричнево-желтый тон карты Восточной Сибири, можно увидеть извивающуюся, как вытянутая буква S, линию. Она нанизывает на себя врезанные в горные системы впадины. На юге, в Саянах,— Тункинскую, на северо-востоке — Нижне-Ангарскую, Муйскую, Чарскую. И всюду — озера, озера... Озерная цепь перепоясывает азиатский континент. Ее общая длина с юго-запада на северо-восток — больше двух тысяч километров. Глубокими трещинами земная кора разломана здесь подобно корочке хлебного каравая.

Примерно посередине — гигантская впадина озера Байкал.

Вся планета наша покрыта земной корой, как скорлупой — орех. Внутри него «мякоть» полурасплавленной мантии, обволакивающей твердое ядро. Трещины разделяют земную кору на гигантские плиты (их называют тектоническими). Когда плиты сдвигаются, сталкиваются, земная кора сминается в складки гор, когда раздвигаются — из-под коры планеты поднимается волна размягченного вещества мантии Земли — магмы. Магма вырывается через жерла вулканов. Но она может и не выходить на поверхность, а колыхаться под корой, которая в этом месте растягивается, как тонкая ткань.

В районе Байкала такой разлом наметился 25—30 миллионов лет назад. И с тех пор, то ускоряясь, то замедляясь, неуклонно расширяется и углубляется. Постепенно отодвигаются друг от друга Сибирская и Забайкальская тектонические плиты. Медленно расходясь, эти два гигантских «куска» земной коры освобождают пространство для океанской впадины. Плиты раздвигаются в среднем на 2—3 миллиметра в год. Вроде бы ничтожная величина. Но перемножьте ее, скажем, на триста миллионов лет — получится шестьсот километров... Это уже океан. Иногда процесс убыстряется в пять, а то и в десять раз. Землетрясения — сигналы о том, что приближается «время океана». Конечно, в наших человеческих масштабах приближается оно очень-очень медленно, совсем незаметно. Но в геологическом понимании времени, где счет идет на миллиарды, быстро.

Мы можем судить о результатах этого процесса, взглянув на Атлантический океан, отодвинувший (это подтверждено точными измерениями) друг от друга Африку и Америку. Триста миллионов лет назад в центральной его части протягивалась лишь цепочка трещин и впадин, пересекавшая единый материк. Углубляясь и расщепляясь, трещины раскололи материк, его осколки разошлись в стороны. Все это произошло задолго до погружения в пучину моря легендарной Атлантиды. Быть может, трагедия Атлантиды — последний отголосок длительной истории сотворения Атлантического океана?

У Байкала есть своя «Атлантида». На глазах бурят-кочевников погрузилась в канун 1862 года северная часть дельты реки Селенги — самой большой реки, впадающей в Байкал. Это Цаганская степь площадью около двухсот квадратных километров. Под воду ушло пять бурятских селений — улусов, сотни голов скота... Чем не Атлантида?

Байкальская «Атлантида» — одно из начальных событий истории «Великого Сибирского океана». Вообще-то можно назвать «Атлантидой» весь Байкал: погружается вся котловина, вместившая грандиозное озеро. И настоящее дно Байкала находится еще километров на пять — семь ниже озера...

Возможно ли, чтобы дно было ниже дна?..

А дело вот в чем. В юго-восточной части Байкала на дне накопилась толща ила в пять — семь километров: ежегодный слой в миллиметр за миллион лет дает километровую толщу. Если бы впадина не углублялась, озерные отложения давно заполнили бы озеро. Уберем мысленно эти рыхлые осадки,— и глубина Байкала станет океанской. Донный ил образован из того материала, что принесли с собой в Байкал реки, и из останков завершивших свою жизнь животных Байкала. За миллионы лет все это медленно осело на дно.

Но, конечно, не только так очищается вода...

Секрет байкальской чистоты

Главное, что поражает при встрече с Байкалом,— это его вода. Во-первых, ее огромный объем. Представим размеры поверхности озера: длина — как от Москвы до Ленинграда, а ширина — чуть меньше диаметра Москвы. Глубина же больше полутора километров. И в этом серповидном ковше воды столько же, сколько во всех реках мира! Одна пятая пресной воды нашей планеты! И вода эта поистине необыкновенная.

...Я долго не мог понять, в чем причина совершенно необычного цвета Байкала? Из самолета казалось, что небо переливается в озерную ванну и густеет в ней, постепенно растворяясь... Но вот я увидел глубоко под водой сбегающие в озеро крутые склоны Баргузинского хребта. И стало ясно — в прозрачности воды причина ее небесного цвета. Солнечные лучи проникают до пятидесяти, а порой и ста метров. Так глубоко отражается в Байкале небо...

Что же это за вода, почему она так прозрачна?

Во-первых, она пресная, почти бессольная...

Пожалуй, самая пресная вода на свете рождается при таянии ледников: в такой «ледяной воде» почти нет растворенных солей. Что ж, байкальская вода тоже холодная, и есть у Байкала свои «ледниковые воспоминания»: несколько десятков тысячелетий назад в озеро обрушивались айсберги с горных ледников. В эти времена, по-видимому, и появились в Байкале обитатели, обычные для северных морей: нерпа и омуль.

Сколько лет вода остается в проточном озере? Обычно два-три года. Ну, если озеро глубокое, то 20—30 лет. В Байкале же четыре столетия... Конечно, уже давно ушла из Байкала сверхчистая ледниковая водичка. Но подсчитано, что за все времена существования озерной впадины (это 20—30 миллионов лет) вода в ней сменилась «всего» 50 тысяч раз. Вроде бы цифра эта велика, но вот та вода, от которой отпил казак-землепроходец Курбат Иванов, первым пересекший озеро почти 350 лет назад, еще не ушла из Байкала...

Исключительно медленно протекая через озеро, подолгу отстаиваясь в его темных глубинах, вода становится чище и прозрачнее.

Итак, что делает воду Байкала столь чистой? Древность впадины, ее ледниковое прошлое, долгое отстаивание... Но вода Байкала не просто чиста и прозрачна, она необычайно чиста. Тут и причина должна быть необычная...

Очищение... жизнью

Как живут озера? Как они развиваются, меняются со временем?

Обычно их активно осваивают живые организмы — от микроскопических водорослей до высших растений, от амеб и инфузорий до рыб и водоплавающих птиц. Жизнь всюду оставляет свои следы, и на воде они очень хорошо заметны. Постепенно

водная поверхность становится зеленоватой или красноватой — это оттого, что в ней поселились мириады клеток микроводорослей. А от берегов все дальше и дальше распространяются камышовые заросли, тростник, водяные растения, образующие сплошной ковер. Мхи завершают процесс зарастания озера, превращения его в болото. Для большинства озер этот «итог» жизни обычен и неизбежен: на месте чистой водной глади обязательно возникает грязная болотная трясина, которая тоже через какое-то время зарастает лесом, исчезает под шум древесных крон...

Совсем иная судьба у Байкала. Ему зарасти невозможно — он слишком велик, и дно его все время становится чуть-чуть глубже. И уж конечно, речи быть не может о его превращении в болото в результате распространения жизни.

Лимнологи (специалисты по изучению озер) утверждают, что своей исключительной чистотой Байкал обязан... жизни. Его воду очищает большая группа живых организмов. Это крепкая, дружная семья, сложившаяся за те миллионы лет, которые существует байкальская впадина.

Начало всему — микроскопические растения. В прозрачной воде они поглощают солнечный свет в невиданно мощном слое, в среднем за год выделяют больше 10 миллионов тонн кислорода и создают около 4 миллионов тонн новых органических веществ! Это все дает возможность дышать несметному числу животных, настолько мелких, что их можно и не заметить в прозрачной воде.

Эту армаду ученые объединяют понятием «зоопланктон» (буквально — «блуждающие животные»). Они настолько малы и слабы, что не могут двигаться сами, а лишь пассивно следуют течениям или вертикальным токам воды — «дрейфуют». Микроскопическое население Байкала изобильно: триста видов инфузорий, почти столько же — бокоплавов (треть всех встречающихся на Земле). И есть свой «король» в этом царстве — малюсенький веслоногий рачок по имени эпишура. Если взвесить все живое население озера, то окажется, что больше всех весят не рыбы и даже не морские животные (к примеру, нерпа), а «слабосильный» планктон. И вот 97 процентов его веса приходится на эпишуру. В Байкале этих малюток более 4 миллионов тонн. В каждом литре байкальской воды — от 30 до 50 тысяч рачков.

Эпишура — излюбленная пища байкальских рыб. Но она же и основной фильтр байкальской воды. Дело в том, что эпишура питается мельчайшими органическими крупицами. Чтобы «насытиться», ей приходится «отсеивать» пищу, пропуская через себя воду. Подсчитано, что за год миллиарды рачков «перерабатывают» таким путем в семь с лишним раз больше воды, чем приносят все впадающие в озеро реки. Так вот кто мощный очиститель Байкала!

Впрочем, эпишура может очищать только такую уникальную, богатую кислородом воду, как байкальская; в загрязненной воде она «задыхается». Губителен для нее и нагрев воды: чуть выше 12 градусов — и она погибает...

Этот рачок — основное звено «пищевой цепи». Им кормится весь рыбный «народ». И в том числе удивительная рыба — голомянка, еще одно чудо байкальское.

У нее необычайно легкое, прозрачное тело. Без всяких усилий всплывает она на поверхность с глубины около километра, на которой проводит большую часть жизни. Поднимается каждый день к вечеру, следуя за бокоплавом и эпишурой. И здесь нередко попадает «на зуб» нерпе.

Впрочем, всему очень большому стаду голомянок нерпа не причиняет особого урона. А люди этой храброй рыбке не страшны вовсе, хотя общая масса голомянки в Байкале больше, чем всех остальных рыб, вместе взятых. Голомянка не образует скоплений, которые были бы удобны для рыбаков. Она предпочитает одиночество, и выло-

вить ее непросто. Эта рыбка уникальна, нигде больше такой нет. И природа сама позаботилась о том, чтобы у беззащитной с виду голомянки не было врагов. Единственное, что ей угрожает по-настоящему,— изменение качества воды. Голомянка довольно капризна: привыкла жить в воде с постоянной температурой 8—9 градусов, и не переносит малейшего «перегрева». Нелегко ей выдержать и перемены в химическом составе среды.

Знаменитого омуля в Байкале 25 тысяч тонн, вчетверо меньше, чем голомянки (и никакого сравнения с общим весом невидимки-планктона). Омуль оказался слишком желанной и легкой добычей для человека. Активный вылов его привел к резкому сокращению численности этой рыбы. Запрещение промысла на несколько лет помогло ее восстановить. И все же оснований для тревог немало.

На биологической станции Иркутского университета, в поселке со смешным названием Большие Коты, биологи исследуют живые организмы Байкала. Эта станция основана более полувека назад энтузиастом изучения Байкала М. Кожовым. На станции отмечают малейшие изменения в жизни озера. О них рассказывает чуткая реакция микроорганизмов. По наблюдениям биологов, те виды, которые прежде были многочисленны, сокращаются, другие же, ранее малозаметные, начинают расти. И настораживает, что среди угасающих видов оказываются исконные обитатели Байкала, его, как говорят ученые, «эндемики».

Сохранить Байкал

Во всенародной заботе об охране природы у Байкала особое место. Он становится природным символом нашей страны, таким, как Волга или Урал... За сохранность Байкала отвечает весь народ, вся страна, каждый из нас... Поэт Евгений Евтушенко выразил это в таких словах, обращенных к Байкалу: «Без тебя горизонт быть не может лучистым. Если ты загрязнен, не могу себя чувствовать чистым...»

Иногда говорят: у нас много удивительных уголков природы, не один же Байкал! В этой фразе верна только первая часть. Да, много у нас прекрасных мест, но по-настоящему уникален и абсолютно неповторим один лишь священный Байкал, сибирское «славное море». Наукой установлен факт — Байкал на всей нашей необъятной планете один-единственный. Подобного ему нет.

В. МАРКИН,
кандидат географических наук.

Рисунки Ю. КАРПОВОЙ.

Гордимся нашей сменой

Дорогой штаб Тимура! Пишет вам человек, которому семьдесят один год!

Я хочу рассказать о тимуровцах и их руководителе, преподавателе истории Марии Ивановне Тепикиной из средней школы поселка Терновка Воронежской области.

Ребята и Мария Ивановна совершили неоценимый поступок — провели огромную поисковую работу. В чем она заключалась?

В 1920 году, во время гражданской войны, в поселке Терновка антоновские банды изрубили шашками группу красных бойцов. После этого тела погибших положили на телеги, отвезли к вокзалу и похоронили там.

Я и несколько моих сверстников, теперь уже пожилых людей, были свидетелями этой трагедии, видели, где похоронили красных бойцов.

Шли годы. Сгорел вокзал. Построили новый. А недавно выстроили третий, современный вокзал, и забытый всеми деревянный обелиск оказался в полосе железнодорожных линий.

По просьбе железной дороги Терновский райисполком решил перенести неизвестную могилу со старым обелиском на кладбище. Было это в 1978 году. И вот только в 1984 году с помощью обкома партии терновским тимуровцам удалось узнать, что в могиле захоронены 20 бойцов Красной Армии.

Чтобы доказать этот факт, тимуровцы разыскали нас, стариков-свидетелей, записали наши воспоминания.

Но ребята не остановились на этом, пошли дальше. Они нашли точное место гибели бойцов и настояли в райисполкоме, что необходимо установить на новой могиле мраморный памятник.

Тимуровцы проделали неоценимую работу: они делом доказали, что никто не забыт и ничто не забыто. Мы, старики, гордимся нашей сменой, юным поколением граждан любимой советской Родины.

Ветеран войны и труда В. Г. ДУВАНОВ.

От редакции. Редколлегия журнала «Пионер» наградила за большую тимуровскую работу тимуровцев средней школы поселка Терновка Воронежской области грамотой журнала «Пионер».

Эти стихи посвящены памяти комсомолки Лили Карастояновой, военного корреспондента газеты «Комсомольская правда».

Лиля Карастоянова родилась в болгарском городе Ломе в семье революционеров. Ее отец был убит фашистами, мать — арестована. Лилю вместе с детьми других погибших революционеров переправили в Советский Союз. В Москве она окончила школу, стала работать в «Комсомольской правде». Во время Великой Отечественной войны Лиля Карастоянова выполняла различные задания газеты, но все время рвалась на фронт. Она просила генерала А. С. Федорова взять ее в партизанское соединение, которым он командовал. «Клянусь тебе, моя Болгария, что буду сражаться с фашизмом до тех пор, пока и ты не станешь свободна» — эти слова Лиля добавила к своей партизанской клятве.

Лиля (в партизанском отряде ее называли Леной) Карастоянова погибла зимой 1943 года в бою с фашистами недалеко от города Чечерска Гомельской области. Более пятисот пионерских дружин в нашей стране и в Народной Республике Болгарии носят имя Лили Карастояновой — героини двух народов.

В. ВИКТОРОВ

ДЕВУШКА-ПЕСНЯ

Город дунайский
по имени Лом.
Памятник белый
в саду городском.

Памятник белый,
красные розы.
Светлая память,
светлые слезы.

Лиля, Лиляна,
глаза темно-карие,
русская девушка,
дочка Болгарии.

Девушка-песня
с легендой-судьбой,
помнит тебя
твой Дунай голубой.

Песней звучать ты
будешь в веках,
песней прекрасной
на двух языках.

* * *

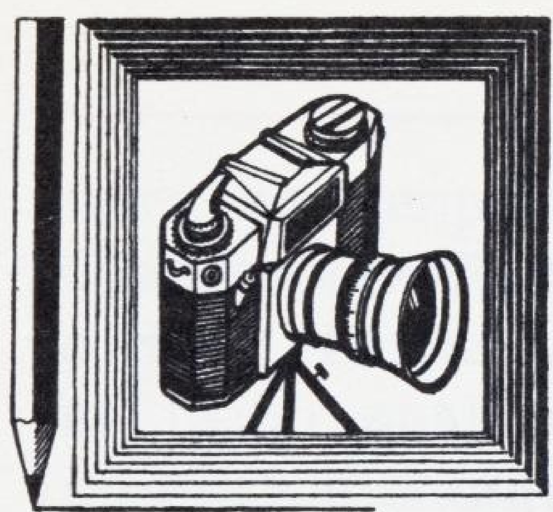
Ты — в гомельской школе
и в школе чечерской,
ты — в смелой и дерзкой
мечте пионерской.

Ты в Лом не вернулась,
но в городе Ломе
живешь в замечательном праздничном доме,
он весь утопает в цветах и сирени,
он светлая память о Лилии-Лене.

На стенде — партизанская медаль,
советский и болгарский ордена.
Шуми, шуми, дунайская волна,
тебе ль не знать, как закалялась сталь!

* * *

Рассекает форштевнем волну теплоход, —
к легендарной приписан флотилии.
На борту своем гордое имя несет
Карастояновой Лили.
Русские буквы
болгарским сродни,
славят геройское имя они.
Славят они в ярком солнечном зареве
русскую девушку,
дочку Болгарии.

КЕРЧЬ

Когда-то этот город на берегу пролива между Черным и Азовским морями звали Пантикапей. Потом город получил новое имя — Корчев. И наконец стал называться Керчь. В нем жили трудолюбивые мирные люди: рыбаки, металлурги, моряки.

В 1941 году их мирная жизнь была нарушена войной. Дважды оккупировали Керчь фашисты: в ноябре 41-го и в мае 42-го. Первая оккупация длилась недолго — до конца декабря. Вторая тянулась почти два года.

Гитлеровцы шли в нашу страну как поработители. Но невозможно поработить свободный народ. Жители Керчи, как и все советские люди, поднялись на борьбу с фашизмом.

Наверное, нет человека у нас в стране, которому бы не было известно название Аджимушкай. Керченские каменоломни. Много веков были они местом, откуда брали камень для постройки новых домов. В годы гражданской войны там была база партизан-большевиков. Теперь лабиринты каменоломен скрывали партизан и бойцов Красной Армии, оставшихся в окружении.

Партизанский отряд в Керчи начал действовать еще в ноябре 41-го. Командовали им Н. И. Бантыш и С. И. Черкез. Среди бойцов отряда были не только взрослые, но и пионеры. Имя одного из них знают все. Володя Дубинин... Кто принесет в каменоломни боеприпасы, еду, воду? Кто пойдет в разведку и не только вернется живым, но и принесет важные данные? Володя Дубинин. Когда в декабре 41-го город освободили, казалось, опасность для всех, и особенно для подростков, миновала. Но случайный взрыв вражеской мины оборвал жизнь Володи.

Посмертно за героизм и отвагу он был награжден орденом Красного Знамени. А когда закончилась война и прошли годы, в сквере Пионеров в Керчи встал памятник юному разведчику. Есть и еще один памятник Володе Дубинину. Это замечательная книга Л. Кассиля и М. Поляновского «Улица младшего сына».

Аджимушкай хранит память и о героическом подземном батальоне: советских бойцах, которые в мае 42-го прикрывали отход и переправу главных сил Крымского фронта и были отрезаны врагом...

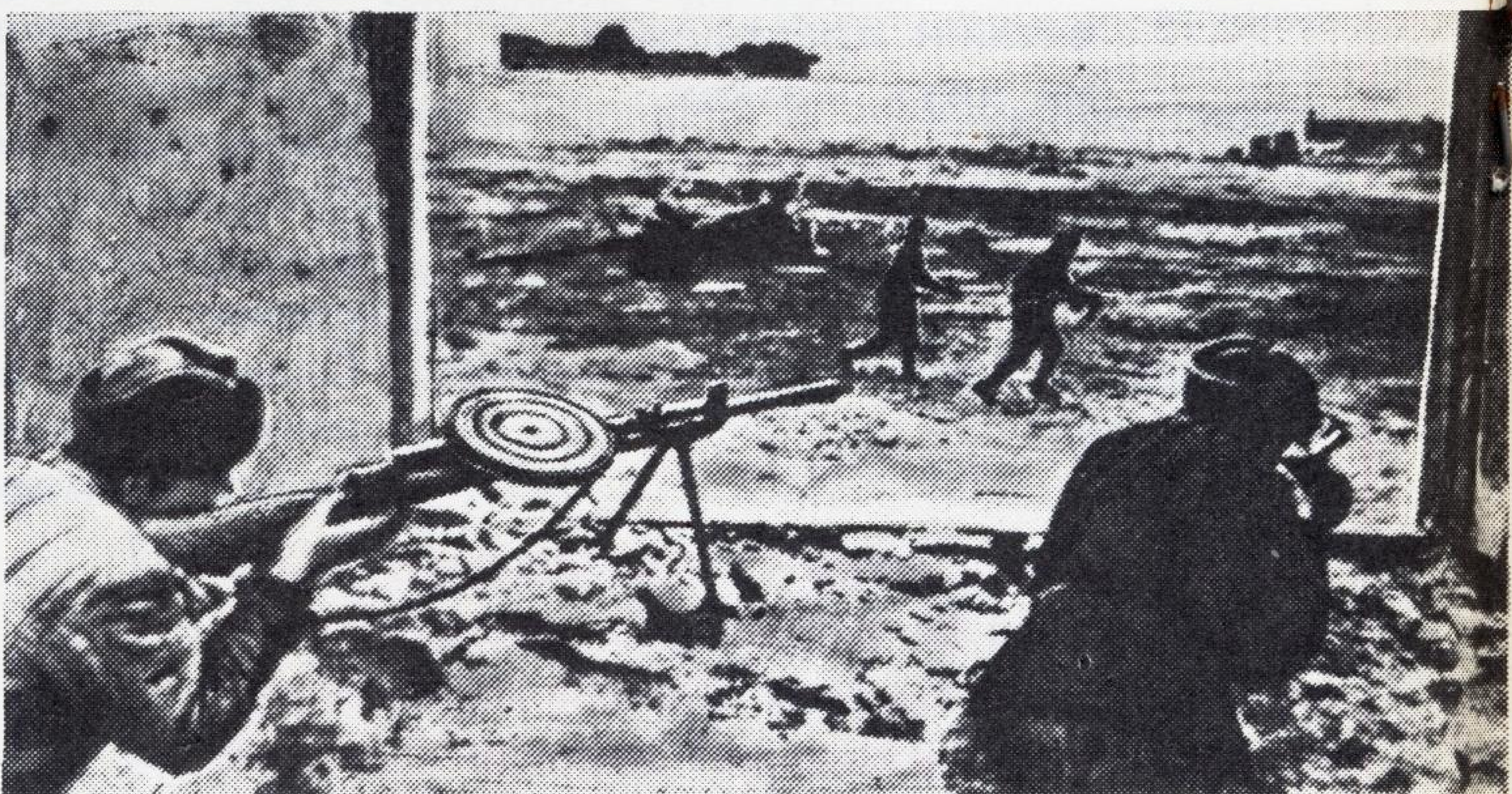
Поздней осенью 43-го началось наступление Советской Армии в районе Керчи. Пять с половиной месяцев длились ожесточенные бои. 11 апреля 1944 года Керчь была полностью освобождена.

Фотографии В. АРСИРИЯ.

Недолго развевался над Керчью военно-морской советский флаг в 42-м. Почти два года длилась вторая оккупация города. Но настал час полного освобождения. Бои в 44-м шли и на подступах к городу, и на улицах его, и на территории металлургического завода. И вновь поднялся над Керчью гордый советский флаг.

*Высокое
майское небо
синеет над горой
Митридат,
над обелиском
Славы,
над всей Керчью.*

*День Победы собирает у обелиска тысячи и тысячи людей:
жителей и гостей города. Всмотритесь в эти лица —
лица ветеранов, лица их преемников в деле защиты Родины.
Одни отстояли свободу Отчизны в войне,
другие берегут ее сегодня.
Эти люди — старые и молодые — защищали и защищают
свою страну, мирное небо над ней.*

ДИСКУССИОННЫЙ ПИОНЕРСКИЙ КЛУБ «ЗА» И «ПРОТИВ»

ЕЩЁ РАЗ О ШКОЛЬНОЙ ФОРМЕ

Письма, письма, письма...

В десятом номере журнала «Пионер» за прошлый год был напечатан материал «Школьная форма. Какой ей быть?». На эту публикацию пришло много писем.

Из редакции «Пионера» их переслали нам, в пресс-центр отряда «Каравелла». Собралась редакционная группа. Семь человек, представители всех «пионерских возрастов» — с четвертого по седьмой класс. Разложили письма на столе.

Пишут ребята и взрослые — все, кого волнует эта давняя проблема.

Письма разные — строгие и взволнованные, иногда не очень сдержанные, но главное, что почти все письма содержат не только эмоции, но и серьезные размышления.

Большинство поддерживает авторов материала — форма неудобная. Это и ребята пишут, и родители, и учителя. Писем от тех, кому школьная форма нравится, гораздо меньше. Точнее, их было всего восемь, а просмотрели мы три сотни.

Теперь о том, кто что предлагает и советует. Больше всего писем от девочек. И почти все протестуют против фартуков и хотят, чтобы в форму входил брючный комплект. Есть и сердитые письма. Чаще всего в них речь идет о том, как жарко бывает ребятам в теплое время в нынешней форме. А. И. Иванова из Киева пишет: «Посадить бы дядь и теть из районо и Министерства просвещения на полдня в нашу красавицу школу, я бы посмотрела, с какой головной болью вышли бы они оттуда...» И мы не можем с мнением этого автора не согласиться. На себе все муки испытали. И уж тем более согласны с ребятами из среднеазиатских республик, которые жалуются, что стоном стонут от жары...

Есть письма деловые, с конкретными предложениями. Даже с рисунками. Пятиклассник Виталий Желябин из г. Брежнева прислал, например, рисунок школьной эмблемы и эскизы летней и зимней формы для мальчишек. Семиклассница Света Кумаранская из Новой Каховки и ее подруги позаботились и о мальчиках и о девочках всех возрастов: нарисовали форму на все случаи жизни. Да и не только они. Из рисунков можно было бы выставку сделать...

О сменной обуви тоже много писем. Большинство мнений можно выразить словами ростовской читательницы Г. Б. Хмелевской, преподавательницы университета (она писала письмо вместе с сыном): «Сменная обувь — это бедствие и глупость».

Да, о чистоте надо заботиться, но не за счет здоровья школьников. Вот что пишут юнкоры отряда «Эврика» из Каменска-Уральского: «На холоде сменка застывает, ученики надевают ее на ноги в холодном коридоре, сразу у входной двери. После этого очень легко заболеть. Мы пытались уговорить учителей хотя бы пропускать ребят в классы, а там уже пусть переобуваются. За это получили запись в дневник. Кому охота связываться после этого?»

Что же делать?

Мы все-таки считаем, что «связываться» надо. Да и ребята из «Эврики» считают так же. И юнкоры из первоуральского отряда «Алый парус». И множество других ребят. Надо добиваться или отмены «сменки», или чтобы школа нашла возможность сделать запирающиеся места для хранения обуви (а не ссылалась, как обычно, что нет места, денег и материалов).

Теперь опять о форме.

Редакционная группа несколько дней разбирала письма, изучала их, и, наконец, выбравшись из-под бумажной груды, решила: нет смысла их пересказывать. Лучше собрать вместе все мнения и подвести итог: какая же форма нужна нынешним ребятам? Это будет мнение Коллективного Читателя «Пионера», который живет всюду: в Средней Азии,

на Украине, в Сибири, на Дальнем Востоке, в Москве, на Урале...

И вот что думает этот Коллективный Читатель.

В форме должно быть несколько комплектов: зимний и летний, повседневный и парадный (только парадный не для дежурства в школе; дежурить надо в повседневной одежде — это работа, а не торжественная линейка).

Для девочек: юбки, кофточки, жилеты, жакеты. Нам скажут, что такая форма уже разработана для старшеклассниц и проектируется для младших. Но старшеклассницы пока не в восторге от фасона и материи. Что-то скажут младшие (если дождутся новых образцов)? Кроме того, большинство девочек утверждает, что для холодной погоды и для работы нужны брючные комплекты. Правда, кое-кто пишет: не всем девочкам брюки идут. Но нетрудно понять: не идут — не носи.

У мальчиков форма (если даже забыть, что она легко рвется и треплется) годится только для холодной погоды. Когда тепло (а в мае и сентябре бывает и жара), младшим ребятам нужны шорты, а старшим—брюки из легкой ткани. А еще хорошо бы иметь легкие жилеты; бывает, что в рубашке прохладно, а в куртке жарко. Пока такой формы нет, вполне годятся летние пионерские комплекты. Совершенно невозможно понять: почему во многих школах появление в пионерской форме считается нарушением дисциплины?

Если будут выпускаться комплекты школьной формы: куртки, жилеты, жакеты, брюки, шорты...— ребята сами смогут выбрать одежду по сезону и по тому, какая температура в школе. Из нескольких деталей можно составить разные варианты — какой больше удобен. Конечно, нам могут возразить: что это будет за школа! Пестротища! Но почему в школе нужно однообразие? Форма не для того, чтобы все выглядели одинаково, а чтобы в ней было удобно и чтобы никто не хвалился дорогими нарядами и не модничал.

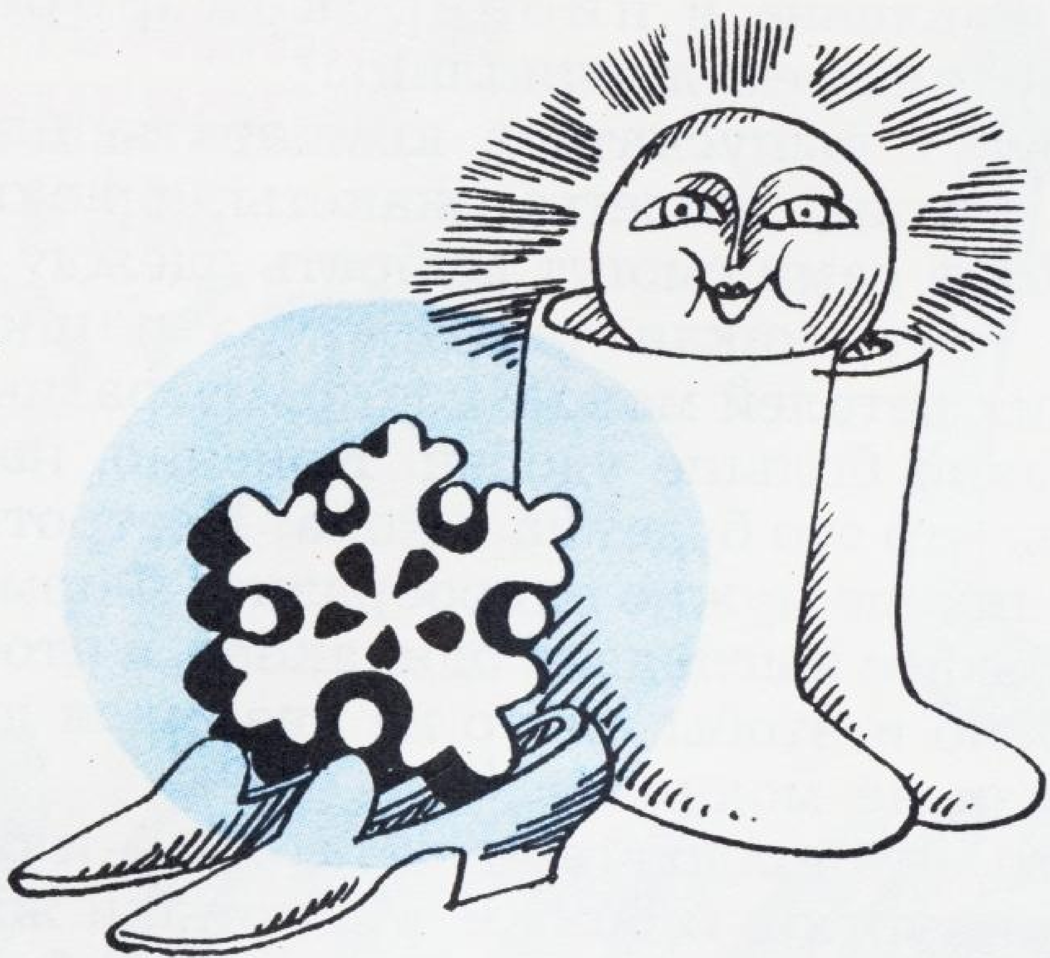
А все то, что предлагают читатели — и блузки, и жакеты, и куртки, и брюки, и шорты, и жилеты, и разноцветные (совсем не обязательно белые или однотонные) рубашки,— все будет **школьное,** хотя и разнообразное.

И не так уж много для этого нужно. Главное — не запрещать без оглядки.

И последнее. Насчет спортивной формы. Мы приведем одно мнение, которое повторяется во многих письмах: «Учителя придумывают спортивную форму сами. Только и слышишь, что в одной школе не могут достать красные майки, в другой — синие... Нам кажется, что надо придумывать не форму, а более интересные упражнения.

Рисунки Л. НАСЫРОВА.

Игорь Савельев, Андрей Родионов, г. Каменск-Уральский».

К этим словам мы решили ничего больше не добавлять.

Ответ заместителя министра

Едва редакционная группа разобрала и перечитала все письма, как журнал «Пионер» переслал нам еще одно очень важное письмо из Министерства просвещения РСФСР. Вот что в нем написано:

«Министерство просвещения РСФСР внимательно рассмотрело опубликованные материалы о школьной форме в журнале «Пионер»...

Министерство считает необходимым сохранить в общеобразовательных школах в обязательном порядке ношение школьной формы мальчиков и девочек.

Существующая школьная форма для мальчиков по качеству ткани и конструкции отвечает предъявленным к ней требованиям.

Что касается формы для девочек, то Совет Министров РСФСР постановлением от 22 апреля 1983 года № 190 утвердил новую школьную форму для учащихся общеобразовательных школ (девочек 8—10-х классов). В настоящее время Министерство просвещения РСФСР совместно с Министерством легкой промышленности РСФСР и Министерством текстильной промышленности РСФСР ведут работу по совершенствованию технологии производства формы и качества ткани.

Одновременно этими министерствами и ведомствами проводится работа по созданию школьной формы для девочек 1—7-х классов. В январе м-це т. г. образцы этой формы рассматривались министерствами.

Заместитель министра А. И. Шустов».

Редакционная группа долго молчала. Потом раздался голос:

— Если материал рассмотрели внимательно, то почему ни слова о «сменке»?

Незапланированный диалог

Пока мы размышляли над письмом, в пресс-центр заглянул «любопытствующий». Он принес вырезку из «Комсомольской правды». Выпуск «Алого паруса» еще за ноябрь 1983 года.

И дежурные редакторы пионерского пресс-центра прочитали разъяснение заместителя начальника главного управления школ Министерства просвещения СССР Нелли Акимовны Ермолаевой.

Нелли Акимовна объясняла читателям, что никаких излишних строгостей с формой в школах быть не должно. Вовсе не будет нарушением, если в холодное время под куртку или на платье кто-то наденет джемпер. И незачем требовать от мальчиков-старшеклассников мужские галстуки, а от девочек одинаковые банты — они вообще в форму не входят. И можно в теплую погоду прийти на уроки в пионерской форме — никакого нарушения здесь тоже нет. И даже нет ничего особенного, если ты приехал из другой республики и ходишь в прежней школьной форме, не здешней. И не имеет права учитель физкультуры требовать одинаковых маек, если их не выдали в школе. То есть почти обо всем, о чем писали мы...

— Да... Стоило ли копья ломать? — задумалась редакционная группа. Но два голоса возразили:

— Стоило. Потому что здесь написано одно, а в школах все по-другому.

— Приди-ка к нам на урок в джемпере!

— Или на физкультуру не в белой майке...

Почему так получается? Работники Министерства пишут одно, а классные руководители, директора школ и завучи требуют другое!

— Они не виноваты,— заступился за педагогов самый рассудительный член редгруппы.— Они очень заняты, и, наверно, не читают газет и журналов с такими разъяснениями.

— Наверно! Если бы читали, то многих вопросов даже бы и не появлялось в школе.

— Точно! И не только с формой. Например, с этим обязательным хором... Оказывается, он вовсе не обязательный, а простая кружковая работа. Это тоже разъясняли в «Семье и школе» работники Министерства.

— И в той же «Семье и школе» писали, что не может быть никакой принудительной продленки.

— ...И что металлолом и макулатура — дело пионерское, никаких норм тут устанавливать нельзя и ставить за это двойки и в дневник писать, если не набрал килограммов, тоже нельзя...

— И что трудовая практика — это практика, а лагеря труда и отдыха — дело совсем другое, добровольное. Каждую весну об этом пишут...

— Стоп! Отвлеклись!.. Значит, мы считаем, что все беды от одной причины? Учителям некогда читать газеты?

— Да нет, они все же читают. Ну, хотя бы тогда, когда мы показываем. Только...

— Что «только»?

— Помните давнюю историю, когда «Пионерская правда» писала, что незачем заставлять ребят

коротко стричься? А что сказала директор школы, которой мы показали газету?

— Помним! Она сказала: «Ну и идите учиться в вашу «Пионерскую правду»!»

— Удивительно! Ведь работники министерств пишут в газеты и для школьников и для учителей. Чтобы все это выполнялось. А получается...

Редакционная группа переглянулась, и незапланированный диалог оборвался. Потому что пионерский пресс-центр может ответить далеко не на все вопросы.

Обзор готовили и в диалоге участвовали юнкоры пресс-центра «Каравелла»: Павел Нехно, 7-й класс; Максим Седых, 7-й класс; Сережа Потапов, 6-й класс; Андрей Нахратов, 7-й класс; Толя Каюков, 5-й класс; Илья Соловей, 4-й класс.

ОТ РЕДАКЦИИ: Товарищи взрослые! Учителя и директора школ! Оказывается, только от вас зависит, будут ли школьники простужаться, переобуваясь в промерзшую обувь зимой или перегреваясь в шерстяных куртках весной. От вас зависит, будут ли родители терять часы в магазинах, разыскивая именно красные или именно белые футболки для уроков физкультуры.

Так может, вы не будете излишне строги и категоричны в своих требованиях? В вашем споре с детьми Министерство просвещения стоит на их стороне

«В совершенствовании деятельности школы партия особое значение придает подготовке молодого поколения к труду».

Из «Основных направлений реформы общеобразовательной и профессиональной школы»

СЕКРЕТ СТАРОЙ ФОТОГРАФИИ

Надежда Николаевна МЕРКУЛОВА,
депутат Верховного Совета СССР, бригадир Московского мебельно-сборочного комбината № 2

Порой в час отдыха, когда закончены домашние дела и немного отодвинулись заботы минувшего трудового дня, я кладу перед собой одну старую фотографию, которой уже больше тридцати лет. На ней — наш десятый класс средней школы рабочего поселка Сапожок, что в Рязанской области.

Обычный вроде бы снимок, только отличается он от привычных выпускных школьных фотографий тем, что сделан среди картофельного поля. Лица у нас на этом снимке усталые и чумазые, и одежда далеко не парадная, а в ногах стоят тяжелые ведра с картошкой. Но все мы на снимке веселые и счастливые. Счастливые от работы, от усталости, от того, что сами творим свою жизнь.

Детство наше выпало на войну. Любая мелочь, необходимая для учебы, требовала выдумки и нашего упрямого детского трудолюбия. Не хватало тетрадей — писать учились на лоскутках газет, между строчек. Не было чернил, и тогда мы придумывали самодельные. Ручки тоже делали сами.

И еще — шили кисеты для бойцов на фронте, толкли для них табак, который выращивали наши матери, а в седьмом классе весь первый школьный месяц — сентябрь — проводили на полях, помогая колхозникам.

Много всего пришлось переделать своими руками, и научились мы щедро делиться своим трудом. Щедро тратить его, не жалея сил. Таким образом мы вместе со взрослыми сохраняли и продолжали жизнь на своей рязанской земле. Поэтому, наверное, и были счастливы, когда убирали урожай с того картофельного поля.

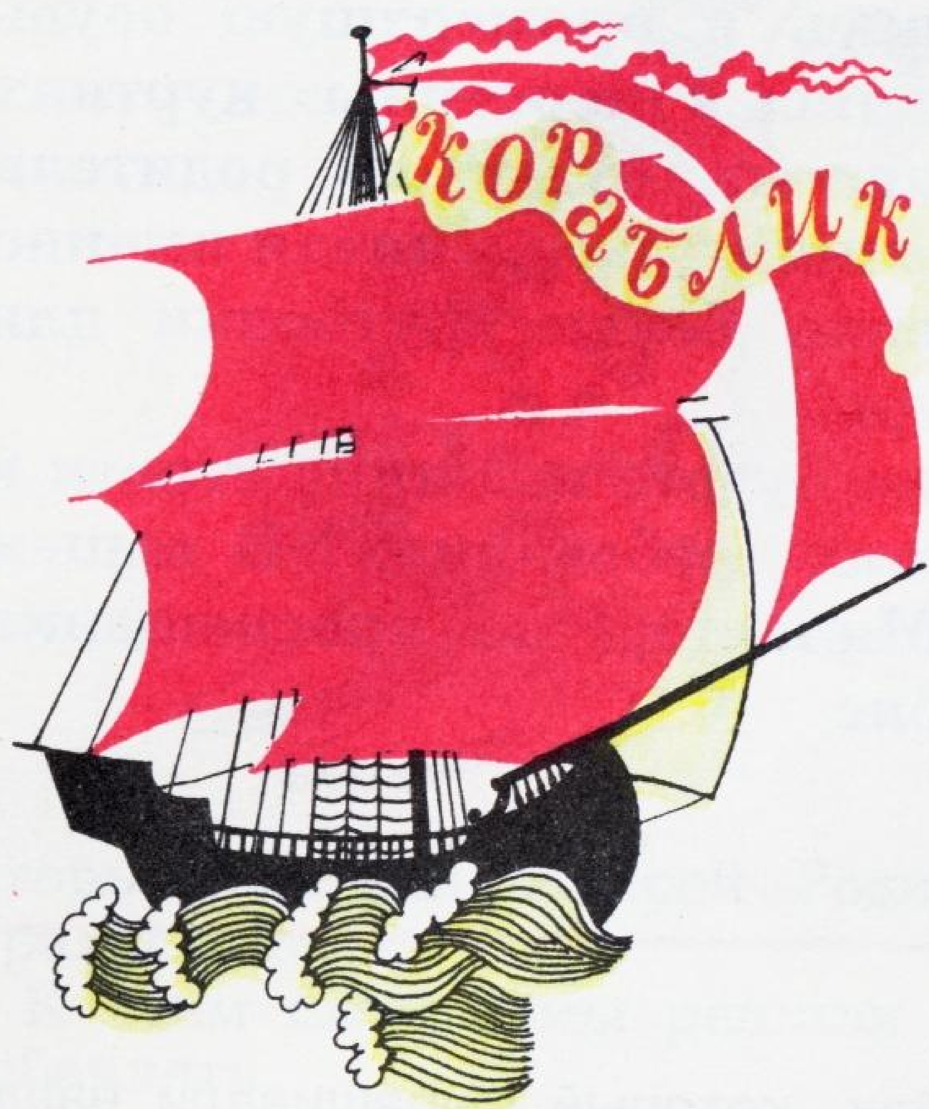
Зачем я вспомнила сегодня об этом? Вовсе не ради желания упрекнуть нынешних школьников, что им досталось более легкое и беззаботное детство. Просто мне кажется, что кое-кто из мальчишек и девчонок, привыкнув к этой беззаботности, теряет нечто очень важное. Лишает себя счастливой усталости от хорошо сделанной работы.

Школьная реформа предполагает, что труд должен стать одним из главных ваших предметов во время учебы. Чтобы вы уже сейчас, в юном возрасте, научились многому, так необходимому для взрослой жизни. Стране нашей очень нужны умелые, толковые рабочие кадры. И для вас сейчас главное в том, чтобы как можно раньше почувствовать радость самостоятельного творчества, радость созидания. Сначала — на уроках труда. А потом захватить эту радость в будущую вашу профессию. И в этом тоже, я считаю, отражается забота нашей партии и правительства о детях.

К нам на мебельно-сборочный комбинат приходит сегодня много выпускников московских школ. Встречаем мы их с открытым сердцем, всегда помогаем быстрее освоиться в профессии. И вот какую любопытную вещь заметили в цехе: чем больше старается новичок, чем больше сил тратит, спеша стать настоящим мастером, тем лучше у него настроение. И наоборот, если юноша ленится, то и по цеху ходит целый день вялый, хмурый, все валится из рук.

Значит, труд обладает способностью приносить радость. Таков, на мой взгляд, секрет любой самозабвенной работы, и каждому из вас откроют его школьные уроки производственного обучения. Первое дерево, посаженное своими руками. Первый сколоченный для птиц скворечник. Первая выточенная на станке деталь.

...Я смотрю на старую фотографию и вспоминаю свой класс. Вышли из него горняки и шоферы, сталевары и ткачихи. Знаю, что никто не пожалел о нашей каждодневной работе в то суровое военное время. И все стали настоящими людьми.

Ника БОЛЬШАКОВА — восьмиклассница, учится в школе № 16.

Что мне нравится

Нравятся мне и сады,
и фонтаны.
Нравятся мне и цветы,
и лианы.
Нравятся мне и собаки,
и кошки,
Умные книжки в красивой обложке.
Нравится мне,
чтобы в жизни всегда
Добрая радость со мною была.

* * *

Листопад... С деревьев листья падают,
Стоит только ветерку вздохнуть.
Яркие, резные, желто-красные,
Тронутые зеленью чуть-чуть.
Голый клен, как кот замерзший, ежится
Под большими каплями дождя.
У березок тоненькая кожица
Посерела, бахромой вися.
Небо плачет, и дождинки катятся
Слезками осенними на нас.
И травинка примеряет к платьицу
Осенью подаренный алмаз.

Рия ВАСИЛЕНКО учится во 2-м классе школы № 38. Эти стихи она сочинила, когда была еще первоклассницей.

Дежурные

Первоклассники класс убирали:
Мыли, чистили, пыль вытирали,—
Первоклассники класс убирали.
И нашли в углу черепаху.
И нашли в углу черепаху!
Посмотрели ее, поиграли
И помыли саму черепаху.

Дом

Наш дом посредине двора
Ночью — большая гора.
Наш дом посредине двора —
Цветок-одуванчик с утра,
Дом, в котором живем,—
Белый троллейбус днем.
И тортом с зажженными свечами
Дом наш становится вечерами.

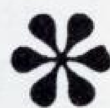
Лунные стихи

1

Кругом все тихо.
Ночь идет по дому.
Не спит одна Луна —
Она летит по небу голубому.

2

За мною повсюду ходит Луна,
Вползает в дырочки окон.
Звезд много. Луна постоянно одна,
Наверное, ей одиноко.

«ОСЕНЬ».
Рисунок Иры СУХАРНИКОВОЙ, 12 лет.

Митя КОМАРОВ — третьеклассник школы № 74.

* * *

Летом цветы на газонах растут.
Их поливают и берегут.

Нине КОТОВОЙ 9 лет, учится она в 4-м классе спецшколы № 19.

Корова

Жила-была корова.
Любила помечтать.
В мечтах своих прекрасных
Хотела полетать.
Летать под облаками,
На ветках песни петь
И с неба голубого
На землю поглядеть.
С радостной улыбкой корова просыпалась
И на лугу зеленом жизнью наслаждалась.

«ЛОШАДИ».
Работа Наны БАГАТУРИЯ, 9 лет.

Аня САВИНА учится в 3-м классе школы № 74, сочиняет стихи и сказки.

Котенок

Большая черная кошка жила на улице. Хозяев у нее не было, и поэтому она называлась бездомной. Однажды у нее родились котята, смешные и симпатичные: Черный, Серый и Рыжий с белым пятном над глазом. Самым непослушным и непоседливым был Рыжий. Мама-кошка говорила ему:

— Ты так торопился родиться, что даже не успел как следует покраситься.— Ей очень не нравилось белое пятно над глазом.

Когда котята подросли, Кошка вывела их знакомиться с улицей. Она вела котят знакомыми дворами и подворотнями, и вдруг Рыжий исчез. Кошка заглянула во все подъезды, даже в водосточную трубу, но Рыжего нигде не было.

А Рыжий и не думал о том, что его разыскивают. Он был рад, что наконец остался один, что никто его не одергивает и ничего ему не запрещает. Он влез на какое-то окно, запрыгнул в открытую форточку и оказался на столе в теплой, уютной комнате. Тут стояла чашка с вкусным молоком. Рыжий влез в чашку мордочкой, вылакал все до донышка — молока было немного, и двинулся дальше. Вдруг он услышал крик:

— Я хочу, чтобы мне подарили котенка!

— А я котят терпеть не могу! Собаки в сто раз полезней!

— Нет, котенка!

— Щенка!

— Котенка!

Рыжий просунул голову в дверь и увидел Мальчика и Девочку, которые готовы были подраться. Он остановился и смотрел на ребят, а они замерли, глядя на него. Потом Девочка взяла Рыжего на руки и запрыгала от радости:

— Ура, котенок!

А Мальчик схватил его за хвост и закричал:

— Не надо нам котенка, хочу щенка!

Тут вошел папа, взял котенка за шиворот и сказал:

— Отдайте котенка и перестаньте шуметь!

Но дети заспорили еще громче. Вернулась из магазина мама, поставила сумку на пол, схватила Рыжего за заднюю ногу и строго спросила:

— Кто принес кота?

Папа сказал, чтоб котенка отпустили. Девочка сказала, что не отпустит. Мальчик сообщил, что ему нужен щенок. Мама говорила, что котенок может быть с блохами. Каждый тянул Рыжего в свою сторону. На шум прибежала бабушка, поймала свободную заднюю лапу Рыжего и сказала:

— Перестаньте мучить животное!

Рыжий испугался, что сейчас войдет еще кто-нибудь, вырвался и бросился бежать.

Когда он вернулся домой, мама облизывала Черного и Серого и плакала. Рыжий приткнулся к маминому боку и тоже заплакал. С тех пор он никогда не убегал от мамы и стал послушным котенком.

Лидия ОБУХОВА

В полдень

Повесть о Лермонтове

Окончание. Начало в №№ 6, 7, 8.

Рисунки А. АЗЕМШИ.

Генерал Ермолов и поручик Лермонтов

Хлопотами бабушки и благодаря лестным отзывам командира отряда Галафеева Лермонтову был разрешен наконец двухмесячный отпуск. Он уезжал из Ставрополя в начале января 1841 года. Перед отъездом командующий Кавказским корпусом Павел Христофорович Граббе, бывший ермоловец, передал ему письмо к генералу, запечатанное личной печаткой.

— На словах передайте Алексею Петровичу, что по-прежнему его верные апшеронцы преследуют противника по горам, а нижегородцы не страшатся атак в дремучем лесу!

Лермонтов разыскал Ермолова не в Москве, на Пречистенке рядом с пожарной каланчой, как значилось на конверте, а в подмосковной усадьбе. Дорога оказалась не наезжена, полозья взрывали снежные комья.

— Не робей, друг мой, входи! Твой дядя Петров куда как был смел, даже под пулями! — приговаривал Ермолов, встречая гостя.

Но Лермонтов переступал порог не потупившись, а, напротив, сам пристально рассматривая знаменитого старца.

Ермолову было уже под семьдесят. Его легендарный рост не умерялся старческой сгорбленностью. Взлохмаченные седые волосы, некогда напоминавшие львиную гриву, тоже не пригладились и не поредели. Одет был по-домашнему, в стеганное ватой просторное платье рода поддевки.

Он хотел знать о сегодняшних делах Кавказского корпуса, но, когда Лермонтов заговорил, слушал рассеянно и, видимо, порывался поскорее перейти к собственным рассказам. Он вспоминал Тифлис, в который въехал впервые в простой рогожной кибитке. Как мало был похож тогда Тифлис на европейский город! И сколько усилий требовалось, чтобы строить дома иного стиля, а самих грузин приохотить к выгодному производству шелка и вина!

— Я немцев не жаловал, тому все свидетели. И в дворцовой зале не постеснялся спросить у генералов: «А что, дескать, господа, не говорит ли кто-нибудь из вас по-русски?» Однако,— продолжал Ермолов,— я не побрезговал поселить в Грузии пятьсот семей из Вюртемберга, чтобы те своим

ный жар...»

прилежанием показали пример хозяйственного порядка и довольства. Превыше всего для меня польза отечества! А наград не искал, видит бог!

Он проницательно глянул на сидящего перед ним офицера.

— А ты, сударь мой, понял ли, что русский солдат не мертвая сила? Под сильным огнем неприятеля едет не иначе, как самым малым шагом... Удалец к удальцу! Чай, помнят еще Ермолова?

— Помнят, ваше превосходительство. Песни поют про прежнюю доблесть.

— Ну, ну.— Тот придвинулся поближе с живым интересом.— Скажи хоть одну.

Лермонтов вспомнил куплет, который в самом деле слышал у костра:

Не орел гуляет в ясных небесах,
Богатырь наш потешается в лесах...
С ним стрелою громовой мы упадем,
Все разрушим, сокрушим и в прах сотрем.

— Ах, любо, славно,— пробормотал старик.— Были и у чеченцев геройские молодцы. Помню Бей-Булата... Но оставим рассуждения, прошу к столу откушать. Да передай мне, как Петров? Здоровы ли его детки? Что Павел Христофорович Граббе?

Они перешли в столовую.

Уезжал Лермонтов в зимних сумерках со смешанным чувством недоверчивости и почтения к опальному генералу.

Последний приезд в Петербург

Многие заметили, что Лермонтов в этот приезд изменился. Времяпрепровождение в свете больше не манило его. Он встретил там тех же дам с невинно-ядовитыми улыбками, тех же пустых блестящих адъютантиков. По гостиным пели те же самые романсы и теми же сахарными голосами. Когда прежние однополчане-гусары звали его к ломберному столу, он ставил несколько карт, зевал и удалялся.

На масленую он получил приглашение к Воронцовым-Дашковым.

Казалось, как не затеряться Лермонтову среди шести сотен приглашенных? Но царь, который явился неожиданно, высмотрел его и выразил свое

неодобрение дерзкому веселью не прощенного им поручика. Армейский мундир с короткими фалдами выделялся среди толпы гвардейцев.

— Бога ради, Лермонтов! Что ты тут делаешь? Уезжай скорей,— твердил перепуганный Соллогуб.— Чего доброго, тебя еще арестуют! Видишь грозные взгляды великого князя?

— У меня в доме не арестуют,— легкомысленно отозвалась графиня. Однако вывела его боковым выходом.

Бывать в свете Лермонтову решительно расхотелось. Зато теперь гораздо чаще он посещал своих литературных друзей.

С некоторым удивлением он увидел, как велика его популярность. Недавно вышедшую книжку стихов, куда он включил всего двадцать восемь произведений, в Москве покупали чуть не с боя. В Петербурге все выглядело сдержаннее, но литературные круги встретили его уже как бесспорно своего. Белинский смотрел на него влюбленно, Краевский с жадностью хватал любой черновик, Карамзины обижались, если он пропускал хотя бы один их прием.

Вечер у Карамзиных разгорался, как теплый огонек в печи. На столе шумел сменяемый самовар.

Петр Андреевич Вяземский задал всем тему, утверждая, что стихи надобно читать, сообразуясь с логикой и смыслом, а не монотонной скороговоркой, как проборматывал их Пушкин.

Дух Пушкина витал в этих стенах, и на него поминутно оборачивались.

— Вот и нет! Пушкин читал как истинный поэт,— пылко возразила Евдокия Ростопчина, считавшая себя ученицей Пушкина с тех пор, как тот одобрил стихотворные опыты восемнадцатилетней девушки. Пушкину даже пришлось утихомиривать тогда ее деда Пашкова, пришедшего в негодование

от неприличия самого факта: стихи дворянской девицы, его внучки, напечатаны в альманахе «Северные цветы»!

Вяземский, виновник публикации, не вмешивался в дальнейший ход событий и лишь подтрунивал со стороны над чванством старика. Но Пушкин, прослышав о семейном скандале и о слезах оскорбленной Додо, поехал в дом и долго увещевал переполошенное семейство. Визит «первого поэта», а более того, придворного, близкого к государю и, как считалось тогда еще, отличаемого им, смягчил Пашкова. Пушкин сумел польстить его самолюбию, расхваливая дарование внучки, а также уверяя, что стихотворство прибавит ей блеска в свете. Что, кстати, и оправдалось: Додо Сушкова вышла замуж за графа Ростопчина, любившего повторять, что он и сам не безразличен к поэзии, поскольку его отец выпускал во дни нашествия Наполеона лубочные листовки с раешником для населения Москвы. (Успокаивать и поднимать дух москвичей полагалось по чину старому Ростопчину как московскому генерал-губернатору той поры.)

— Обыденность интонаций принижает стих,— продолжала Евдокия Петровна.— Без ритма он не может существовать. Поэт мыслит не только словами, но и мелодией. Вы согласны? — обратилась она к присутствующим поэтам. Владимир Федорович Одоевский кивнул со своим обычным сомнамбулическим видом. Мятлев неопределенно пожал плечами. Лермонтов задумался.

— Нельзя по старинке только выпевать стих,— с досадой сказал он.— У стиха есть мускулы, он способен напрячься. Страсть чувства передается острием рифмы. О, я положительно несчастен, когда образ, найденный в кипении, вдруг застывает и давит на меня, как надгробие. Стихи могут жить только в движении, в изменчивости обличий. Люблю сжимать фразу, вбивать ее в быстрые рифмы, но, когда нужно для мысли, вывожу ее за пределы одной-двух строк, растягиваю в ленту. Мысль должна жить и пульсировать. Вот вам мое кредо, милая Авдотья Петровна!

— Вы немыслимый вольнодумец, Мишель! Ищете свободу даже от цезуры и ямба,— отозвалась Додо, скорее одобрительно, чем порицая.

Мятлев и Одоевский слушали их разговор с полным вниманием, сочувствуя Лермонтову, хотя его взгляды едва ли совпадали с архаическими поисками Одоевского или с полными юмора поэмами Мятлева.

Пауза не ускользнула от острого внимания Софи Карамзиной.

— Вот и прекрасно,— воскликнула она, торопясь дать нужное направление возникшей заминке.— Каждый станет читать свои стихи, а мы послушаем и решим, кто более прав. Согласны?

Гости задвигались и заулыбались. Чтение стихов было обычным на этих вечерах, где редко танцевали, никогда не играли в карты.

— Вы начнете, князь?

Петр Андреевич Вяземский слегка поклонился и поправил очки. Он произносил стихи, как слова в разговоре, сопровождая их обычной для него улыбочкой, вкладывая двойственный смысл в каждое выражение:

Сердца томная забота,
Безымянная печаль!
Я невольно жду чего-то,
Мне чего-то смутно жаль.
Не хочу и не умею
Я развлечь свою хандру:
Я хандру свою лелею,
Как любви своей сестру.

Стихи были старые; Петру Андреевичу писалось все труднее и труднее с каждым годом. Но все сделали вид, что слышат их в первый раз.

Мятлев, умница, дипломат, насмешник, читал театрально, простирая вперед руки, играя лицом и тоном. Он по-актерски нажимал на те слова, которые казались ему особенно трогательными:

Как хороши, как свежи были розы
В моем саду. Как взор прельщали мой!
Как я молил весенние морозы
Не трогать их холодною рукой...

Настал черед Лермонтова. Он произносил стихи сдержанно и отчетливо, без драматических ударений, выдерживая ритм. Его голос звучал то глуховато, то звенел баритональным металлическим гудением, словно издалека ударяли в колокол:

Люблю отчизну я, но странною любовью!..

Глаза, не мигая, смотрели на яркий огонь стеариновых свечей, которые горели светлее прежних, восковых, но имели и что-то неуловимо неприятное, химическое в запахе.

...Но я люблю — за что, не знаю сам —
Ее степей холодное молчанье,
Ее лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек ее, подобные морям...

«Какое львиное трагическое лицо!» — пронеслось в уме у Одоевского, пока его уши жадно впитывали своеобразную мелодику лермонтовской речи.

«Боек не по возрасту и не по роду. В чертах что-то восточное. А вовсе не шотландское, как ему угодно вообразить!» — Князь Петр Андреевич Вяземский тем сильнее раздражался, чем властнее брали его в плен, помимо воли, лермонтовские стихи.

«Ай да офицерик! Колышет строфу, как на волнах, и я качаюсь вместе... слушал бы да слушал...» — безгрешно восхищался Мятлев.

«Конечно, он умнее их всех здесь,— думала Софи Карамзина.— Пушкин, бывало, забавлял меня и радовал, но от этого человека ознобно, как на морозе. Что готовит ему судьба? Боже! Защити и помилуй...»

Наталья Николаевна Пушкина

Одну из посетительниц салона Карамзиных Лермонтов предпочитал обходить, кланяясь с безукоризненным светским почтением издали и молча. Это была вдова Пушкина.

Но как ни был Лермонтов мрачно предубежден против нее — издали, умозрительно, понаслышке,— оказавшись вблизи и заговорив с нею, он тотчас подпал под очарование пушкинского вымысла о ней. С изумленной умиленностью поверил, почти убедился,— Пушкин не ошибался! Чистейшая прелесть. Образец ее.

Наталья Николаевна, давно отвыкшая от особого мира поэзии, втянувшаяся в докучный вдовий быт с болезнями детей и необходимостью экономить на шпильках, вдруг под черными глазами странного поручика начала освобождаться из невидимых пелен, дышать глубже и вольнее. Она просыпалась, хорошела на глазах, все ее существо,

как встарь, излучало простодушную прелесть — на нее смотрел поэт!

— Вы еще будете счастливы,— сказала она ему благодарно.

Он покачал головой.

— Человек счастлив, если поступает, как ему хочется. Я никогда этого не мог.

— Почему? — Ее большие близорукие глаза смотрели с ласковой укоризной.

— Моя жизнь слишком тесно связана с другими. Сделать по-своему значило бы оскорбить, причинить боль любящим меня, неповинным.

Она пролепетала, потупившись:

— Неповинным?..

Он ответил не слову, а тоске ее сердца:

— Все неповинны, вот в чем трудность. Некому мстить и с кого взыскивать?

— Многое начинаешь понимать и ценить, только потеряв,— сказала она, поборов близкие слезы.— Это ужасно.

— Нет, это благодетельно! Душа растет страданием и разлукой! Счастливые дни бесплодны. Вернее, они начальный посев. Но подняться ростку помогает лишь наше позднее понимание.

— Я богата этим пониманием, мсье Лермонтов. Но что с того? Он об этом никогда не узнает!

Лермонтов близко заглянул в ее глаза с влажным блеском.

— А если он знал всегда? Если его доверие было безгранично, как и любовь к вам?

Они долго молчали, близко нагнувшись друг к другу.

— Бог воздаст вам за утешение,— сказала наконец она, откидываясь с глубоким вздохом. И вдруг прибавила непоследовательно, с живой, ясной улыбкой: — Я очень люблю вашего «Демона». Почему-то ощущаю себя рядом с ним, а не с Тамарой. Особенно когда он так радостно парит над миром. Я никогда не видала Кавказа... Всегда завидовала Александру, что он так много путешествовал.

Движение ее мысли сделало новый поворот. Черты стали строже, словно тень юности окончательно покинула эту женщину — вдову и мать.

— Смолоду мы все безрассудны: полагаем смысл жизни в поисках счастья.

— А в чем этот смысл? — спросил Лермонтов с напряженным вниманием. Казалось, от ее слов зависит: упрочится или оборвется возникшая между ними связь. Она была чрезвычайно важна для обоих.

— Думаю... нет, знаю! Назначение в том, чтобы наилучшим образом исполнить свой долг.

— В чем же, в чем он? — добивался Лермонтов. Не для себя он ждал ответа. Да, пожалуй, и не для нее. Неужели для мертвого Пушкина? Чтобы разрешить вечную загадку поэта? Понять предназначение поэта?

Тень беспомощности промелькнула по гладкому лбу Натали. Она не могла объяснить.

— Это знает о себе каждый,— сказала она просто.

— Вы правы,— отозвался Лермонтов спустя несколько секунд, словно смерив мысленным взглядом безмерные глубины и возвращаясь из них.— Главное, не отступать от самого себя. Довериться течению своей судьбы.

— И божьей милости,— добавила она.

На этом кончился их разговор. Он подал ей руку братским движением. Она поднялась с кресел и возвратилась к остальному обществу.

Весь конец вечера Лермонтов был спокоен и умиротворен. Вдова Пушкина оставила в нем чувство прекрасного и безнадежного.

Дыша петербургским воздухом, Лермонтов все чаще думал о Пушкине, применял его судьбу к своей. И все больше находил несовпадений.

Пушкин жил в окружении людей, близких по духу. Лицейское товарищество было важнейшей частью его жизни, тем светлым кругом от лампы, где душе казалось вольно и уютно посреди российского последекабристского мрака... Лермонтов, как и Тютчев, прошел мимо Пушкина, не был им особо замечен, находился как бы за чертой света, хотя стихи его Пушкин читал. В сущности, жадности к новым дарованиям у Пушкина могло и не быть: он сам был переполнен до краев. То, что он хвалил (и, наверно, искренно) стихи своих приятелей, говорило лишь о том, что их пустоты и слабины он безотчетно заполнял собою. Он нуждался в ласке и побратимстве. Лермонтов мог обходиться самим собой.

Пушкин не выходил из-под обаяния образа Петра. Восхищался им и противоборствовал ему, искал литературному образу точный исторический эквивалент.

Для Лермонтова Петр словно вовсе не существовал. Самой влекущей фигурой в истории для него стал Наполеон — почти современник (когда умер Наполеон, Лермонтову было уже одиннадцать лет). Иван Грозный был интересен не столько как личность, сколько как весь отрезок времени, придавленный тяжелой дланью царя,— и то, как выпрямлялись люди, вырываясь из-под этой длани. Мотив, в высшей мере созвучный самому поэту!.. Но Пугачев притягивал их обоих. Они постоянно возвращались к нему пером и мыслью...

Альбом Владимира Одоевского

Бабушка так и не выбралась из Тархан, а отпуск Лермонтова кончился. Он продолжал мечтать об отставке, надеялся, что свадьба наследника престола, когда милости сыплются пригоршнями, смягчит его гонителей. Хлопотали со всех сторон; Жуковский, пользуясь своим придворным положением — через императрицу и наследника — без толку! Око Бенкендорфа нависало над Лермонтовым, как злая луна, прикрытая тенью.

Двенадцатого апреля поутру Михаил Юрьевич в нервическом волнении вбежал в кабинет к Краевскому. То присаживался на стул, то бросался, словно в изнеможении, на диван.

— Да объясни, что с тобою? — воскликнул наконец Краевский, с неудовольствием отрываясь от письменного стола.

Лермонтов ухватил его с какой-то судорожностью за отвороты сюртука.

— Разбудили чуть свет, передали от дежурного генерала главного штаба Клейнмихеля: за сорок восемь часов покинуть столицу и ехать в полк. Я знаю, это конец! Ворожея у Пяти углов сказывала, что в Петербурге мне больше не бывать, а отставка будет такая, после которой уже ничего не попрошу...

Краевский утешал неумело. Он был удручен.

Лермонтов ездил по Петербургу, прощался с друзьями. Настроение у него понемногу изменилось.

Владимиру Федоровичу Одоевскому бросилась в глаза уже его внутренняя собранность, готовность к чему-то долговременному — работе, писанию. И — грусть. Дымка ее надо лбом.

Одоевский в безотчетном предчувствии подошел к окну, взглянул на гнилые сумерки петербургской весны.

— Душно у нас и темно,— сказал он.

— Право? А я не чувствую,— рассеянно отозвался Лермонтов.— Мне хорошо.

— Отчего же хорошо, мон шер? — не то с досадой, не то с удивлением сказал князь.— Все пятимся назад. Что было обнадеживающего, светлого, вспять течет, как река.

— Да реки вспять не идут,— сказал Лермонтов с мягкостью и терпением.— Реки к крутизне стремятся. Я насмотрелся на кавказские стремнины: лишь упав с высоты, разбившись на тысячу струй, река и собирает себя воедино, вольно течет к морю.

— Так ты веришь в ясную будущность?

— Разумеется.— Лермонтов тоже посмотрел на густеющий туман, на желтоватые капли испарины в стеклах.— Но не для себя. Мне-то головы не сносить. Царь — животное плотоядное.

— Бог знает, что ты говоришь! — расстроенно вскричал Одоевский.— Грешно, брат.

— Прости, не стану.

Владимир Федорович с поспешностью начал рыться в ящичках и на этажерках. Откуда-то из-под спуда добыл замшевый, песочного цвета дорожный альбом в виде портфеля на застежке. Макнул в чернильницу перо, сделал надпись широким почерком: «Поэту Лермонтову, дается сия моя старая и любимая книга с тем, чтобы он возвратил мне ее сам и всю исписанную, к. В. Одоевский. 1841. Апреля 13-е. С. Пбург».

— Теперь попробуй ослушайся!

Они обнялись.

В тот же вечер на прощальном ужине у Додо Ростопчиной Лермонтов прочел скороговоркой, с перехваченным горлом:

От лести презренной, от злой клеветы
Уста мои чисты и святы,
И путь мой повсюду был путь правоты,
Трудами и горем богатый.

Заносить четверостишие в альбом не стал. Но все последующие писал уже только туда.

Утром, едва развиднелось, двоюродный брат Аким Шан-Гирей проводил Мишеля до почтамта, от которого закладывались кареты в Москву.

Монго Столыпин после отпуска выехал раньше; они встретились в Туле и продолжали путь вместе. Лермонтова сердили долгие остановки на почтовых дворах из-за распутицы.

Его жизнь отсчитывала уже не годы — только месяцы, а он все торопил и торопил летящие дни.

С полпути самовольно свернули в Пятигорск, выправили там у знакомого лекаря свидетельства о болезни.

В то жаркое лето на водах Михаил Юрьевич ощутимо менялся прежде всего для самого себя.

По инерции он жил прежней жизнью: поутру ванны, до обеда болтовня с приятелями, после обеда игра в карты или верховая прогулка, вечера почти ежедневно в гостиной генеральши Верзилиной, танцы под фортепиано, сочинение эпиграмм и шаржирование друг друга в альбоме сестер Верзилиных. Но смерть постоянно присутствовала в его размышлениях. Он не торопил ее, но и не отворачивался. Во всем, что он писал в эти весенне-летние месяцы, неотвратимо звучала нота прощания.

Он многого не знал о самом себе. Зато жил добавочным ощущением будущего. Было ли это

социальным предвидением или лишь бунтом совести, взрывом молодых чувств — едва ли бы стал объяснять, даже если бы его спросили в упор. Но спрашивать было некому. Хотя к его имени тянулось множество людей, его стихами не могло насытиться следующее за ним поколение (странно говорить о «следующем поколении» применительно к столь молодому человеку! Но таков феномен лермонтовского возраста: он дан всем и на много лет вперед). Российская читающая молодежь готова была признать его своим вожаком, следовать за ним. Голос Лермонтова прозвучал как клич в ночи, как призыв к действию. Так он и был понят. Он еще просто не успел осознать, сколько единомышленников ему готовилось!

Неважно, кто с чего начинает. Главное, что по истечении лет человек непременно становится тем, чем должен быть. Обстоятельства помогают этому не потому, что они благоприятны, а оттого, что человек призвания поворачивает их к себе нужной стороной: чего-то не замечает вовсе, другое с жадностью впитывает.

Ожог — вот нечто из сущности Лермонтова. Темное небо времени ожглось им, как метеором. Лермонтов — сгусток бунтарского пламени — погашен о черную дыру века...

Мартынов

Окружающие Лермонтова молодые люди не были уж вовсе ничтожествами. Напротив, многие по праву слыли храбрецами, остроумными собеседниками и обладали симпатичными человеческими свойствами: благородством — в дворянском понимании этого слова, верностью боевым товарищам, чувством патриотизма, а некоторые и свободолюбивым образом мыслей. Они были людьми своей среды и воспитания. Лермонтов, не всегда понимая это сам, «выламывался» из своей среды. Он был другой. Не только его гениальный дар, но и человеческая личность не совпадали ни с кем из окружения. Он и хотел бы стать послушным внуком, беспечным воякой, галантным возлюбленным — хотел бы, да не мог. Сам способ дышать был у него иным. Глаза видели по-своему, мысль текла не банально, любой поступок, органичный для него, ставил всех в тупик, раздражал, вызывал подозрительность и недоумение. Он был рыбой других глубин и не мог изменить свою природу, очутившись на мелководье. Проще было задохнуться. И он задохнулся.

Но никогда он не был так внутренне ровен, полон планов и надежд на будущее, как в этот последний год. Общение с литераторами — хотя карамзинистов и Краевского он отлично видел со всеми их слабостями, таково уж было свойство его беспощадного внутреннего зрения! — дало ему очень много: это был прообраз среды, в которой ему было бы интересно существовать.

Судьба держала его силком в прибрежных водах.

...Мартынов? Что ж, Мартынов... Как каждый неумный тщеславец, он хотел быть на виду. Инстинктивно сознавал, что возможности его невелики, поэтому и замах всякий раз был маленький, беспроигрышный.

Он выбирал поприще, где конкурентов не находилось. Никому бы не пришло в голову с таким упорством цепляться за маскарад собственной внешности. У него был самый массивный кинжал и самая впечатляющая черкеска. Он по-горски сидел в седле. Мартынов плыл по волнам ежедневной суеты с бездумностью щепки; то разыгрывал сам с собою роль сурового рубаки, то щеголял иронией салонного льва. Он был начисто лишен этих качеств, но даже не подозревал об истинном положении вещей. Для него мир ограничивался собственной особой. Все, что находилось вовне, представляло зыбкое, туманное пятно. Не возникало даже желания углубиться на чужую территорию.

В Лермонтове он вызывал жалостливое сочувствие и раздражительность. Часто Лермонтов наблюдал за ним с тем особым захватывающим наслаждением, которое доставляло ему исследование чужой души. Он мог предсказать, как поступит Мартышка в следующую минуту, что ответит, на что надуется. Наблюдения не наскучивали. Когда Мартынов внутренне скисал, погружался в апатию, Лермонтов, подобно опытному укротителю, слегка щекотал его эпиграммой. При всем том он искренне любил своего приятеля, как любил очень многих, щедро и неразборчиво, веря в странном самообольщении, что и они его любят и веселятся от души, когда он безжалостно потешается над ними. Как, впрочем, и над самим собою.

Всякий раз, приближаясь к человеку, он — такой проницательный! — безоглядно очаровывался чужой душой.

Время — понятие трагическое и присущее лишь людям. Они постоянно не совпадают в его течении. Время Лермонтова не совпало не только со временем Мартынова, но и со всем замедленным движением эпохи. Ей предстояло еще лишь разворачиваться, медленно, кольцо за кольцом. Лермонтовская же судьба двигалась прямиком, как полет метеора. То, на что у других уходила целая жизнь — работа, познание, любовь,— ему пришлось втиснуть меньше чем в десять лет, если считать началом сознательного возраста шестнадцать — восемнадцать.

А что говорить о времени Мартынова? Куда ему было спешить? Он еще и женится, и родит сыновей, и вдоволь насидится за карточным столом в Английском клубе, ловко передергивая, по мнению партнеров. За рюмкой послеобеденного ликера станет злословить—и с кем же? Да с Бахметевым! Мужем Вареньки Лопухиной, первой и вечной любви Лермонтова, тогда уже вдовцом, потому что Варвара Александровна пережила Лермонтова всего десятью годами, а узнав о его смерти, пролежала две недели без памяти, не желая ни лекарств, ни врачей. Была безутешна. Увы, ее замужество стало тем же гибельным шагом, что и гусарский мундир для Мишеля, как его необдуманный отъезд из Москвы в Петербург, как их разлука... А Бахметев кипятился и все доказывал, что покойная жена не могла быть выведена в «Княжне Мери»: родинка у ней не на щеке, а на лбу, и он никогда не возил ее на кавказские воды...

Не совпали. Не совпали, но пересеклись. Оголенный провод выбросил искру: Лермонтов запылал, а Мартынов, почадив чуть-чуть, пополз дальше.

Он еще долго будет отягощать землю — холеный и бесполезный,— испытывая при имени Лермонтова отнюдь не раскаяние, а досаду: старая история, пора бы и забыть! Возможно, он искренне запамятовал, с чего она началась. И сестра его Наталья, якобы оскорбленная образом княжны Мери, давным-давно замужняя барыня, благополучно проживая за границей, едва ли вспоминала «несносного Мишеля», который не пожелал в нее влюбиться.

Причина ссоры Мартынова с Лермонтовым? Она могла случиться из-за чего угодно еще восьмого

июля, во время праздника в пятигорском гроте Дианы, который Лермонтов — один из главных устроителей любительского бала — собственными руками увлеченно украшал яркими шалями и цветными фонариками. Под звуки военного оркестра он кружился в бешеном вальсе то с «прекрасной креолкой», своей дальней родственницей Катей Быховец, то с «розой Кавказа» Эмилией, одной из сестер Верзилиных.

Тот вечер, к счастью, прошел благополучно: Мартынов с Михаилом Юрьевичем еще не столкнулся. На заре все мирно разошлись. Долина дремала в синем тумане, Эльбрус слабо розовел снежной вершиной, а по бульвару мелькали белыми пятнами, удаляясь, женские платья.

Два вечера с профессором Дядьковским

Между восьмым и тринадцатым июля (день вызова на дуэль) судьба прощально подарила Михаилу Юрьевичу встречу с умным, образованным человеком. Они провели вместе два вечера подряд.

Иустин Евдокимович Дядьковский, знаменитый врач-клиницист, пятидесяти семи лет от роду, профессор Московского университета, терпевший гонения за вольномыслие в естественных науках, вел знакомство с Арсеньевой еще с Москвы, и Елизавета Алексеевна, не чинясь, передала с ним гостинец внуку.

Иустин Евдокимович сперва сам зашел к Лермонтову, но не застал его, и тот вечером поспешил в дом, где остановился профессор, прося прощения, что визит его случился впопыхах и он небрит. С первых слов церемонии показались докучны; оба проговорили далеко за полночь.

Начав с личности Байрона и философии Бекона, перешли на вопрос о нравственном идеале.

— Каждый мыслящий человек, помимо прямой деятельности, видит свою задачу в утверждении этого идеала,— сказал Дядьковский.

— А разве он есть? — прервал Лермонтов.— Разве Европа выработала такой идеал?

— Полагаю, он в облегчении страданий многих людей.

— Не то дурно, что люди терпеливо страдают,— сказал Лермонтов с какой-то задумчивой печалью,— а то, что большинство из них даже не осознают своих страданий! Нет, пока не выйдешь из толпы, не освободишься от ее стихийных порывов, невозможно критически обозреть общий путь. Лишь затем придет пора действовать. Мне сдается, смельчаки на Сенатской площади сделали раннюю попытку встать поперек течения...

— Ну, а молодежь нового поколения?..— спросил Дядьковский.

— Увы, оно погрязло в бесплодных сомнениях еще до всякого действия! И у скольких душа окажется вскоре прикованной к гибкому хребту чиновника!..

— Не смотрите так мрачно! — воскликнул почтенный профессор.— Девятнадцатый век родился на моих глазах, и на всех повеяло тогда струей здоровой жизни. Пусть многие идеи оказались поверхностными. Но вы еще дождетесь лучшего, молодой человек!

Лермонтов ничего не ответил.

На следующий день он заехал за Иустином Евдокимовичем на дрожках и от имени хозяйки пригласил к Верзилиным на чай, где намеревался читать стихи. Он же его отвез вечером обратно.

— Что за умница! — повторял Дядьковский своим домашним.— А стихи его — чистая музыка. Но такая тоскующая... Я его спросил: вы, верно, фаталист? Он ответил, что нет, но свое предопределение, кажется, знает. Удивительный человек! Забыл ему сказать, что вся Москва поет его «Горные вершины»...

(Дядьковский пережил Лермонтова на несколько дней. Он умер, потрясенный гибелью поэта.)

Ссора

Вечеринка у Верзилиных протекала как-то тускло. За фортепиано сел юнкер Бенкендорф («бедный Бенкендорф», как его называли: шеф жандармов не только не жаловал дальнего родственника, но и препятствовал его карьере). Барышни под нестройный аккомпанемент запели жидкими голосами.

Лермонтов сидел с угрюмостью поодаль, закинув ногу за ногу. Пели, словно по стеклу скребли! Не вытерпев, сказал молодому офицерику, одному из гостей:

— Слёток, сыграй кадриль. Лучше уж танцевать!

Тот сменил Бенкендорфа, забарабанил первые такты. Стали составляться пары. Одной барышне партнера недостало. А в дверях картинно возник Мартынов — нафабренные усы, отполированные ногти, черкеска из тонкого верблюжьего сукна, серебряный кинжал. Так и бросается в глаза!

— Эй, Пуаньяр! — окликнул Лермонтов.— Тебя нам и не хватало. Становись в пару, дама ждет.

Тот отворотился, будто не слышал забавного прозвища, надменно закинув голову, прошел в соседнюю комнату, к хозяйке дома.

Отвергнутая барышня смешалась почти до слез. Лермонтов вспыхнул: она была из невидных, конфузливых да и одета бедновато.

— А вот неучтивость делать не след,— громко сказал он в сторону распахнутой двери.— Велика важность, как окликнули.

И все-таки вечер раскручивался понемногу. Старшая из сестер Верзилиных, Эмилия, прошлась с Лермонтовым в туре вальса. Затем к ним на узкий диванчик под ситцевым чехлом подсел Лев Пушкин, майор, брат поэта, очень похожий на него внешне. Болтали втроем о чем придется. Остроты не обходили никого из присутствующих, пока дело не дошло до Мартынова, который, опершись на крышку рояля, любезничал с рыженькой Надеждой Верзилиной. Случилось так, что, когда Лермонтов повторил по-французски кличку Мартынова «горец с большим кинжалом», музыка на ту минуту смолкла.

Мартынов приблизился, переливчато звеня серебряными колесиками шпор — каждое подбиралось по тону! Сказал деревянным голосом, что неоднократно просил оставить эти шутки, хотя бы при дамах. Спускать их он не намерен.

— Ну вот, дождались ссоры,— недовольно укорила Эмилия.

— Пустое. Завтра мы вновь будем друзьями,— отозвался Лермонтов.

Когда все расходились, Мартынов догнал его у ворот и повторил, что больше насмешек терпеть от него не станет.

— Что же, нам к барьеру, что ли, идти? — В темноте чувствовалось, как Лермонтов улыбается.— Изволь, хоть сейчас извинюсь.

— Нет! Я вас вызываю! — Мартынов опрометью кинулся прочь.

На рассвете, до жары, Лермонтов и Столыпин поехали, как и собирались ранее, в Железноводск, где взяли билеты на ванны. Ночному разговору с Мартыновым Михаил Юрьевич по-прежнему не придавал особого значения.

А между тем в Пятигорске, во флигеле, где жили Мартынов и выздоравливающий Глебов, страсти не утихали, а разгорались. С запозданием о ссоре узнал знаменитый дуэлянт Руфин Дорохов, который, как и многие боевые офицеры, лечился от ран на кавказских водах.

Лермонтова лихой рубака Дорохов видел в деле и искренне полюбил; спустя годы помнил его стихи наизусть, мог сказать, когда и под каким настроением было написано каждое из них. Он-то понимал, чем грозит еще одна дуэль человеку, подобно Лермонтову, находящемуся на плохом счету и под особым надзором!

Но у других — Глебова, Столыпина, Васильчикова, Трубецкого — серьезных опасений все еще не было, им хотелось просто помирить обоих, чтобы не портить общего веселья. Знали, что Лермонтов покладист и никогда не доводит своих шуток до прямой обиды.

Неожиданно уперся Мартынов.

— Я от дуэли не откажусь, господа. И предупреждаю, не хочу, чтобы она была лишь предлогом к бесполезной трате пыжей.

Дело осложнилось. Поскакали в Железноводск к Лермонтову. Тот сказал:

— Я в Мартышку стрелять не стану, а он как знает.

В Пятигорске приятели продолжали судить да рядить уже как секунданты: со стороны Мартынова — Глебов и Васильчиков, от Лермонтова — Столыпин и Трубецкой. Совет подал опытный Дорохов: Мартынов трусоват, так не назначить ли устрашающие условия поединка? Десять шагов. По три выстрела каждому. Чтобы на месте он опомнился, принял извинения, и тогда все кончится тихо, втайне. Без опасных последствий. На том и порешили.

Последнее стихотворение

Лермонтов возвращался один от ключа с железистой водой по аллее, еще недавно прорубленной в диком лесу. Несмотря на знойный день, было свежо от нависшей зелени; лучи солнца почти не проникали сквозь ветви. Когда выбрался на ровное место, смеркалось. Над близкими горами затеплились ранние звездочки. Блаженные минуты воли и покоя!

Он уже два дня сочинял стихи о гонимом пророке, том самом, пушкинском, которому бог вырвал грешный язык и вложил «жало мудрыя змеи». Но что же сталось с тем пророком, тем поэтом после?

Провозглашать я стал любви
И правды чистые ученья:
В меня все ближние мои
Бросали бешено каменья...

Лермонтов остановился, тяжко вздохнул. Ему не хватало Пушкина. Всегда не хватало его в жизни!

Но как розов вечер! И как короток. Будто глоток воды, когда томишься жаждой.

И вот в пустыне я живу,
Как птицы даром божьей пищи...

Тропинку перебежал еж, ночной добытчик. Вспорхнул сизоворонок, готовясь ко сну, в последнем луче сверкнул дивным лазоревым оперением. Лермонтов приостановил шаг, чтобы никого не пугать.

Завет предвечного храня,
Мне тварь покорна там земная;
И звезды слушают меня,
Лучами радостно играя...

Допоздна сидел при свече, марая бумагу. Потом перебелил в альбом Одоевского. Сколько еще чистых листов! Сколько стихов впереди! Строки стали складываться одна за другой. Он уже собирался было записать их на новом свежем листе, да вдруг потянуло в сон. Подумал: «Завтра» — и отложил перо. Еле добрался до подушки. Брегет прозвонил полночь...

Его разбудил солнечный луч.

Наступил вторник. Пятнадцатое июля. Но и утром он не успел записать новые стихи. Они отклонились от мадригала, как задумывалось первоначально. Были нежны и задумчивы.

Монго вошел одетый для верховой езды, с хлыстиком в руке:

— Ты не забыл, что к шести часам Мартынов будет ждать у подошвы Машука? Я еду в Пятигорск за пистолетами. Прощай!

— Прощай,— рассеянно отозвался Лермонтов ему в спину.

Потом пришел знакомый еще по Тифлису поэт Дмитриевский, читал свои новые стихи.

А ближе к полудню приехала в коляске вместе с тетушкой Катя Быховец, его милая кузина. Верхами их сопровождали «бедный» Бенкендорф и Левушка Пушкин. Дом сразу наполнился суетой и смехом.

— Пикник, пикник!

Лермонтов сел в коляску к кузине, и они тронулись.

Лермонтовская компания чаще всего наведывалась в домик Анны Ивановны Рошке, где кофе разносила миловидная племянница хозяйки Берта. Стол накрывали в саду под яблонями. На тесовой веранде в опрятных горшочках цвели незабудки.

Они просидели за столом довольно долго. Катя была в голубом платье, под белым зонтиком с продернутой в нем голубой ленточкой (любимые лермонтовские цвета): Коса ее вдруг рассыпалась, золотой обруч упал; Лермонтов подобрал его в траве и все время навертывал на пальцы гибкий ободок.

— Отдайте, сломаете,— просила Катя.

Но он только качал головой.

— Доверьте мне его до завтра. На счастье. А там верну сам либо кто другой.

Катя ничего не поняла, но согласилась. Он спрятал бандо на груди. (Как было знать наперед, что пуля ударит в ободок и, отскочив, пробьет ему оба легких?)

Когда собрались уезжать, Берта протянула Лермонтову кулек со спелыми вишнями.

— Чтоб не скучать по дороге,— сказала застенчиво.

Дуэль

Они шли довольно долго пешком, углубляясь тропинками в густые заросли горного подлеска.

Весь день нагнеталась духота, травы бессильно поникли, листья потеряли упругость. Впрочем, ко всему этому надо было приглядываться зоркими глазами натуралиста, у которого голова ничем больше не занята.

Эти же молодые люди в мундирах шли, поглощенные своими мыслями и рассеянные к окружающему.

Лермонтов несколько раз обернулся, когда ему показалось, что секунданты отстают. Он был молчалив, как и они, но ясен и бестревожен. Запускал руку в бумажный кулек со свежими вишнями и брал ягоду двумя пальцами, осторожно, стараясь не замарать ладонь соком.

Размышлял так рассеянно и о столь многом, что связно передать ход его мыслей было бы трудно. Может быть, впервые в жизни он не противоборствовал судьбе, а шел с какой-то успокоенностью в чуждом ему направлении и по чужой указке, вовсе об этом не задумываясь. В нем роились прежние стихи и холодило предвкушение новых. Верховая езда придала бодрость; он ступал по земле с удовольствием. Так славно ноги утопали в траве, высокой, хотя и пережженной солнцем... Вспоминались давние строки, которые теперь зазвенели по-особому:

Дайте раз на жизнь и волю
Посмотреть поближе мне...

«Все кончится пустяками,— заставлял себя думать Монго, невольно замедляя шаги. Ах, как не хотелось идти! — Мартышка струсит, до выстрелов дело не дойдет. Мишелю пора уняться. Право, желчь его всем наскучила. Поделом, пусть постоит перед дулом... Бабушке, надеюсь, не перескажут... Проклятое родство! Как будто я к нему в няньки определен!»

Столыпин распалял себя раздражением против родственника, с которым он так долго и тесно жил бок о бок, что, кажется, и любить его перестал, набил душевную оскомину. Между тем независимо от сердитых мыслей в глубине существа он ощущал холодок. Впереди маячила широкая сутулая спина Мишеля, которая то притягивала, то отталкивала от себя его взгляд. Будто ему одновременно хотелось и не выпускать его ни ча секунду из виду, наивно веря в охранительную силу своего взгляда, или — ах, да провались он совсем! — вовсе уж не видеть больше никогда...

Нимало не веря в дурной исход дуэли, Глебов тоже замедлял шаги, объясняя это не прошедшей еще ломотой в раненой ключице. Он почему-то вспомнил с внутренней улыбкой, как Лермонтов заехал по пути на Кавказ проведать его раненого, в сельцо Мишково. Как они славно, весело провели весь день. Пили чай из большого самовара, слушали на крыльце пение дворовых девушек. Лермонтов слушал тогда, как бы и вовсе не дыша. Такого лица Глебов никогда у него раньше не видывал: иронические складки у губ разгладились и печально-светлая дума прошла по широкому смуглому лбу.

Глебов в тот миг взглянул на небо, уже вечереющее, с одиноким светящимся облаком, и его посетила необычная мысль, что лермонтовский лоб и есть это уплывающее, еще не погасшее облако! Он удивился странной игре фантазии — был он человеком трезвым, приземленным, стихов не читал, в Мишеле ценил доброго товарища, гусара, а вовсе не стихотворца.

Лермонтов шел впереди, не останавливаясь. «Пусть постреляют,— подумал Глебов со вздохом.— Мартын пшют, да ведь его честь обязывает... Все просто в жизни, и в дуэли этой дурацкой ничего особенного. Постоят у барьера и разойдутся...» Только ноги не хотели идти. Глебов отставал и отставал, так что временами вовсе терял Лермонтова из виду за хлесткими кустами, с которых уже скатывались первые дождевые капли.

— Лучшего места, чем под Перкальской скалой, не найти,— громко сказал Глебов.

Мартынов кивнул. Они свернули налево.

Над Пятигорском вовсю грохотала гроза. Вот-вот она должна была разразиться и здесь. Дорохов с Трубецким запаздывали. В кустах ржали и всполошенно били копытами лошади.

— Так начнем? — произнес в пространство Васильчиков.

Столыпин стал доставать кухенрейтеровские пистолеты. Гром гремел, уже не переставая. Глебов и Васильчиков быстро отмерили тридцать шагов, барьер на десяти шагах отметили брошенными шапками. Поединщикам подали пистолеты. Лермонтов стоял лицом к северу.

Все совершалось с какой-то лихорадочной поспешностью. В тот момент, когда Трубецкой и Дорохов, запыхавшись, появились на поляне, команда «Сходись!» уже раздалась.

Лермонтов заслонился локтем и держал пистолет дулом кверху. Мартынов быстро прошел несколько шагов, переступил барьер и выстрелил почти в упор.

Страшный громовой разряд заглушил звук пистолета. Не все сразу поняли, что произошло. От тучи стало темно, как в полночь, хлынул дождь.

Получив пулю в грудь, Лермонтов жил еще минуту или несколько меньше, но достаточно, чтобы откинуть руку вперед и вниз, жестом последнего непримирения с судьбой.

— Ми-ша! — раздался вопль сразу нескольких голосов.

А потом, объятые ужасом, все бросились прочь, без фуражек, с ручьями дождевой воды, текущей по обвисшим волосам. Вскочили на лошадей и поскакали к человеческому жилью, к огням, в Пятигорск... (Это после уверяли: за врачом, за повозкой, к коменданту...)

На поляне остался Дорохов. Он сидел в мокрой

траве и держал на коленях, словно баюкая, голову Лермонтова...

«Альбом Одоевского» возвратился к Владимиру Федоровичу лишь 30 декабря 1843 года. Его привез Аким Акимович Хастатов, дядя Лермонтова, который постоянно проживал в своем кавказском имении Шелкозаводское, а в Петербург наведывался изредка и ненадолго.

Владимир Федорович, прежде чем раскрыть тетрадь, придвинул кресло к тому окну, возле которого они стояли с Лермонтовым при прощании. Затем стал медленно переворачивать страницы.

Многие записи были сделаны карандашом, с помарками. На ходу или в дороге? Между страницами черточки, нумерация порядка. После нескольких страниц черновика перебелено жидкими чернилами коричневого цвета, очень мелко: «Спор», «Сон», «Утес», «Они любили друг друга...», «Тамара», «Свиданье», «Лист», «Нет, не тебя так пылко я люблю...», «Выхожу один я на дорогу» (последняя строфа «Чтоб всю ночь...» перечеркнута, слова менялись), «Морская царевна», «Пророк».

А дальше чистый лист без желтизны и помарок. Все. Конец. Небытие.

Одоевский беззвучно заплакал. Он знал: Лермонтов навсегда останется в нем незаживающей раной.

Слезы текли, а губы шептали:

В полдневный жар в долине Дагестана
С свинцом в груди лежал недвижим я;
Глубокая еще дымилась рана,
По капле кровь точилася моя.
Лежал один я на песке долины;
Уступы скал теснилися кругом,
И солнце жгло их желтые вершины
И жгло меня — но спал я мертвым сном.
И снился мне сияющий огнями
Вечерний пир в родимой стороне...

Это был снова живой Лермонтов во всей силе, свете, тягости и яркости своих страстей!

КОНЕЦ

Доброе слово

Много добрых интересных дел на счету тимуровцев Краснодарского края. Хочу рассказать о некоторых из них.

Тимуровцы города Армавира разыскали многих родственников солдат, погибших при освобождении их города. Установили связь с ветеранами, воевавшими под Армавиром, приглашают их в гости в свои школы.

Тимуровцы Успенского района участвуют в героико-патриотической экспедиции «Материнская слава». Разыскали женщин, чьи дети погибли в боях за Родину. Ребята окружили матерей вниманием, заботой, лаской. Фотографии женщин поместили на стенде «Они защищали Родину», в районном музее революционной, боевой и трудовой славы.

На весь Краснодарский край известны дела тимуровцев майкопской средней школы № 22. Их заботливыми руками создан книжный магазин «Светлячок». Ребята сами подбирают литературу в центральном магазине «Книжный мир», организуют доставку книг в школу, и дети берут их нарасхват. В 1977 году «Светлячок» занял второе место во Всесоюзном социалистическом соревновании за лучшую пропаганду и распространение литературы, награжден дипломом Госкомиздата СССР и ЦК профсоюзов работников культуры.

Вот о чем мне хотелось рассказать. Думаю, тимуровец — это не только доброе сердце, умелые руки и душевный огонь. Тимуровец еще и деловой человек.

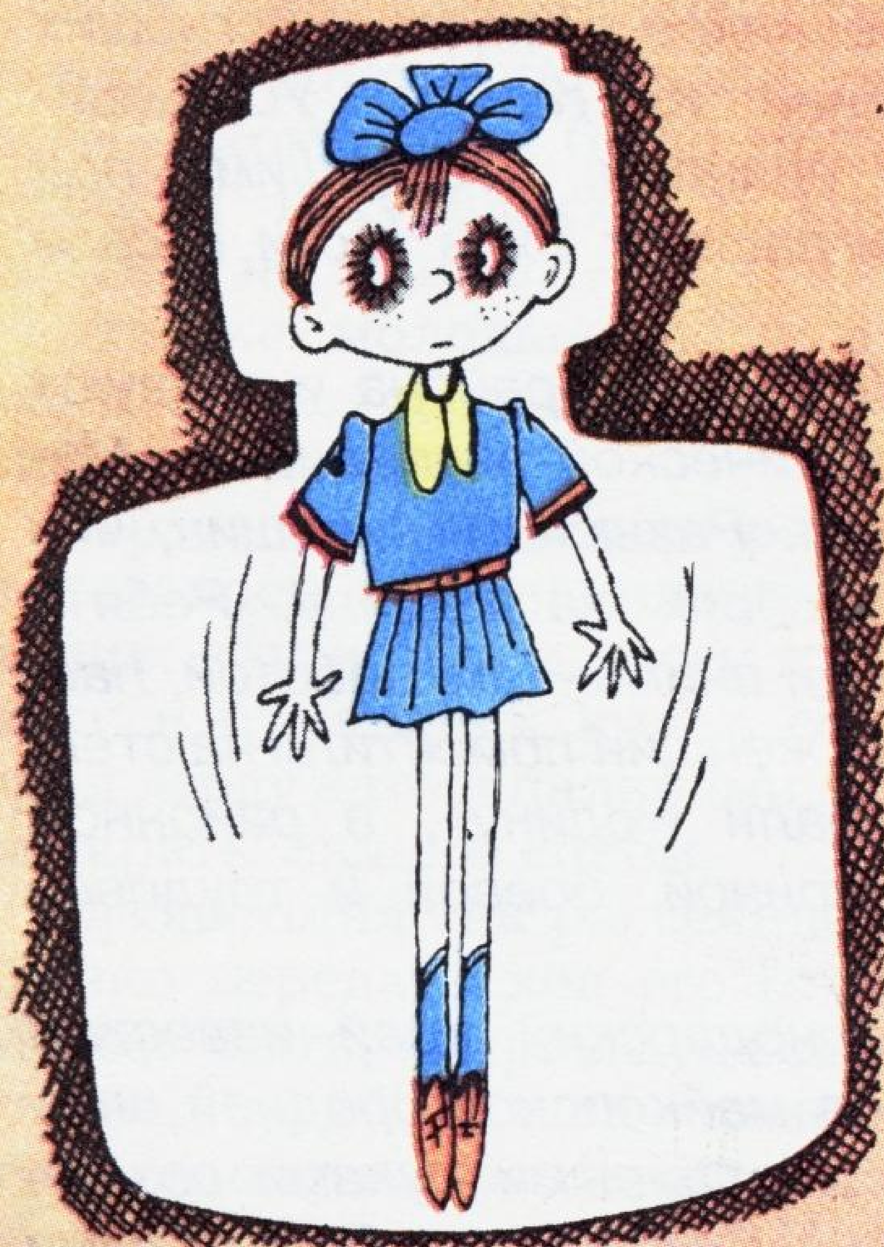
***А. СИДЕНКО**, учитель-краевед, член Союза журналистов СССР.*

От редакции. Редколлегия журнала «Пионер» наградила за большую тимуровскую работу тимуровцев майкопской средней школы № 22 грамотой журнала «Пионер».

Дина ТЕЛЕВИЦКАЯ

Драмкружок

Я записалась в драмкружок,
Хотя ходить не близко.
Ведет не кто-нибудь кружок —
Известная артистка!
Я ей читала басню,
Она сказала: «Ясно.
Разучивай к среде пока
Роль маленького пузырька,
Круглого, стеклянного».
И ничего тут странного,
Что мне два слова дали!
Ведь все так начинали.
И я стараюсь, я учу:
Два слова, а потом — молчу.
Одно я знаю: выйдет прок,
Коль зритель согласится,
Что я стеклянный пузырек,
Что я боюсь разбиться!

Выборы

Идет обычный классный час.
Я глаз поднять не смею, —
Сегодня выборы у нас,
А я сижу, краснею.
Есть у меня один секрет:
Я так была бы рада
Попасть на выборах в совет
Дружины иль отряда.
Я б в редколлегии могла
Стихи писать в газету,
Агитбригаде помогла
Концерт готовить к лету...
Вот называют имена,
Кого-то предлагают.
Но, к сожаленью, не меня —
Ведь мой секрет не знают.
Сама ж не скажешь: «Я хочу!»
И, опустив глаза, молчу.

Из школьных сочинений

«Динозавров изучают по следам, которые они оставляли на асфальте».

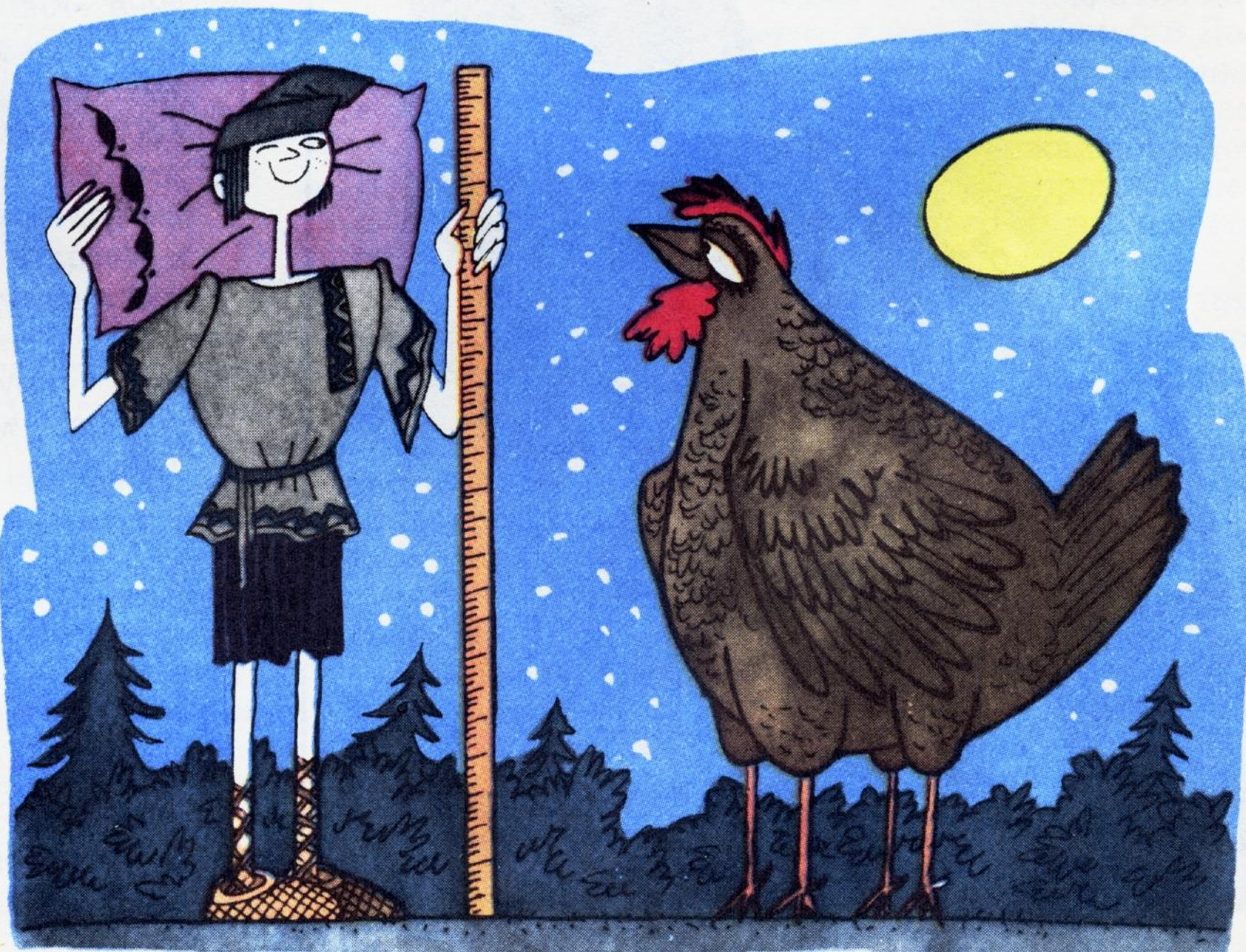
«На нем было галифе с отцовского плеча».

«Птиц нужно беречь, они наши четвероногие друзья».

«Иванушка рос не по дням, а по ночам».

«Из Вовиного портфеля был виден бутерброд и остальные школьные принадлежности».

«Осенью вода в водоемах становится влажной».

Невыдуманные диалоги

НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Учитель: Составьте предложение с фразеологизмом «со всех ног».

Ученик: «Петя писал сочинение со всех ног».

Игорь Трунов,
Донецкая обл.

* * *

Учитель: Составь предложение со словом «потушить»!

Ученик: «Потушенный свет горел во всех трех комнатах».

Аня Назарова,
г. Москва.

НА УРОКЕ ЗООЛОГИИ

Учитель: Какие животные живут в Австралии?

Ученик: Копыторогие.

Ира Буйлова,
г. Малоярославец.

НА УРОКЕ ИСТОРИИ

Учитель: Какие общественные классы были в Древнем Риме?

Ученик: Класс рабов и класс прорабов.

Наташа Смирнова,
г. Москва.

НА УРОКЕ ПРИРОДОВЕДЕНИЯ

Учитель: Объясни, что такое ветер?

Ученица: Ветер — это обыкновенный воздух, который куда-то спешит.

Оксана Яценко,
Житомирская обл.

НА УРОКЕ ЛИТЕРАТУРЫ

Учитель: Сколько произведений Гайдара ты читал?

Ученик: Два!

Учитель: Какие?

Ученик: «Чук» и «Гек»!

Радмилла Хаимова,
АзССР.

«Рыцарь»

Пятиклассница Аня К. обиделась на своего соседа по парте Колю В. и назвала его «поросенком». Коля не только не возразил девочке, а, наоборот, поддержал ее. Он поступил как настоящий рыцарь — хрюкнул.

В «борьбе» за экономию

Четыре верхние лампы дневного света, пять стенных светильников и девять настольных ламп, принесенных из учительской, включил дежурный по классу Рома Сидоров. Это было сделано, чтобы его одноклассники могли лучше разглядеть красиво оформленный им плакат: «Экономьте электричество».

«Рационализатор»

Ученик 5-го класса Гена Р. написал в четверти три сочинения по литературе. За первое сочинение он получил двойку, за второе тоже двойку, за третье — единицу. Не возражая против отметок, Гена настаивал лишь на более рациональном использовании места в дневнике. Для этого он просил выставить ему за четверть общую оценку, сложив три отметки вместе...

За серьезное и несерьезное поведение детей и взрослых на «Переменке» отвечает Вит. АЛЁНИН.

Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА.

НА НАУЧНОЙ ВОЛНЕ

Раздел ведет В. НИКИТИНА.

Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

Тайны раскрытые и нераскрытые

ПЛАНЕТА НА РЕНТГЕНЕ

Все вы бывали в рентгеновском кабинете. И знаете, зачем врачи просвечивали ваш организм,— чтобы определить, нет ли каких болезней.

А недавно ученые предложили грандиозный и на первый взгляд фантастический проект — просветить нашу планету. Зачем? Чтобы посмотреть, где и какие есть полезные ископаемые. Буровые установки углубляются в землю лишь на несколько километров, а радиус нашей планеты почти в тысячу раз больше. Значит, буровики «прощупывают» лишь тоненькую кожицу на поверхности Земли.

Можно заглянуть в планету поглубже: с помощью взрывов. Вы видели, наверное, как железнодорожник простукивает колеса поезда специальным молоточком: по звуку он узнает, нет ли в колесе трещин или других повреждений. Так и геологи: слушают отголоски подземного взрыва, отразившиеся от внутренностей нашей планеты. Если взрывные волны встретят на пути плотные породы, эхо отразится хорошо, а от менее плотных пород придет совсем слабенькое эхо. Опытные специалисты могут узнать, какие полезные ископаемые залегли в глубине, изучая эхо от взрывов. Плохо только, что пока эхо дойдет до приборов — «ушей» геологов,— оно может несколько раз отразиться от плотных стенок из камней или руд. Поэтому взрывной метод не очень точен.

Хорошо бы просветить Землю, как в рентгеновском кабинете. Вопрос только, чем заменить рентгеновские лучи. Кто видел рентгеновский снимок, знает, что кости четко видны на нем. Это потому, что они задерживают рентгеновское излучение и не дают ему дойти до фотопленки. А в толще Земли это излучение полностью поглотится на первых же метрах.

Но, оказывается, есть в микромире такая частичка — нейтрино, для которой и толща нашей планеты не преграда. Да что там планета, нейтрино может пролетать через тысячу планет, поставленных рядом. Постойте, спросите вы, но какой же прок от таких проныр: ведь рентгеновские лучи тем и хороши, что через кожу и мышцы проходят почти свободно, а в костях задерживаются. На самом деле и нейтрино задерживается веществом, только очень и очень слабо. Слабо, но достаточно, чтобы по этой крохотной задержке составить мнение о том, что на его пути встретилось.

Нейтрино — частица настолько крохотная, что может долго лететь, не наталкиваясь на ядра атомов, из которых состоит любое вещество. Но уж когда налетит, в таком столкновении рождается целый сноп новых частичек. Чем тяжелее ядра встретятся на пути нейтрино, тем больше родится новых частиц в столкновении. Вот осколки от нейтринных столкновений и «ловят» экспериментаторы в своих счетчиках. По ним узнают, что встретили на своем пути невидимые разведчики.

А вот как будет выглядеть просвечивание планеты. Из ускорителя вылетает пучок нейтрино и направляется в землю. В определенном месте, за несколько тысяч километров, уже расположились физики с приборами, которые могут регистрировать осколки нейтринных столкновений. Пересчитав эти осколки, физики смогут предположить, что за вещества встретились на пути нейтрино. Почти двое суток надо непрерывно пересчитывать прилетевшие из-под земли частички, чтобы с уверенностью сказать, есть ли на километровой глубине залежи руд тяжелых металлов, таких, как вольфрам, например.

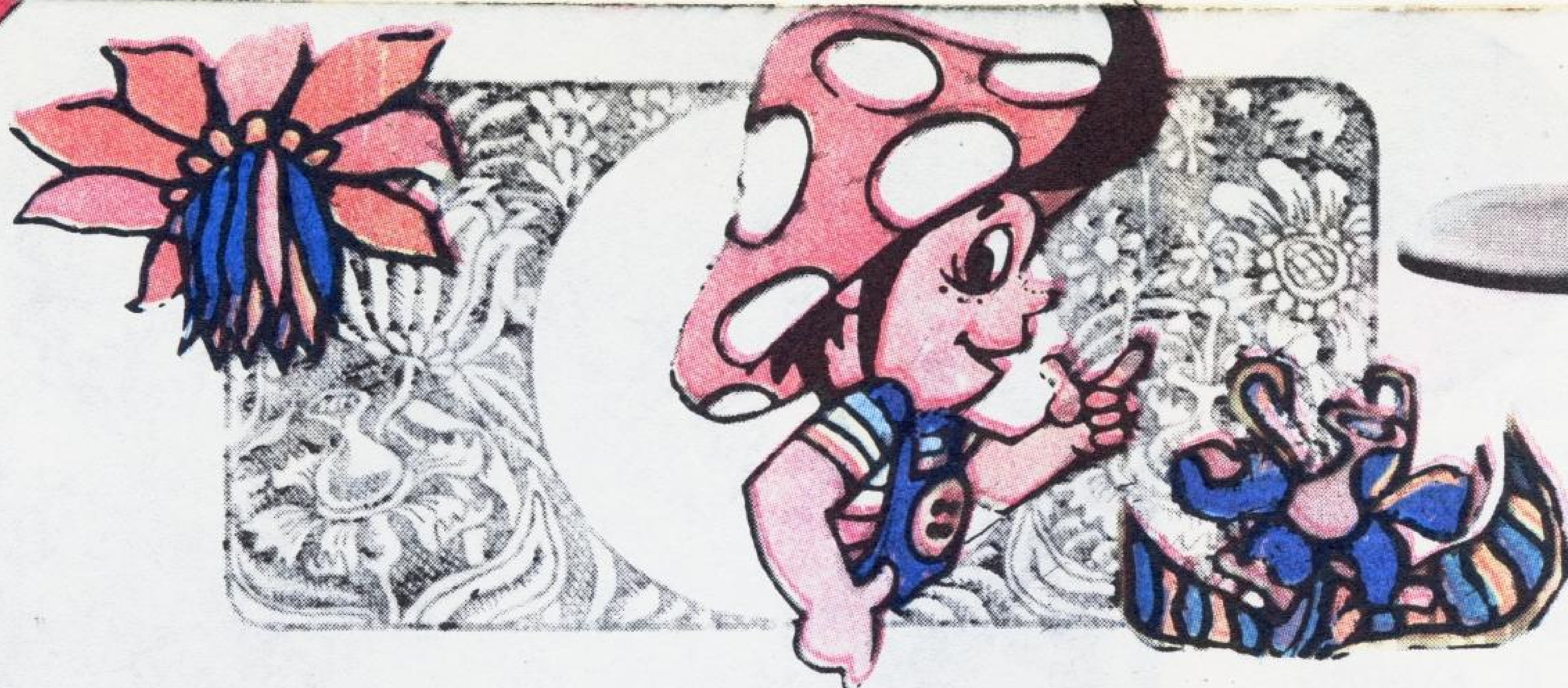
Но чтобы осуществить этот проект, надо преодолеть некоторые трудности.

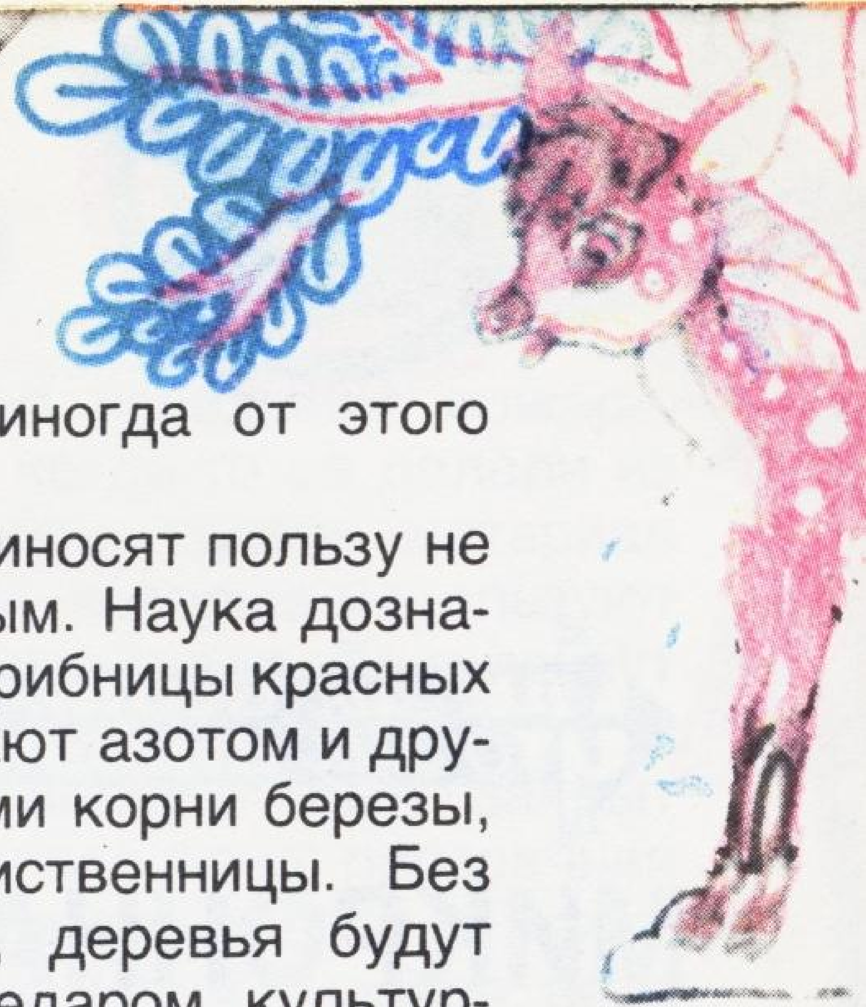
Главная — построить такой ускоритель, который бы разгонял частицы с энергией, большей в тысячу раз, чем разгоняют ускорители сегодня. Ученые думают, что смогут это сделать лет через десять. Но кроме самого ускорителя, есть вторая трудность — его «хобот».

Так называют специальный канал, выходящий из ускорителя, в котором распадаются и отфильтровываются все иные частицы, кроме нейтрино. «Хоботом» его называют потому, что канал этот должен быть подвижным. Ископаемые надо искать в самых разных направлениях, поэтому и нейтринный пучок хорошо бы перемещать, как водопроводный шланг при поливе грядок. А длина этого «хобота» должна быть в несколько километров. Представляете: труба длиной в десять километров, которая перемещается, причем с очень большой точностью, потому что надо до миллиметра знать направление нейтринного пучка. Но и эту сложнейшую инженерную задачу физики надеются решить за десять лет.

Вот какие планы вынашивают экспериментаторы на конец второго тысячелетия. Сбудутся ли их надежды? Это может зависеть и от вас!

А. СЕМЕНОВ

зачем? почему?

О пользе мухоморов

Когда мы с классом выезжаем в лес, я вижу, что некоторые ребята сбивают мухоморы. Правильно они делают? Я всегда думал, что мухоморами лечатся больные животные.

Алеша ИЗМАЙЛОВ, 5-й класс, г. Харьков.

Многие люди, увидев в лесу красный мухомор, сбивают его. Почему? Одни от досады: ищут белые, а попадаются поганки. Другие думают: раз им гриб не нужен, значит, незачем ему и расти. Третьи считают, что есть люди глупее их, которые могут не отличить мухомор от съедобного гриба.

А зря сбивают. Красный мухомор — гриб, конечно, не съедобный, но очень полезный. В старину препаратами из него лечили туберкулез, ревматизм и другие болезни. Этот гриб использовали для уничтожения мух и клопов.

Мухоморами лечатся больные лоси. Медведи перед тем, как залечь в спячку, тоже едят мухоморы. Может быть, скоро мы узнаем, что и другие звери не отказываются иногда от этого гриба.

Мухоморы приносят пользу не только животным. Наука дозналась, что нити грибницы красных мухоморов питают азотом и другими веществами корни березы, ели, сосны, лиственницы. Без этого, понятно, деревья будут расти хуже. Недаром культурные растения человек подкармливает искусственными азотными удобрениями. А на лес удобрений не напасешься, да и не надо: грибы свою службу знают.

Наверное, кое-кто может возразить: деревьям нужны не грибы, которые мы сбиваем, а нити грибницы. Да, но в грибах зреют семена — споры, без которых новая грибница в лесу не вырастет. А ведь старая живет не вечно.

У красных мухоморов есть еще одно достоинство: они красивы. Без них лес — не лес.

Н. ЛУСТОВ

Самый-самый!

ГРОЗНЫЕ ЯВЛЕНИЯ ПРИРОДЫ

Сто лет назад из-за взрыва вулкана Кракатау в Зондском проливе (между Явой и Суматрой) две трети острова взлетели на воздух. Образовался провал глубиной в 360 метров, в небо на 80-километровую высоту взметнулся вулканический пепел. Воздушная волна от взрыва трижды обогнула земной шар, а страшная буря с волнами высотой до 20 метров опустошила прибрежные районы Индонезии...

По подсчетам ученых, во время взрыва Кракатау выделилась энергия $1{,}8 \cdot 10^{19}$ Джоулей—это равносильно взрыву сотен водородных бомб: столько энергии получает от Солнца вся поверхность Земли за трое суток. В воздух было выброшено 19 кубических километров пепла и камней.

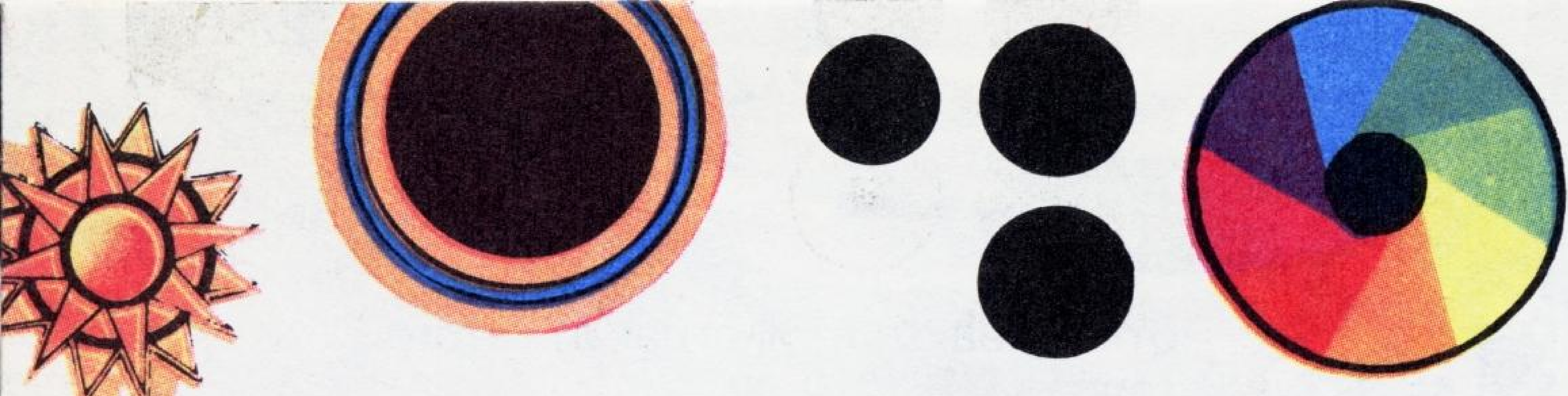
И это не самое сильное извержение. В 1815 году при извержении вулкана Тамбора, тоже у берегов Индонезии, выделилось вдесятеро больше энергии и взлетели на воздух 150 кубических километров породы.

По своей разрушительной силе вулканы, как правило, превосходят землетрясения. Одно из самых сильных землетрясений нашего столетия — в 1906 году в Сан-Франциско — сопровождалось выделением энергии $2 \cdot 10^{17}$ Джоулей. Это в сто раз меньше, чем при взрыве Кракатау. А энергия ташкентского землетрясения 1966 года составляла «всего» $3 \cdot 10^{13}$ Джоулей. Правда, и ущерб от землетрясений, и количество человеческих жертв бывают огромными, потому что землетрясения охватывают очень большие территории.

Однако есть и такие природные катастрофы, перед которыми Кракатау бледнеет. Это тропические циклоны — тайфуны, гигантские воздушные вихри до тысячи километров в поперечнике, которые зарождаются над океанами и проносятся над огромными территориями моря и суши. Каждый тайфун «живет» около недели, и за это время высвобождается в среднем 10^{20} Джоулей энергии — это десятки взрывов Кракатау. Тайфуны обычно сопровождаются небывалой силы ливнями, которые обрушивают на землю десятки миллиардов тонн воды — куда больше, чем тот же Кракатау поднял в воздух камней и пепла.

А. ДМИТРИЕВ

10^{17} 10^{13} 10^{20}

Где мы были, что мы видели

МИКРОННАЯ ТОЧНОСТЬ В ПОЛНОЙ ТЕМНОТЕ

Быть я там был — это точно. А видеть не видел, врать не буду. Вернее, видел, но далеко не все. Потому что самые главные действия, после которых пленка становится чувствительной к свету, делаются в темноте. Есть, оказывается, целые цехи, в которых свет не зажигают никогда...

Но начну по порядку.

Дело было в Казани, на объединении «Тасма». Как и всякое название предприятия, это можно расшифровать серьезными техническими словами — что-то там со «светочувствительными материалами». Но у слова «тасма» есть и еще одно, совсем простое значение: по-татарски «тасма» — цветная лента, какую девушки вплетают в косы. Русское слово «тесьма» ему сродни. А в Казани, столице Татарской АССР, на «Тасме» делают пленку всякую — и цветную, и черно-белую, и техническую, и ту, что фотолюбители в свои аппараты заправляют.

Что происходит с пленкой, когда щелкает затвор аппарата, я в общих чертах знал. На пленку нанесен слой, содержащий соль серебра. Соль легко разлагается, когда на нее попадает свет. В результате образуется само серебро — металл, но не в виде привычных нам кусочков, а мельчайших черных частичек. Пока затвор аппарата открыт, часть соли на пленке успевает разложиться. Частичек серебра получится тем больше, чем сильнее освещен предмет, который мы фотографируем. Потом пленку проявляют, фиксируют изображение, вот вам и негатив. Белое в жизни на пленке стало черным, черное — белым. А уж когда картинку снова переснимут с пленки на фотобумагу, получится «негатив с негатива» — точное отображение того, что снималось.

Цветная фотография делается посложнее, добавляются разные красители, но принцип тот же.

Вот как много я знал.

Однако, поговорив с главным технологом объединения Риммой Абдуловной Нуруллиной, быстро понял, что знаю постыдно мало. Оказалось, что слой надо наносить на пленку не как попало, а чтобы

Домашняя лаборатория

Летательный аппарат аборигенов

Вы, может быть, слышали уже это слово — «бумеранг». Так называется боевое и охотничье оружие коренных жителей Австралии. Метательные снаряды, похожие на бумеранг, были и у других народов: в древнем Египте, Индии, Мексике. Но австралийские бумеранги самые совершенные.

Бумеранг похож на изогнутую пластину довольно сложной формы. В полете он быстро вращается и описывает в воздухе замысловатую фигуру вроде замкнутой восьмерки. Самое замечательное его свойство, что он, не попав в цель, возвращается к охотнику.

Поведение бумеранга в полете объясняется его формой. В разрезе лопасть бумеранга похожа на профиль крыла самолета: снизу она плоская, а сверху выпуклая. Кроме того, лопасти бумеранга еще и изогнуты по винтовой линии, как пропеллер у самолета. Встречный поток воздуха обдувает лопасти бумеранга, возникает подъемная сила, которая поддерживает бумеранг во время полета. Поэтому он держится в воздухе гораздо дольше и улетает значительно дальше, чем камень такого же веса, брошенный с такой же скоростью.

Бумеранг летит так замысловато, не по прямой, потому что он вращается. Не зная аэродинамики, коренные жители Австралии еще за тысячи лет до наших дней смогли изобрести столь совершенный летательный аппарат.

Траектория полета бумеранга зависит еще от направления и силы ветра, а также от искусства броска. Австралийские

Знаешь?

У звезды Фомальгаут обнаружена планетная система.

* * *

Вулканическая пыль повреждает стекла кабин самолетов.

* * *

Кошки и собаки расходуют на поддержание деятельности мозга 5% энергии, вырабатываемой организмом, а человек — 20%.

толщина его была около микрона (в миллиметре — тысяча микрон!), и притом эта толщина должна быть строго одинаковой по всей поверхности. Сушить этот слой надо не медленно и не быстро, так, чтобы его чувствительность тоже была строго равномерной. (Еще бы! Представьте, у пленки один конец вдвое чувствительнее другого — много на ней наснимаешь!..) А до того готовить светочувствительный «студень», для каждого сорта пленки особый. Да потом его плавить, потом плавленным «студнем» пленку поливать... На объединении говорят именно так: поливать. И все это — в полной темноте!

Меня провели по цеху, в котором делают ленту для пленки. Из узкой длинной щели льется жидкость на широкую медную полосу, которая движется наподобие транспортера. Света лента пока не боится, но все равно она помещена в закрытый аппарат длиной около пятнадцати метров. Нельзя, чтобы на пленку попала хоть малейшая пылинка (в цехе — идеальная чистота, все ходят, как в больнице, в белых халатах). А еще закрывают аппарат во избежание пожара. Сама-то пленка не горит (это когда-то ее делали из материала горючего, как порох, теперь материал другой). Однако растворители, которые используют для изготовления пленки, гореть могут. Да и пахнут они не очень приятно.

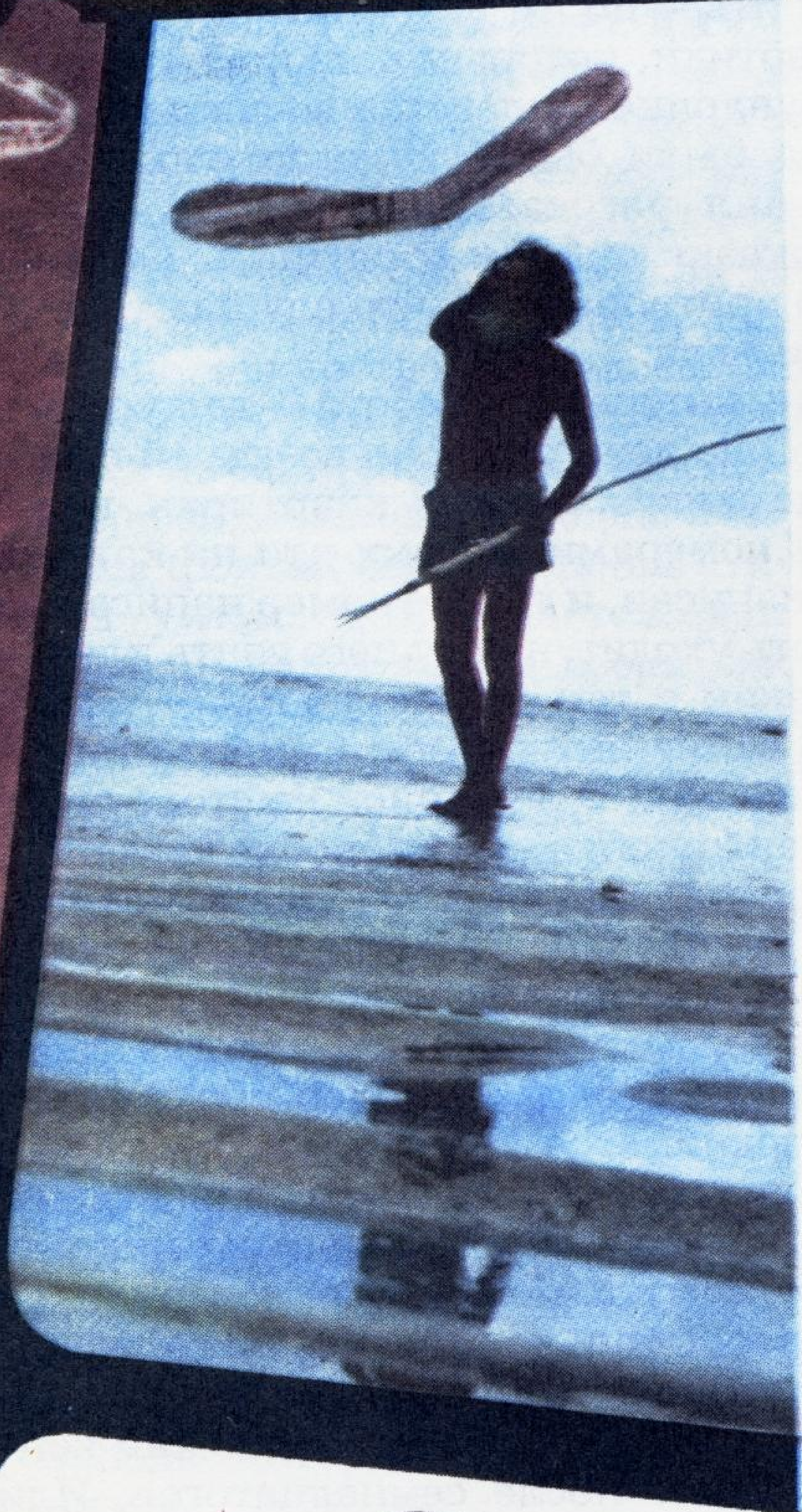
Запаха в цехе не было: аппарат был закрыт надежно. Снаружи я видел только одно: прозрачная пленка шириной более метра наматывается на тяжелый вал. Я спросил, почему она такая широкая, ведь кинопленка бывает восьми- или шестнадцатимиллиметровая. Хозяева вежливо улыбнулись: ее нарежут позже. Потом пробьют дырочки перфорации, завернут в черную бумагу — и, наконец, вынесут на свет, чтобы уложить в коробочки.

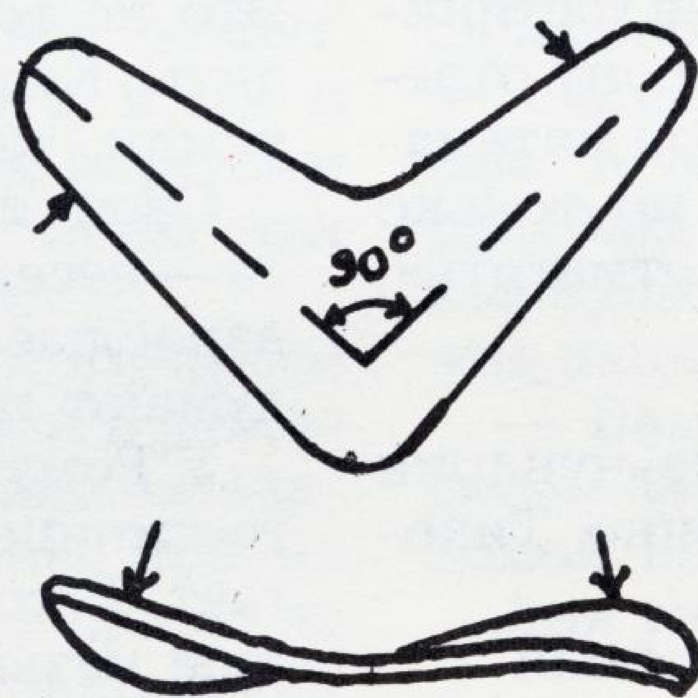
Хитрое дело — производство пленки, но на «Тасме» с ним справляются. На пленке этого объединения и мультфильмы снимают, и рентгеновские снимки в больницах делают, и звезды фотографируют. Ленту для магнитофонов тоже делают на «Тасме»...

Римма Абдуловна говорила не только о достижениях, но и о проблемах, о трудностях. А главная здесь проблема — серебро. В наше время так много фотографируют, переснимают, что этот металл стал на Земле иссякать. Важнейшая задача сейчас — научиться фотографировать без серебра. Ученые бьются над ней давно, изобретены тысячи способов бессеребряной фотографии, но все они уступают пока способу традиционному, разорительному.

Это и для вас задача. Подрастайте скорее — может, вы придумаете?

П. САВКО

аборигены тренировались бросать бумеранг с самого детства. После длительной тренировки они бросали бумеранг так ловко, что он, описав замысловатую фигуру, попадал в зверя на охоте или во врага в бою с совершенно неожиданной стороны: сбоку или сзади.

Охотники Австралии делали бумеранги из твердых пород дерева. Они имели лопасти длиной до полуметра и весили несколько килограммов.

Вы тоже можете сделать бумеранг. Точнее, его модель. Это совсем нетрудно. Возьмите кусок тонкого картона (подойдет коробка из-под торта или обуви) и вырежьте фигуру по рисунку. Вполне достаточно, если длина крыльев вашего бумеранга будет сантиметров пять. Угол между ними — около девяноста градусов. Лопасти к концам сужаются. Концы закруглены.

Теперь нужно изогнуть лопасти по винтовой линии, как у пропеллера самолета. Внутренняя кромка правой лопасти и наружная кромка левой лопасти (они показаны на рисунке стрелками) должны быть отогнуты вверх. Чтобы возникающая при вращении бумеранга подъемная сила была направлена вверх. Если отогнуть край лопасти в противоположную сторону, бумеранг в полете будет терять высоту и падать.

Вот и все. Бумеранг готов.

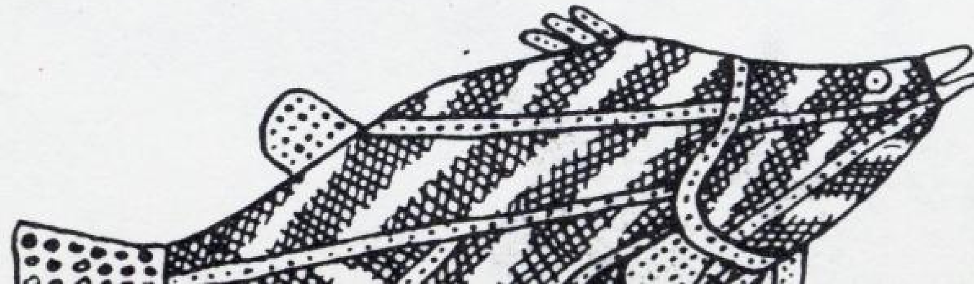
Теперь возьмите его левой рукой за угол и, щелкнув по лопасти пальцами правой руки, отправьте в полет. После некоторой тренировки вы научитесь посылать бумеранг метров на пять, и он будет возвращаться обратно.

Наша модель — одна из разновидностей бумеранга. Можно сделать лопасти неодинаковой длины, менять угол между ними, по-разному закручивать их — это скажется на траектории и дальности полета.

Г. СТЕПАНОВ

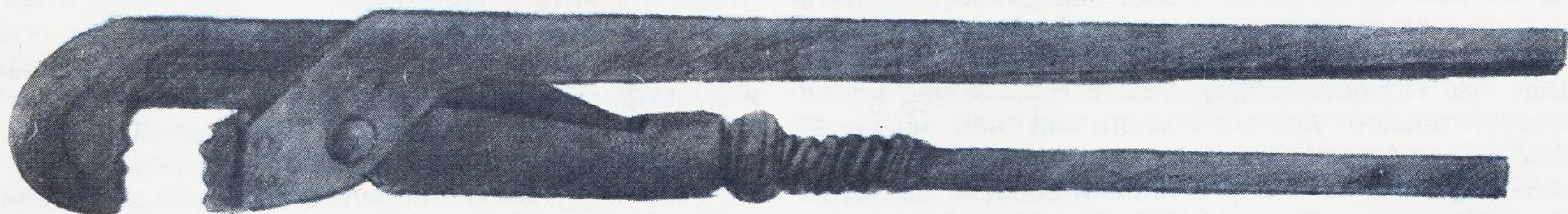

Александр СОБОЛЕВ

Чундрики и водопроводчик

Рисунки Л. ХАЧАТРЯНА.

— Встали они, почистили ваксой зубы, поели каши с гвоздями и полетели злые дела делать. Папа-чундрик полетел... в академию. Прилетает, а там академики заседают. То есть все академики сидят, а один перед ними стоит и семинарит...

— Что-что делает? Как ты, Анечка, сказала?

— Смешная ты, Ромута. Се-ми-на-рит! Семинар делает. Работа такая. Вот у тебя работа — в гостинице дежурить, выдавать ключи и по телефону отвечать. У папы работа — формулы писать, он математик, а у них — семинарить... Говорить, но только по-научному: «в то же время нельзя не отметить», «в известной степени»...

— Понятно.

— Так на чем я остановилась? Папа-чундрик прилетает в академию, невидимый, конечно. Тихонечко за стол прячется...

— Зачем же он прячется, если невидимый?

— Не перебивай, он знает, что делает. Мало ли что... Так надежнее. Ну вот... Академик говорит, а сам в бумажку смотрит. И все академики головами кивают: правильно говоришь, правильно, хорошие у тебя формулы, правильные. А чундрик потихонечку бумажки схватил — и бежать. Академик к столу — где бумажки? Нет бумажек! Как дальше говорить? Все академики головами качать — ай-ай-ай, как нехорошо! Академик застеснялся и убежал.

— Бедный академик. Неужели тебе его не жаль, Анечка?

— Конечно, жаль, а что делать? Я же тебе сразу сказала: чундрики злые дела полетели делать.

Аня любит сказки. Не только любит слушать сказки, но и сама их сочиняет. Сначала они вместе с папой сочиняли, а потом Аня научилась сама. Чундриков она придумала в поезде, когда ехала с папой сюда, в город Друскининкай, на математическую конференцию. Она лежала в темноте на полке, спать совсем не хотелось, а по купе скакали зайчики от мелькающих за окном фонарей, и колеса стучали: чун-дрики, чун-дрики, чун-дрики.

Чундрики маленькие, мохнатенькие, с рожками и с хвостиком. Вроде чертиков, только чертики худые и юркие, а чундрики толстенькие и неповоротливые. Они делают злые дела, но на самом деле они добрые. Это у них работа такая. Когда могут, они потихоньку и доброе дело сделают, только никому не сознаются. Или сделают злое дело, но так, что от этого только плохим людям плохо станет. Ну, иногда от них и хорошим людям достается — они любят победокурить,— но им потом бывает стыдно. Это не то что чертики, которым только бы навредить. Если бы чундриков с детства воспитывали и учили, так и они были бы не хуже других.

Свои сказки Аня рассказывает Ромуте. Ромута — веселая, и сказки она умеет слушать. Обычно взрослые только притворяются, что слушают, сами думают про свои дела.

У Ромуты очень интересная работа — дежурить в гостинице. Когда она дежурит, Аня всегда ей помогает. В гостинице живут в таких квартирах, которые называются номерами, потому что на каждой квартире номер написан, и тот же номер написан на ключе. Когда гость уходит, надо у него взять ключ и повесить на гвоздик с тем же номером.

Но это еще не самое интересное. Самое интересное — это сигнализация. У дежурной на столе стоит большая железная коробка, а на коробке номера. А у каждого номера маленькая лампочка и маленький рычажок — тумблер называется. Когда гость уходит, дежурная нажимает рычажок от его номера, и загорается зеленая лампочка, а когда гость вернется, ей надо не забыть тумблер обратно нажать, а то зря поднимется тревога.

Все это Аня научилась делать еще в первый день, когда ей Ромута разрешила помогать. Аня никогда не ошибалась, и Ромута полностью доверила ей работу. Ей оставалось только отвечать на телефонные звонки: «Гостиница «Турист» слушает. Извините, но свободных мест нет. Математическая конференция. Попробуйте после семнадцатого». Или «Антанас, ты пообедал? Пока не повторишь географию, во двор не выходи».

А папа Анин каждый день уходил на свою конференцию. Сначала Аня попробовала пойти с папой, но там было так скучно. Тогда Ромута и предложила Ане вместе подежурить.

— Анечка, а мама почему вместе с вами не поехала?— спросила Ромута.

— Мама диссертацию пишет. И теперь никуда с нами не ездит, все, говорит, я вам больше не слуга. А зато я спать ложусь, когда захочу. И в воде холодной купаюсь.

— А у тебя красивая мама?

— Очень! Вот ты красивая, а она еще красивей...

— Понятно.

Анина мама — биолог. Она проверяет на мышках лекарства: если мышка выздоровела, значит, лекарство хорошее. Очень важная работа: лекарства потом лечат людей. Аня как раз этим и будет заниматься, когда вырастет. Она будет врачом и придумает лекарство от старости. Это она решила, когда умерла ее прабабушка Тоня. Ане ничего не сказали, но она догадалась и плакала ночью тайком, чтобы не заметили, что она догадалась.

Сначала Аня решила, что придумает лекарство от смерти, но, когда она сказала об этом папе, он спросил ее: «А ты подумала, где все эти бессмертные люди будут жить?» «Как где,— удивилась Аня,— на Земле, где же еще!» Они стали с папой считать, хватит ли людям места на Земле, если они перестанут умирать, а дети будут рождаться, как раньше. И они сосчитали, что очень скоро, еще до конца нашего века, бессмертным людям станет тесно на Земле.

«Ну и что,— сказала Аня,— а я тогда буду только хорошим людям давать лекарство от смерти, а плохим не буду». «Вот как,— засмеялся папа,— а как ты будешь решать, кто хороший, а кто плохой? Вдруг ошибешься? Нет, врач должен лечить всех, и хороших и плохих». Тогда Аня придумала, что лекарство ее будет лечить не от смерти, а от старости. Живет человек молодой и здоровый ровно двести лет, а потом—раз, и тихонько умирает, без всякой боли. И никому не обидно: все живут одинаково и заранее знают, когда умрут, и все в жизни успевают. Ну, может быть, совсем хорошим людям будут по две ложки Аниного лекарства давать, чтобы они четыреста лет жили...

Конечно, когда папа возвращался в гостиницу, то Анино дежурство кончалось. Они обедали в ресторане «Нямунас», а потом, если на вечерних заседаниях не было ничего интересного для папы, шли на озеро и катались на лодке. Там на озере прямо из воды фонтан бьет. Сильные струи воды бьют вверх под углом, и получается, как будто под водой великан сидит и усы вверх выставил. Интереснее всего подплыть тихонько на лодке между струями к самой середине, откуда «усы» выходят. С обеих сторон лодки водяные стенки, радуга сверкает, брызги летят, и можно играть: будто понарошке великан сейчас рот откроет и проглотит лодку.

— Ура, идем в «Нямунас»!— закричала Аня, едва папа появился. До ресторана «Нямунас» было близко — чуть пройти вперед по переулку, потом направо мимо стройки, потом мимо большой лужи — и вот он, «Нямунас». Снаружи он некрасивый — дощатый, покрашенный зеленой краской, как летний кинотеатр, но зато внутри там как во дворце — зеркала во всю стену.

«Нямунас-ня-нямунас»,— напевала Аня, прыгая на одной ноге и стараясь не отстать от папы и дяди Володи, которые шли впереди и спорили про свои сигмы.

— Папа, послушай, я стихи сочинила! «В Нямунас, в Нямунас есть идем — ням-ням у нас».

— Замечательные стихи... Смотри, не попади в лужу,— сказал рассеянно папа и снова за свое «сигма, сигма, дельта, эпсилон», как будто больше ничего на свете нет. А сам, кстати, по лужам идет и ничего не замечает. Совсем как маленький — нужен глаз да глаз. Недаром мама перед отъездом сказала: «Не знаю уж, кто за кем следить будет, оба хороши».

В ресторане «Нямунас» им давали комплексные обеды. Один раз папа сказал, что у этого обеда мнимая часть больше действительной, и все почему-то засмеялись. У этих математиков никогда не поймешь, что смешно. Иногда говорят-говорят про свои формулы и вдруг как засмеются — только стены дрожат. А спросишь, почему смеются,— руками разводят, а объяснить не могут. Уж лучше Аня будет врачом, а не математиком — там все понятно, что смешно, а что нет.

А обед, кстати, даже вкусный. Только супа слишком много наливают. Папа никогда не вмешивается, когда Аня ест, разве что жестом покажет, мол, не наклоняйся так низко к тарелке или возьми вилку как следует. И вообще у них дома, в Москве, никто никого есть не заставляет: сколько съел, столько съел, значит, больше не хочет.

Аня съела полтарелки супа, отодвинула его и уже стала пододвигать к себе котлеты, как вмешалась старушка, которая сидела напротив них за столом.

— Ребенок ничего не ест, а отец даже не смотрит! Ну-ка доешь суп, а то расти не будешь. Если ты съешь еще тридцать ложек, я подарю тебе эту салфеточку.— Старушка засуетилась, стала рыться у себя в сумке и действительно вытащила круглую бумажную салфеточку с дырочками по краю.

— Видишь, какая красивая салфеточка? Ну давай, я буду считать ложки.

Аня и папа переглянулись. Конечно, это было смешно, что самостоятельному человеку, который умеет считать на калькуляторе и сочиняет стихи, кто-то собирается считать тридцать ложек супа и дарить за них салфеточку. Но они не стали смеяться и вообще ничего не сказали старушке, чтобы она не обиделась. Но старушка все равно обиделась. Она почему-то очень рассердилась на папу, который был совсем ни при чем. Она стала говорить так, как будто папа был не один, а было много пап, и все эти папы не следили за своими детьми.

— Вам только доверь ребенка! Домой пришел, на диван забрался: жена, подавай обед! А то и совсем домой не придете — ищи-свищи.

Аня уже собралась сказать, что ее папа сам умеет

разогревать обед, и что его нечего искать-свистать по городу, потому что он работает дома, и что мама, наоборот, говорит ему: надоело мне твою спину за столом видеть, сходи хоть прогуляйся, и что вообще кто обзывается, тот сам так и называется. Но она не успела открыть рот, как папа положил ей ладонь на руку, улыбнулся старушке, как он умеет, и тихо сказал: «Успокойтесь, пожалуйста, прошу вас. Поверьте, если мы с вами познакомимся поближе, вы поймете, что были к нам несправедливы».

Это у него так хорошо получилось! Старушка сразу замолчала, и только дышала тяжело, как будто пробежала без остановки до озера и обратно. А папа наклонился к Аниному уху и сказал: «Анечка, ты же будущий врач. Видишь, как волнуется пожилой человек? Это вредно для сердца. Съешь тридцать ложек. Ради здоровья больного врач должен идти на все. К тому же салфеточки с дырочками тоже на дороге не валяются».

— Вот видите,— сказала гордо старушка, досчитав ложки и вручив послушному ребенку салфеточку,— у меня к детям подход. Против такой салфеточки ни один ребенок не устоит, правда, Анечка?

— Угу,— пробубнила Аня, жуя комплексную котлету, и толкнула папу ногой под столом.

После обеда они не пошли на озеро. Папе нужно было доспорить с дядей Володей про сигмы. Они сели за столом в номере, склонились над бумагой и сразу забыли про Аню. Делать нечего — оставалось только пойти дежурить.

Ромута уже ушла домой, а на ее месте была дежурная, которую Аня до этого видела только раз. Она разрешила помогать, но не очень охотно, и, конечно, не могло быть и речи о чундриках. Она бы не поняла, да и Аня не стала бы ей сама рассказывать. Пусть уж только папа и Ромута знают про чундриков.

А у чундриков между тем такое происходило! Чундренок-сын полетел в школу. Прилетает, а там урок географии. На учительском столе стоит большой глобус... Чундренок-сын стал его потихоньку поворачивать, чтобы разглядеть, где Тихий океан. А сам чундренок был невидимый. Антанас, сын Ромуты, сидел на первой парте и тоже разглядывал глобус. Он-то и заметил первым, что глобус начал крутиться. Антанас толкнул локтем Альдиса, своего соседа по парте, и они, раскрыв от удивления рты, стали следить за глобусом. Глобус крутился все быстрее: это чундренок решил так поиграть. Уже весь класс, затаив дыхание, следил за взбесившимся глобусом. Только учитель ничего не замечал. Очень довольный, что дети так тихо сидят, он рассказывал им, отчего бывают день и ночь и разные времена года.

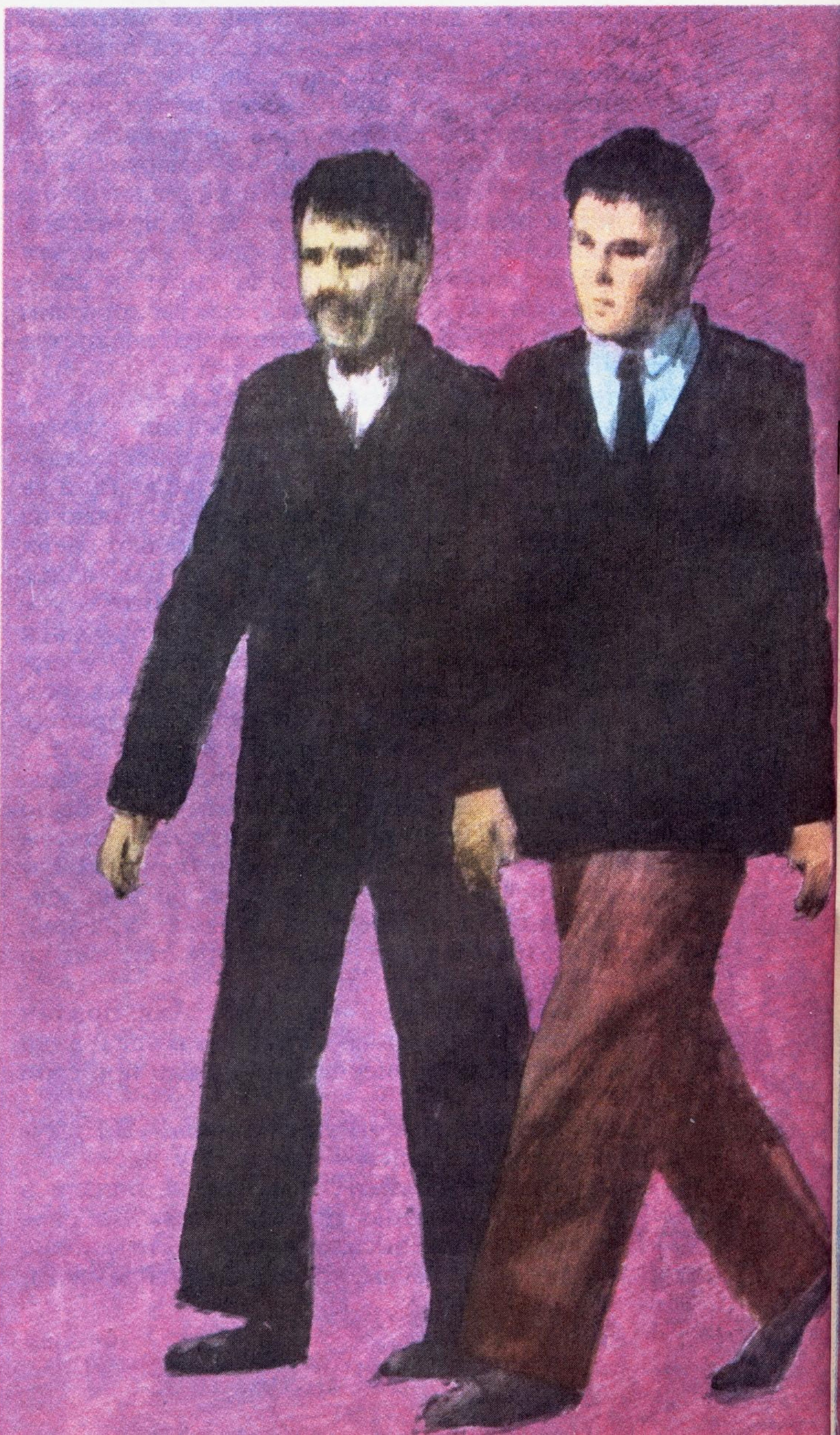
— Понимаете, ребята,— говорил он, не замечая, как за его спиной вертится и подпрыгивает глобус,— это нам так кажется, что Солнце всходит, а потом заходит. На самом деле наша Земля вертится вокруг своей оси. За двадцать четыре часа она делает полный оборот. Когда наша сторона Земли повернута к Солнцу, у нас день, а на противоположной стороне Земли — ночь, а когда Земля повернется другой стороной, у нас будет ночь, а у них — день. Вот смотрите...— Он повернулся к глобусу, чтобы показать, как вертится Земля, и остолбенел.

Глобус уже вертелся! Сам, без чьей-либо помощи! Тут чундренок, которому надоело сидеть и крутить глобус, схватил его за подставку и полетел. Он сделал круг у потолка и облетел вокруг лампы, которую забыли выключить.

Все затихли. Глобус, продолжая вертеться вокруг своей оси, медленно кружился вокруг светящейся лампы. «Понимаю,— закричал Антанас,— это так Земля вокруг Солнца кружится! Когда поближе подлетит, то станет жарко,— это лето, а когда подальше...»

Он не успел договорить, как раздался школьный звонок. Он зазвенел так неожиданно и так громко, что чундренок испугался и выронил глобус. Раздался грохот, звон, и бедный чундренок бросился наутек. Так он и не узнал, отчего бывает зима...

Беда случилась через час или два: Аня прибежала в слезах в номер, она так отчаянно рыдала, что несколько минут папа не мог разобрать, что она хочет сказать. Пришлось взять ее на руки и поносить по комнате, качая, как маленькую, и напевая глупую детскую песенку: «Тише, Анечка, не плачь, тебе будет тепло, вы, микробы, уходите, уходите, уходите! Уходите далеко, далеко, ко, ко: в Африку, фрику, фрику, в Африку, фрику, фрику. Там вас ждут гиппопотамы, тамы, тамы, тамы, тамы. Там вас ждут и носороги, роги, роги, роги, роги». Песня могла продолжаться бесконечно, но обычно Аня быстро успокаивалась. Это папа заметил, еще когда она была совсем маленькой и болела воспалением легких. Они с мамой по очереди носили Аню на руках всю ночь, до прихода врача, и тогда-то и родилась эта песенка. Теперь ее уже

трудно было воспринимать всерьез, но она по-прежнему действовала.

На этот раз папе пришлось дойти до баобабов и до мухи цеце. И только потом ему удалось узнать, что случилось. В гости к дежурной пришел злой водопроводчик и прогнал Аню. Он сказал, что детям тут нечего делать, что Аня сломает сигнализацию, и, что было обиднее всего, он сказал ей «брысь отсюда», как будто прогонял котенка. Он даже не стал слушать Аниных объяснений, что она все делает правильно и ни разу не ошиблась и что ей уже давно разрешают дежурить. Он просто взял ее за руку, вывел из-за стойки, за которой находятся дежурные, повернул лицом к лестнице и подтолкнул в спину — иди, мол, отсюда.

С Аней еще никто так не обращался. Она была уверена, что все взрослые говорят с детьми добрыми голосами, даже разбойники. Если разбойник хочет украсть ребенка, он дает ему конфету и говорит: пойдем со мной, я тебе еще дам.

Но что обычный взрослый человек, не разбойник, а водопроводчик, может просто так обидеть ребенка, прогнать его, как котенка, который путается под ногами!

— Понимаешь, папа,— говорила она, всхлипывая,— он меня даже не воспитывал. Не ругал ни за что, не наказывал. Я ему не понравилась, и он мне сказал «брысь».

— Ладно, хватит плакать, посиди здесь с дядей Володей, а я через минуту приду,— сказал папа и решительно вышел.

В дежурке водопроводчика не оказалось. На беду или на счастье, но он ушел домой. Папа вернулся в номер, они с Аней попили чаю и немного успокоились. За окном стемнело, на улице зажглись фонари, а из соседнего парка доносилась тихая музыка. Аня уютно устроилась у папы в кровати с альбомом для рисования, а папа сидел за формулами. Но им не работалось: из головы не шло происшествие с водопроводчиком.

— Папа, а почему люди бывают злые? — задумчиво спросила Аня.— Потому что их плохо воспитывают, да?

— По-разному бывает. Некоторых плохо воспитывают, некоторых много обижают в детстве, а у некоторых от рождения такой характер. Уж их и воспитывают, и подарки дарят, и ласково с ними разговаривают, а они все равно злые.

— А вот чундрики не злые. Но их совсем никто не воспитывал, потому они и делают злые дела.

— А ты знаешь, куда полетел сегодня вечером папа-чундрик?

— Куда? На телевидение, да?

— А вот и нет. Он подслушал наш разговор, узнал, что тебя водопроводчик обидел, и полетел к нему домой. Прилетает, а там водопроводчик на диван забрался и жене кричит: а ну-ка, подавай обед! А жена ему прямо на диван тарелку супа несет. Тут чундрик ему на ухо говорит «ку-ку». Водопроводчик от неожиданности вздрогнул и тарелку себе на живот опрокинул.

— Ура, ура, так ему и надо, так ему и надо,— кричала Аня и хлопала в ладоши,— так ему и надо, мало шоколада!

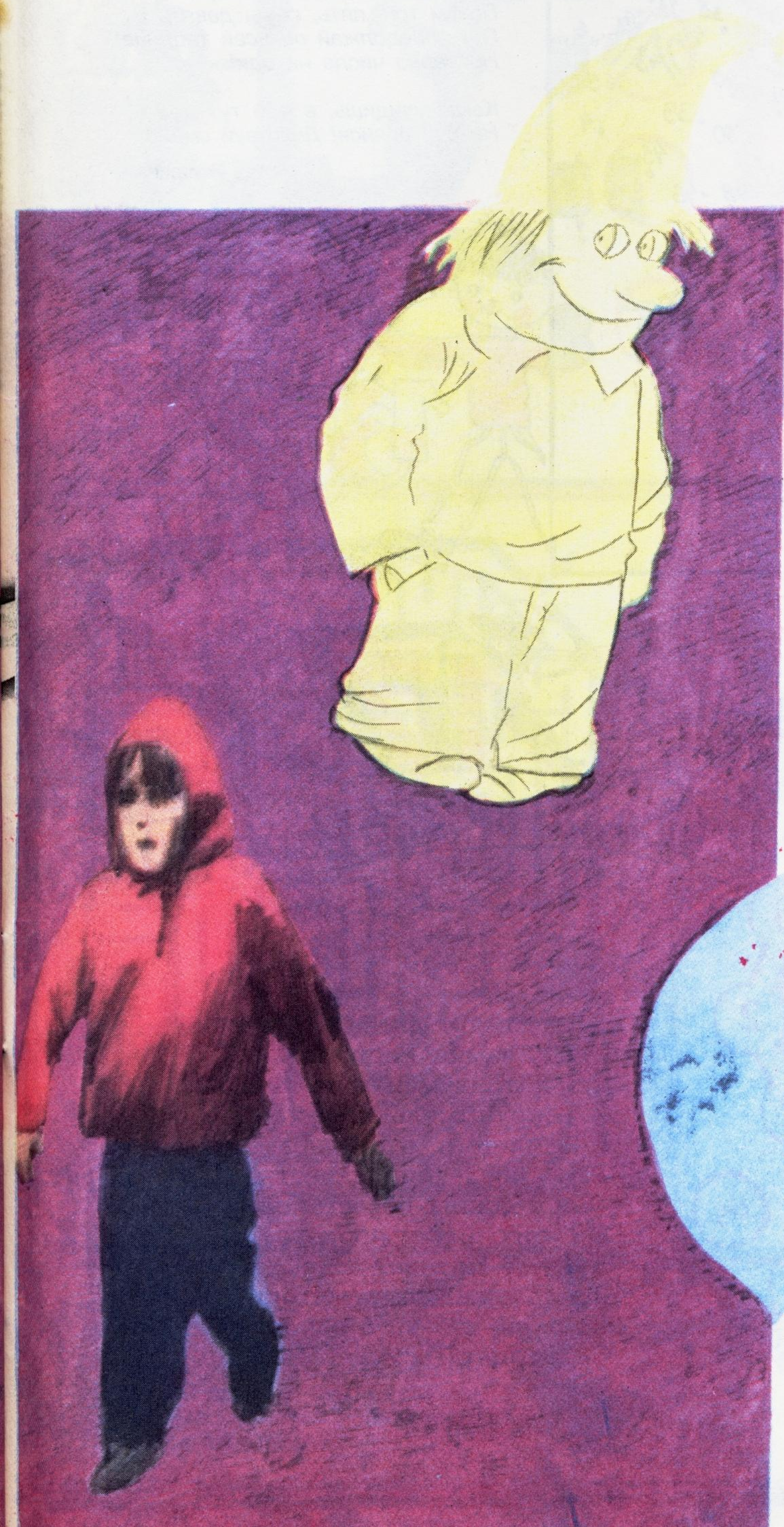
Потом водопроводчик в душе помылся, переоделся и собрался в кино идти. Ну, а чундрик, конечно, за ним полетел. В кино водопроводчику досталось место между двух толстых-претолстых теть, не выйти ни влево, ни вправо. К тому же обе они заснули. Спят они, а водопроводчик кино смотрит. И тут чундрик стал ему на ухо страшные слова шептать: сигма, сигма, эпсилон — уходи отсюда вон! Испугался водопроводчик, хочет он выйти, толкает то левую, то правую тетю, а они спят и в ус не дуют. Видит водопроводчик — дело плохо, и лезет под кресло. Ползет он под креслами, а сил уже совсем нет. А тут попалось ему такое низкое кресло — ни взад, ни вперед. Застрял водопроводчик, а чундрик ему снова на ухо: сигма, сигма...

— Папа, мне его жалко! Чундрик, выручай! Подожди, водопроводчик, потерпи, чундрик тебе пилу несет, кресло пилить...

Водопроводчика Аня и папа встретили дня через три. Он прошел мимо них по лестнице с инструментами и даже не посмотрел на Аню. Наверное, он ее уже забыл. Но Аня смотрела на него победоносно. Она оказалась сильнее и не бросила его в беде, не стала над ним смеяться, когда ему стало страшно там, под креслом.

— Знаешь, папа, я поняла,— сказала Аня, когда они вышли на улицу и пошли по дороге к озеру.— Добрым людям лучше живется, чем злым.

— Конечно, лучше,— сказал папа и улыбнулся.

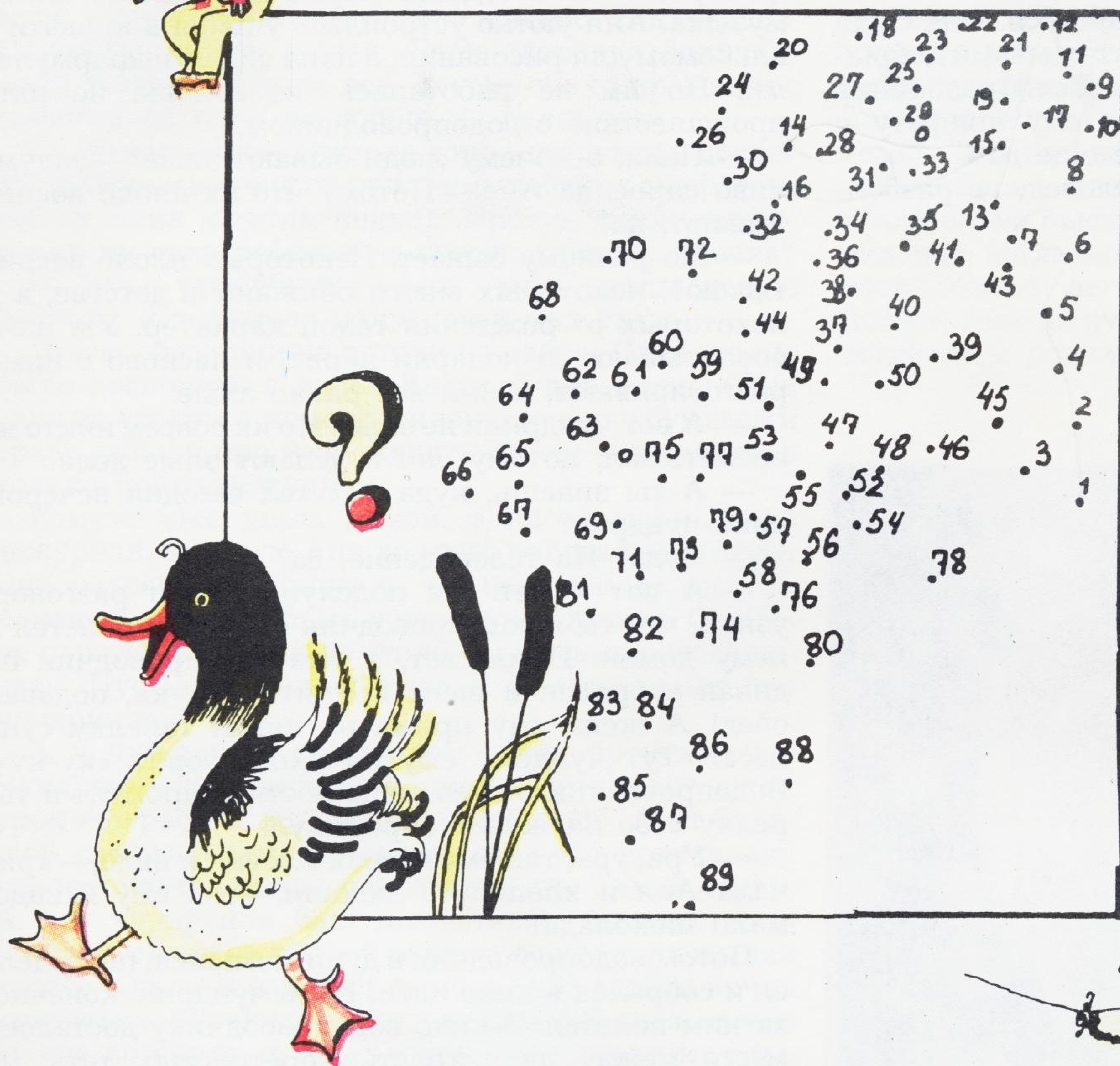

УМА ПАЛАТА

Рисунки А. Вовиковой.

Спасите утку

Беда над уткою нависла!
Ты хочешь утку защитить?
Нечетные попробуй числа
Одной чертой соединить.
Начни, конечно, с единицы,
Потом три, пять, семь, девять и...
Путь продолжай по всей таблице,
Но верно числа находи!

Когда увидишь, в чем тут дело,
Не растеряйся! Действуй смело!

Живживка.

1 3 5 7 9...

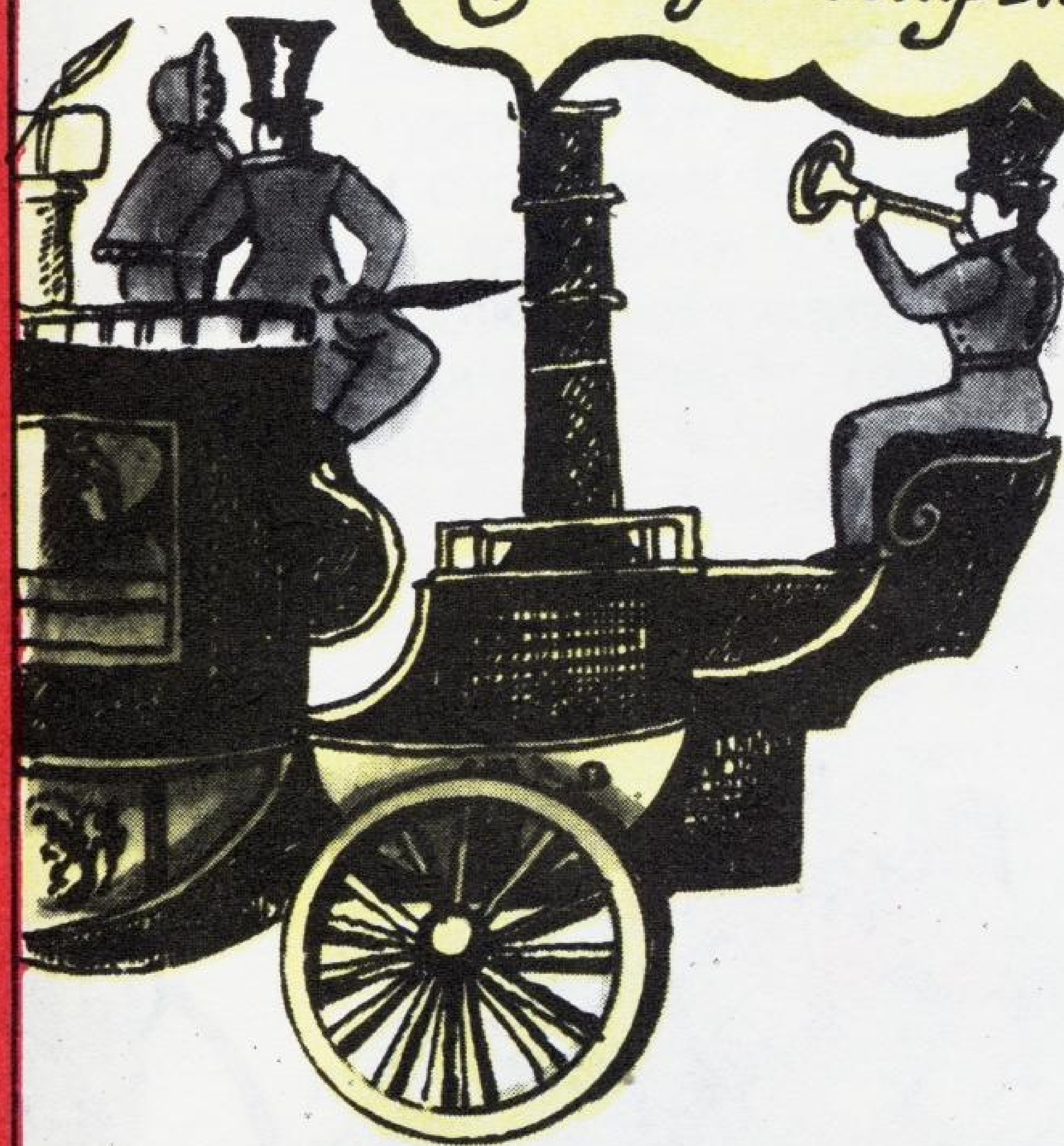
17 Осада замка Рошуар

Капитан Перо *ищет помощника*

Давно ведут двенадцать чисел
Осаду замка Рошуар,
Сейчас задуман ими быстрый
И сокрушительный удар!
Но для того, чтоб дерзко, ловко
Удар последний нанести,
Они должны перестановку
В своих рядах произвести.
Какую? Посиди, подумай:
Шесть ожидающих сторон
Должны стоять с **одною суммой —**
Семнадцать! Рухнет бастион!

ПОЧТОВЫЙ ДИЛИЖАНС

а

б

в

г

д

е

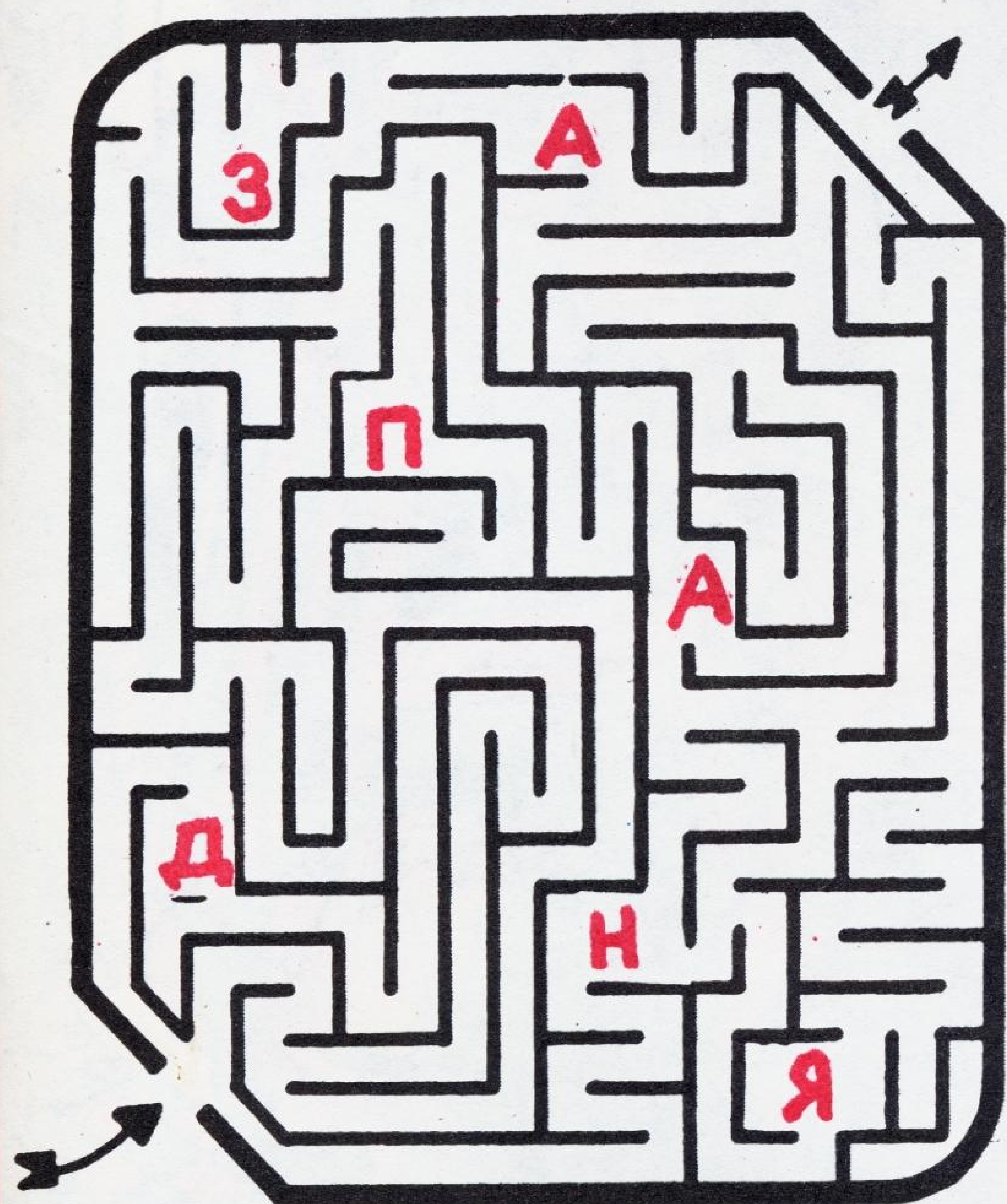
ж

з

Примечание: найдите, на каких кружочках есть детали почтового дилижанса.

ЛАБИРИНТ предупреждает

На буквы красные взгляни.
И что ты прочитаешь?
Так избегай же западни,
Когда по мне шагаешь.
И обойди-ка стороной
Все эти буквы до одной!

Бывает, что и целая Ума Палата ошибается. В № 5 в ответах мы написали, что Бегемот-звездочет составил из букв название планеты Венера. А на самом деле это планета Уран. Ума Палата извиняется перед всеми.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ИЗ № 8

Капитан Перо ищет помощника

К штурвалу! — причал в точке «у».

Игры Лупы и Пинцета

Гол! — 53—43 — восемь раз 13 и шесть раз 5.

Игры Деда Буквоеда

Спасите антилопу! — глаз, зона, антилопа, парад, дыня, няня.

СОДЕРЖАНИЕ

На обложке:
Наша Родина — СССР. Озеро Байкал.— Рисунок А. Гришина.

Адрес для писем: **101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.**
Телефон 212-14-17.

Сдано в набор 02.07.84.
Подписано к печати 17.07.84. А 10293. Формат $84\times60^1/_8$.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,46. Учетно-изд. л. 9,85.
Усл. кр.-отт. 31,17. Тираж 1 670 000 экз. Изд. № 1980. Заказ № 3109.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
125865, Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

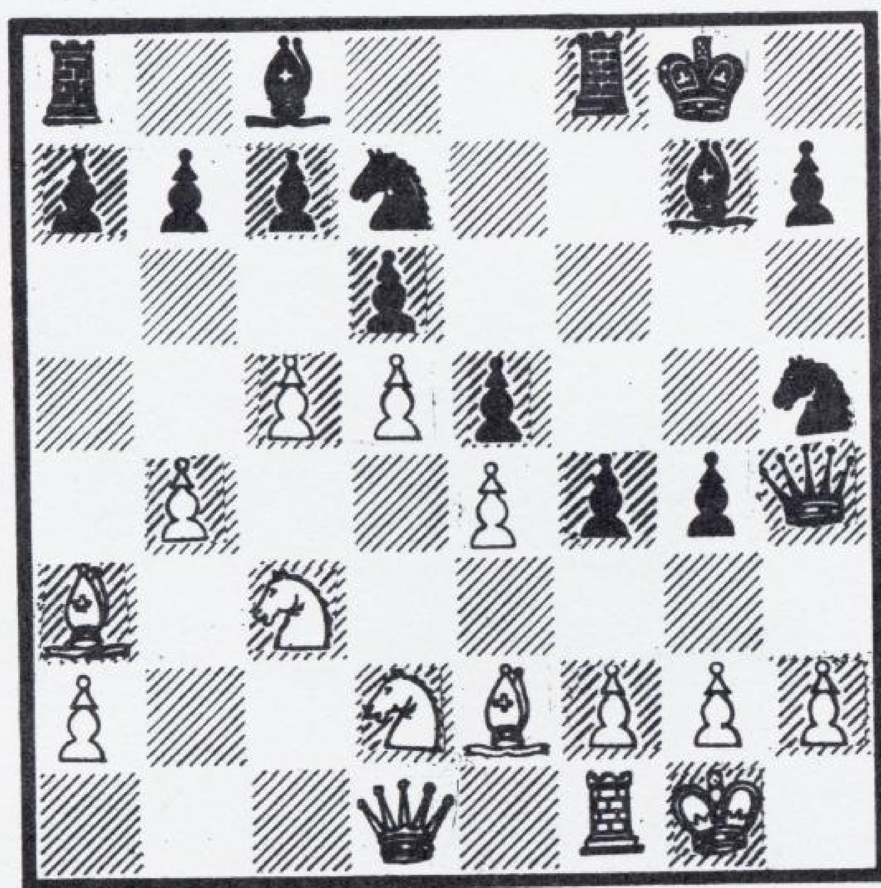
Турнир команд РСФСР

Как вы знаете, ребята, финал соревнований клуба «Белая ладья» проводился в июне в литовском городе Шяуляе. А в канун финала по всей стране прошли турниры команд пионерских дружин, выявившие лучших шахматистов и шахматисток. Более миллиона ребят участвовали в этих встречах. Особенно интересной была борьба в отборочных турнирах сильнейших команд Российской Федерации.

Турнир этот проходил в далеком сибирском поселке Шушенском, где почти три года пробыл в ссылке в конце прошлого века Владимир Ильич Ленин. Тогда Шушенское было глухой окраиной России. Неузнаваемым стало оно теперь. Здесь около 20 тысяч жителей, создано несколько предприятий. В поселке не только пять общеобразовательных школ, но есть еще музыкальная, художественная и спортивная.

Есть теперь в Шушенском и шахматный клуб. Он гостеприимно принял восемь лучших пионерских команд России. Упорной была борьба за ведущие места. Право выступать в Шяуляе завоевали команды школы № 31 Челябинска и школы № 14 Воронежа. На третье место вышли ребята из тульской школы № 45.

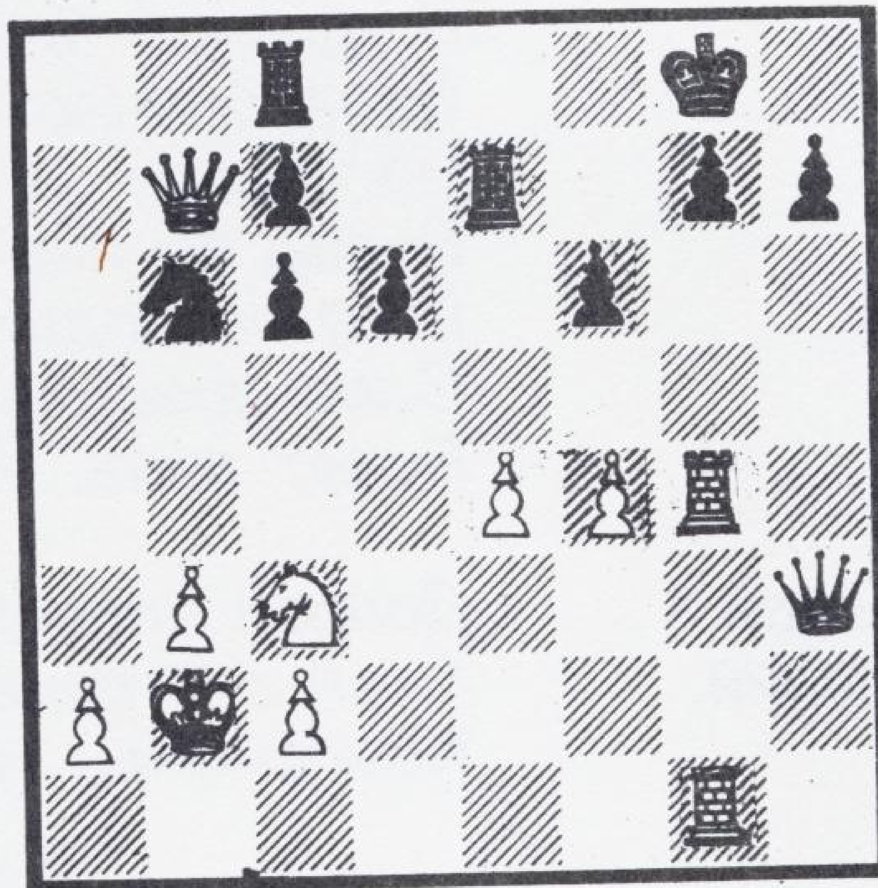
В команду-победительницу входили ученица 3-го класса Рутжанна Купрявичуте, ученики 5-го класса Саша Исаев, Саша Левин, шестиклассники Миша Цымблер и Егор Шперминг. Хорошо играли юные челябинцы, все они имеют первый разряд.

К этому положению пришла партия, в которой белыми играл Роман Свирновский (школа № 22, Новосибирск), а черными — Егор Шперминг.

Белый король плохо защищен своими фигурами, и черные смело проводят решительную атаку. События развивались так:

14... f4—f3! 15. g2:g3 Кg5—f4. 16. Крg1—h1 (упорнее было 16. fg) 16... Лf8—f6 17. f3:g4 Фh4—h3 18. Лf1—g1 Фh3:h2+ Белые сдались, они получают мат в два хода.

А это позиция из партии Вячеслава Семенова (школа № 17, Пермь) и Саши Исаева. И здесь фигуры черных расположены неудачно, не поддерживают друг друга. Это сразу показал сильный ход 26.a2—a4! Лc8—e8 (Ладью необходимо уводить, ведь конь b6 оттесняется со своего сторожевого поста.) 27.Фb7:c6 Крg8—f8 (следовало играть 27. ...Фh5) 28.a4—a5 Кb6—c8 29. Кc3—d5! Лe7—f7 (на 29... Л:e4 решает 30. К:f6!) 30. Кd5:c7 Лe8—e7 31. Кc7—d5 Кc8—a7 (Позиция черных развалилась, как карточный домик.) 32. Фc6:d6 Кa7—c8 33. Фd6—c5, и через несколько ходов черные капитулировали.

Пионерская шахматная школа

Много ребят включились в занятия нашей пионерской школы. Это очень хорошо. Уверены, что многие из них смогут получить спортивные разряды, повысить уровень своей игры.

Итак, проверьте решение первого задания. На диаграмме № 1 мат в два хода достигается превращением пешки c7 в коня: 1.c7—c8К+ Крd6—c6 2. Лh7—c7 мат. Если снять пешку, к цели ведет превращение пешки в ладью: 1.c7—c8Л Крd6—e6 2. Лc8—c6 мат. А без коня h6 и пешки f5 к мату ведет 1. c7—c8С (пешка превращается в слона) 1...Крd6—c6 2. Лh7—h6 мат.

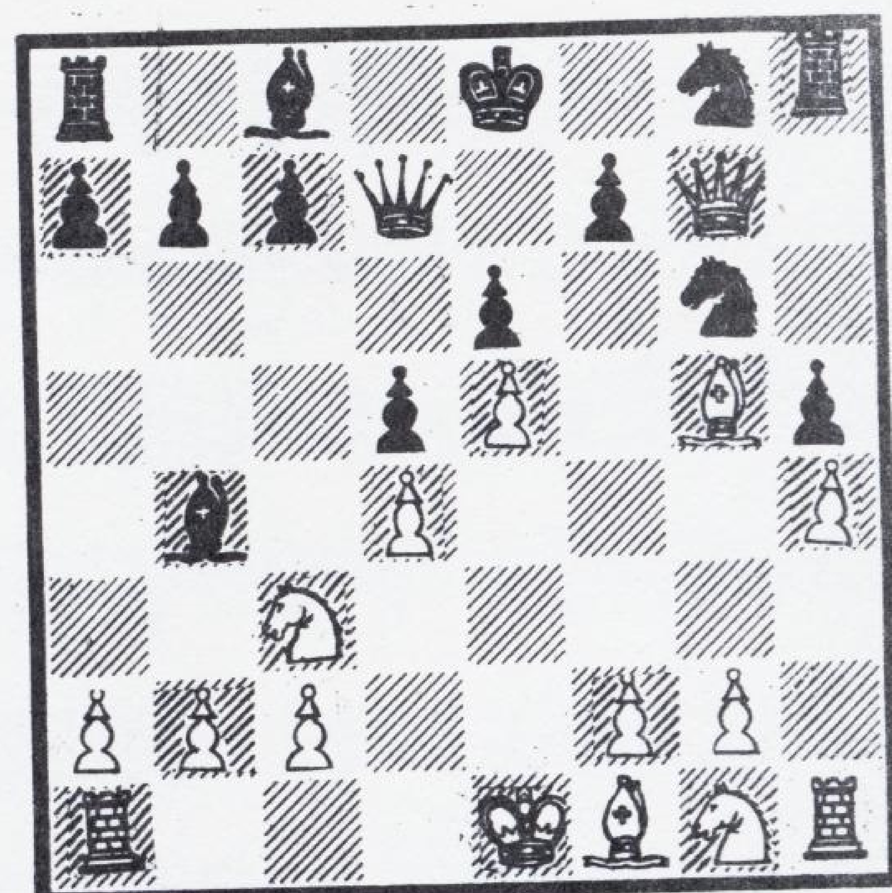
В позиции диаграммы № 2 пешку надо превращать в ферзя. 1. c7—c8Ф Крd6—d5 2. Фc7—d7 мат.

Задачи эти показывают, что пешки можно превращать в различные фигуры, даже если такие уже есть на шахматной доске. Так, в первом решении у белых действуют три коня.

Около тысячи верных решений прислали наши читатели, и все они получили победные очки. Среди правильно решивших **Ильгар Агаисев (г. Башкирск), Оксана Верстюк (село Берново, Черновицкая область), Саша Гальгенберг (село Тамга, Иссыкульская область), Саша Ильчук (село Белицкое, Донецкая область), Денис Малыхин (г. Омск), Коля Плахов (поселок Родники, Донецкая область), Саша Пылин (г. Курган), Бейбит и Нурлан Сахановы (поселок Айдабул, Кокчетавская область), Саша Шлевинскас (село Иней, Иркутская область), Лена Хохлова (поселок Грицовский, Тульская область).**

Новое наше задание (№ 4) такое: вам надо составить примечания к короткой партии, указать название дебюта, которым она игралась, найти в ней решающее продолжение:

1. e2—e4 e7—e6. 2. d2—d4 d7—d5. 3. Кb1—c3 Сf8—b4 4. e4—e5 Кb8—d7 5. Фd1—g4 Кd7—f8 6. h2—h4 h7—h5 7. Фg4: g7 Кf8—g6 8. Сc1—g5 Фd8—d7.

Ферзь белых в западне, грозит ход Сb4—f8. И тем не менее белые здесь могут добиться подавляющего преимущества. Каким образом? **Ждем ваших ответов, желаем успеха!**

Рисунок Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

Песня о Николае Островском

Музыка Леонида ПЕЧНИКОВА.

Слова Якова ШВЕДОВА.

От Каховки до Волыни —
В сизом пепле перекрестки...
А по ним летел в лавине
Молодой боец Островский
В бой за Родину Советов,
В путь орлиный, в путь геройский.
Эх ты, юность, юность удалая,
Быстрый конь да шашка боевая!..

Доброй славой, честью комсомольской
Стал в стране у нас герой Островский,
Комсомолец Николай Островский!

Комсомолец в дни затишья
Не мечтает о покое.
Он, рожденный бурей, пишет
О простом бойце-герое,
Как учили коммунисты
Наше племя молодое,
Как отвага в юношах рождалась
И как сталь в атаках закалялась!

Доброй славой, честью комсомольской
Стал в стране у нас герой Островский,
Комсомолец Николай Островский!

Книги пламенное слово
В грозной битве всенародной
Вдохновляло Кошевого
На борьбу за край свободный.
Вслед за ним солдат Матросов
Шел на подвиг благородный...
Слов правдивых сила огневая
Будет жить, как юность боевая!

Доброй славой, честью комсомольской
Стал в стране у нас герой Островский —
Комсомолец Николай Островский!

В стремительном движении

ISSN 0130—8009

Цена 30 коп. Индекс 70694.